

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова»

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ: ПРАКТИКУМ

*Утверждено Редакционно-издательским советом университета
в качестве практикума*

Магнитогорск
2020

УДК 37.015.2
ББК 74.3я73

Рецензенты:

кандидат педагогических наук,
учитель высшей категории
МОУ «Средняя общеобразовательная школа № 5
с углубленным изучением математики» г. Магнитогорска
Э.В. Витушкина

кандидат педагогических наук, доцент,
заведующая кафедрой дошкольного и специального образования,
ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова»
Л.Н. Санникова

Составитель: Неретина Т.Г.

Педагогическая антропология: практикум [Электронный ресурс]: практикум / сост. Т.Г. Неретина ; ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова». – Электрон. текстовые дан. (2,50 Мб). – Магнитогорск : ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова», 2020. – 1 электрон. опт. диск (CD-R). – Систем. требования : IBM PC, любой, более 1 GHz ; 512 Мб RAM ; 10 Мб HDD ; MS Windows XP и выше ; Adobe Reader 8.0 и выше ; CD/DVD-ROM дисковод ; мышь. – Загл. с титул. экрана.

В практикуме раскрыты основные вопросы становления педагогической антропологии как науки, рассмотрен человек как объект науки, воспитание как антропологический процесс. Представлены самостоятельные вопросы, контрольные вопросы, практические задания по изучаемым темам

Материал предназначен для студентов вуза, обучающихся по направлению подготовки 44.03.05 «Педагогическое образование», 44.04.01 «Педагогическое образование» (Управление качеством общего образования) всех форм обучения, а также для руководителей и педагогов общеобразовательных учреждений, родителей, и др. специалистов.

УДК 37.015.2
ББК 74.3я73

© сост. Неретина Т.Г., 2020
© ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова», 2020

Содержание

ВВЕДЕНИЕ.....	5
Перечень условных обозначений и сокращений	6
Первичный опрос	7
1. СТАНОВЛЕНИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ КАК НАУКИ..	8
Практикум «Педагогическая антропология как наука».....	11
2. МЕСТО ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ.....	13
2.1. Педагогико-антропологические основания педагогики	14
2.2. Задачи педагогической антропологии	14
2.3. Проблематика и источники педагогической антропологии	15
2.4. Другие антропологические науки как источники.....	18
3. ЧЕЛОВЕК КАК ОБЪЕКТ НАУКИ.....	19
Практикум «Человек с позиции разных наук».....	19
3.1. Высказывания ученых о человеке	21
Практикум «Человек – взгляд других...»	22
3.2. Человек как живое биоэнергетическое существо	23
Практикум «Характеристики человека».....	23
3.4. Социальность и разумность человека	25
3.5. Духовность и креативность человека.....	27
3.6. Целостность и противоречивость человека.....	28
Контрольные вопросы «Характеристики человека»	32
4. РЕБЕНОК КАК КОСМОБИОПСИХОСОЦИОКУЛЬТУРНОЕ СУЩЕСТВО	32
Практикум «Ребенок как биоэнергетическое существо».....	34
5. ОСОБЕННОСТИ ОНТОГЕНЕЗА ЧЕЛОВЕКА.....	35
Практикум «Проверка биологического возраста».....	38
6. ФИЛОГЕНЕЗ ЧЕЛОВЕКА.....	44
7. КУЛЬТУРА КАК АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН	46
Практикум «Культура в жизни человека»	49
8. КУЛЬТУРА И ЧЕЛОВЕК.....	50
Практикум «Характеристика концепций культуры»	50
9. ЧЕЛОВЕК КАК ПРЕДМЕТ ВОСПИТАНИЯ.....	51
9.1. Цели воспитания и самовоспитания	51
Практикум «Ассоциация – человек».....	52
9.2. Воспитание как процесс	52
10. ВОСПИТАНИЕ КАК АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС	59
10.1. Подходы к понятию «воспитательный процесс».....	61

10.2. Воспитание гражданина через нравственность	63
10.3. Воспитание в гармонии с природой	64
10.4. Воспитание в семье	64
10.5. «Двойное» воспитание	65
11. ПОНЯТИЕ ОБРАЗ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА	66
Практикум «Исследование жизненных задач человека»	69
12. ПОНЯТИЕ «НОРМА» И «АНОМАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ» ЧЕЛОВЕКА	71
УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ	73
Перечень вопросов к зачету	73
Вопросы для самостоятельного изучения	74
Контрольная работа «Реферативный обзор главы учебника К.Д. Ушинского»	75
УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ	77
ПРИЛОЖЕНИЕ К. Д. УШИНСКИЙ «ЧЕЛОВЕК КАК ПРЕДМЕТ ВОСПИТАНИЯ». ОПЫТ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ	78
Глава I. О чувствованиях вообще. Вступление	82
Глава II. Физиологическая теория чувствований	85
Глава III. Механическая, или математическая, теория чувствований	89
Глава IV. Философская теория чувствований	98
Глава V. Гипотеза стремлений	106
Глава VI. Врожденные стремления	110
Глава VII. Инстинктивные стремления к общественному и родовому существованию	116
Глава VIII. Стремление к сознательной деятельности	122
Глава IX. Происхождение чувствований из органических причин	131

ВВЕДЕНИЕ

Целью освоения дисциплины «Педагогическая антропология» является освоение компетенций в области формирования педагогического сознания и понимания основных закономерностей развития человека в онтогенезе, учета его возможностей в педагогической практике.

Задачи освоения дисциплины «Педагогическая антропология»:

- 1) ознакомление студентов с теоретическими основами педагогической антропологии как науки;
- 2) вооружение практическими методами и приемами научной организации воспитательной работы в образовательном процессе;
- 3) формирование у слушателей профессиональных подходов к решению педагогических задач в процессе образования.

Место дисциплины в структуре образовательной программы подготовки магистра

Дисциплина «Педагогическая антропология» входит в базовую часть блока 1 образовательной программы.

Для изучения дисциплины необходимы знания и умения, сформированные в результате следующих курсов: «Современные проблемы науки и образования», «Методология и методы научного исследования», «Инновационные процессы в образовании».

Знания, умения, владения, полученные при изучении данной дисциплины будут необходимы студентам для изучения следующих дисциплин: «Управление образовательными системами»; «Теория и практика педагогического просвещения»; «Этнопедагогика и межкультурная коммуникация в образовании»; «Управление качеством образования».

Требования к результатам освоения курса

Критерием успешного освоения программы курса является:

Знания:

- инновационных технологии менеджмента
- методологические основы способов саморазвития и самосовершенствования личности
- способы самостоятельного приобретения и использования, в том числе с помощью информационных технологий, новых знаний и умений, непосредственно не связанные со сферой профессиональной деятельности
- специфику современных проблем науки и образования

Умения:

- самостоятельно исследовать, организовывать и оценивать управленческий процесс
- принимать профессиональные решения согласно общеинтеллектуального и общекультурного уровня развития личности

– самостоятельно приобретать и использовать, в том числе с помощью информационных технологий, новые знания и умения, непосредственно не связанные со сферой профессиональной деятельности

– использовать знание современных проблем науки и образования при решении профессиональных задач

Владение:

– практическими навыками приобретения, использования и проектирования новых знаний и умений, связанных со сферой профессиональной деятельности и карьеры

– способами и приемами саморазвития

– практическими навыками приобретения и использования, в том числе с помощью информационных технологий, новых знаний и умений, непосредственно не связанных со сферой профессиональной деятельности

– практическими навыками отбора и анализа знаний современных проблем науки и образования

В результате освоения дисциплины «Педагогическая антропология» обучающийся должен обладать следующими компетенциями:

ПК-14 – готовностью исследовать, организовывать и оценивать управленческий процесс с использованием инновационных технологий менеджмента, соответствующих общим и специфическим закономерностям развития управляемой системы

ЭОР включает теоретический раздел, контрольно-измерительные материалы, глоссарий терминов, информационно-справочные материалы, библиографический список основной и дополнительной литературы.

Основной раздел представлен блоком лекционных тем, изучение которых включено в рабочую программу курса «Педагогическая антропология».

Изложенный теоретический материал пособия с разной степенью полноты охватывает основные разделы курса – становление педагогической антропологии как науки, место педагогической антропологии в системе педагогического знания, человек как объект науки, ребенок как космобиопсихосоциокультурное существо, особенности онтогенеза человека, культура и человек, человек как предмет воспитания, воспитание как антропологический процесс.

Контрольно-измерительные материалы включают: вопросы для самостоятельного изучения, контрольные вопросы, контрольная работа.

Глоссарий терминов содержит основные понятия из области педагогической антропологии, которые необходимо знать студентам при изучении основных вопросов в области управления.

Информационно-справочные материалы содержат материалы ФЗ «Об образовании в РФ» а также материал по деятельности педагогов-новаторов.

Список основной и дополнительной литературы содержит текстовое обеспечение и Интернет-ресурсы, способствующие изучению данного курса.

Перечень условных обозначений и сокращений

ОУ – образовательное учреждение

У.о. – управление образованием

Па – педагогическая антропология

НОО – начальное общее образование

ЛПР – лицо принимающее решение

ЗУНС – знания, умения, навыки, способности

ГОС – Государственный образовательный стандарт

СУБД – система управления базами данных

БД – база данных

Первичный опрос

1. Я считаю себя _____, _____, _____, _____ человеком.
2. Я Человек, который задумывается о _____.
3. Я Личность, т.к. _____.
4. Я индивидуальность, т.к. _____.
5. Я индивид, т.к. _____.
6. Мои главные жизненные ценности, это _____.
7. Особое место в моей жизни занимает _____.
8. Свой образ жизни я оцениваю как _____.
9. Современная жизнь в моём понимании, это _____.
10. Смысл жизни «человека вообще» заключается, на мой взгляд, в _____.
11. Я объект воспитания, т.к. _____.
12. Я субъект воспитания, т.к. _____.

1. СТАНОВЛЕНИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ КАК НАУКИ

Самостоятельной наукой, признанной как реальное научное человековедение, антропология стала благодаря Чарльзу Дарвину (1809-1882) лишь в середине XIX в. Свои представления о человеке, его развитии, изучающей его науке – антропологии Ч. Дарвин изложил в различных публикациях, прежде всего, в основном труде своей жизни «Происхождение видов путем естественного отбора» (1859).

Антропология – (греч. логос слово, наука) букв. «наука о человеке» наука о всеобщем и объективном в человеческой природе и о закономерностях проявления частного и субъективного. Под человеческой природой понимаются биология и психофизиология человека, а так же нормы, обычаи, поведение, инстинкты, социальные институты человека, как существующие от века, присущие всем людям, так и единичные и особенные, характерные для данного общества и для данного индивидуума. В нашей стране до середины 80-х годов XX века антропология понималась как межотраслевая, но по существу биологическая дисциплина, изучающая происхождение физического типа человека и его рас, при этом оговаривалось особое социально-биологическое положение рода Человек. Французский антрополог К. Леви-Строс определил физическую антропологию как науку, «изучающую биологические и психологические изменения человека вследствие возникновения социальной жизни, языка, культуры».

Социологический энциклопедический словарь определяет понятие антропология следующим образом:

1. Наука о происхождении и эволюции человека, образовании человеческих рас и о нормальных вариациях физического строения человека, обозначаемая так же, как физическая антропология.

2. Наука, изучающая культуру первобытных, традиционных и современных обществ; то же, что этнография, этнология, культурная антропология.

3. Наука о человеке в многообразии форм его жизнедеятельности включает в себя целый ряд дисциплин: антроп. доисторическую, антроп. культурную, лингвистическую, физическую (естественная история человека) и др.

Словарь «Культурология. XX век» определяет антропологию как «область научного познания, в рамках которой изучаются фундаментальные проблемы существования человека в природной и искусственной среде». В этой книге отмечается, что помимо традиционной систематизации антропологических дисциплин (археология, этнография, этнология, лингвистика, социальная и физическая антропология), в последние годы наблюдается «расширительная трактовка антропологии, когда в неё включаются и гуманитарные, и социальные науки».

Целью антропологии, по Дарвину, являлось полное постижение особенностей уникального вида *Homo Sapiens* – человека разумного,

являющегося высшим звеном в эволюции живого. Для реализации этой цели стали интенсивно проводиться исследования морфологических, анатомических, физиологических особенностей людей, живущих в разных климатических условиях, представляющих разные (преимущественно примитивные) культуры, народы и расы. Антропологи тщательно измеряли параметры внешнего облика представителей различных племен и народов, из-за чего новую науку стали называть физической антропологией. Но для них было важно и изучение ритуалов и традиций, в том числе и воспитательных, способов организации быта, включения отдельного человека в жизнь сообщества, взаимосвязи его членов между собой и многих других вопросов, без которых невозможно понять происхождение и особенности Homo Sapiens.

В результате антропология стала интегратором различных наук, занимавшихся человеком. Уже к концу XIX в. антропологи исследовали:

1) естественную историю человека (его эмбриологию, биологию, анатомию, психологию);

2) палеонтологию (предысторию и первобытность человека);

3) этнологию (распространение вида на Земле, поведение и обычаи разных племен и народов);

4) мифологию (историю возникновения, развития и взаимодействия религий);

5) социологию (отношения людей между собой в различных группах и объединениях);

6) демографию (закономерности воспроизводства человека);

7) медицинскую географию (воздействие на человека климата, атмосферных явлений, а также географическую и этнографическую патологию);

8) лингвистику (образование языков и их связи между собой, легенды, мифы, фольклор) и многое другое.

Проводя свои исследования, антропологи активно использовали данные археологии, истории, психологии, этнографии и других наук, выявлявших прошлое и настоящее человека.

Комплекс разнообразных человековедческих знаний, который очень быстро накопила антропология, объективно сделал ее универсальной наукой о человеке – одновременно синкретичной и динамичной.

Чрезмерное обилие разнообразной информации, полученной антропологами во всех концах света, привело как к дифференциации внутри самой науки о происхождении видов, вычленению из нее самостоятельных научных направлений, так и к возрастанию интереса к человеку со стороны других гуманитарных наук и возникновению в них собственных антропологии. Сегодня существуют философская, религиозная, культурная, социальная, психологическая и другие антропологии. А бывшая универсальной антропология стала лишь одной из человековедческих наук естественно-научного направления. Она включает в себя расоведение, морфологию человека, антропогенез и, как ни странно, педагогическую антропологию.

Прилагательное «педагогическая» появилось в одном из разделов антропологии потому, что этот раздел изучает антропологический облик не взрослых, а детей. Она отработывает способы фиксации этого облика и его изменений под влиянием различных факторов – природных, социокультурных, экологических; описывает типичную для конкретного этноса возрастную динамику облика детей. Определяет зависимость антропометрических показателей от режима и содержания жизни конкретных образовательных учреждений, от специфики организации дидактических и воспитательных систем. Очевидно, что этот раздел антропологии дает весьма поучительную информацию для человековедения, в том числе и для педагогики.

Тесно взаимодействуя с физиологией, медициной, школьной гигиеной, эта естественно-научная дисциплина является практика-ориентированной педагогической антропологией.

Педагогическая антропология – наука о более полном, целостном, системном представлении о человеке как предмете воспитания, образования и обучения, это система знания о его развитии под влиянием конкретных образовательных систем.

Педагогическую антропологию занимают вопросы исторической природы человека, его воспитания с точки зрения эволюционной теории. Она синтезирует в себе данные естественных наук, философии, психологии, теологии, космологии, искусствоведения в их обращенности к человеку. Это путь к предельно полному синтезу знаний человека о себе, обеспечивающих решение стоящих образовательных задач. В основе этой относительно новой развивающейся науки лежат педагогические идеи об общечеловеческом значении веры в силы и возможности творческой самореализации каждого человека, чуткого отношения к интересам и потребностям особенно детской природы, о целесообразности создания «педагогики ненасилия».

Цель образования может и должна вытекать из природы ребенка, воспитание есть развитие естественных потенций растущего человека, а учебно-воспитательный процесс должен протекать по законам развития детского организма. Основы отечественной педагогической антропологии заложены трудами Н.И. Пирогова и К.Д. Ушинского.

Становление этой науки в современных условиях символизирует развитие гуманистического и демократического направления в педагогике и системе образования России.

Таким образом, педагогическая антропология, это:

1. Самостоятельная отрасль науки об образовании, целостное и системное знание о человеке воспитывающем и воспитываемом, как субъекте и объекте образования; интегративная наука, обобщающая различные знания о человеке в аспекте воспитания и обучения. В этом значении П.а. стремится определить своё место в системе наук и, прежде всего в системе педагогического знания, обрести статус самостоятельной науки, обладающей специфическим объектом, предметом, целями, проблемами и методом их решения.

2. Основание педагогической теории и практики, методологическое ядро

педагогических наук, которое вбирает в себя научные знания о человеке, полученные в процессе образования. В этом значении она ориентирует педагогику на разработку и применение особого антропологического подхода. Антропологический подход предполагает соотнесение любого знания об образовательных явлениях и процессах со знаниями о природе человека, связывает получение педагогического знания методом, обеспечивающим интеграцию человека в педагогику, опирается на антропологическую аксиоматику, на основе которой строятся теория и методология и т.п.

Практикум «Педагогическая антропология как наука»

Представить материал в виде схемы, рисунка и т.п.

1. **Педагогическая антропология.** Самостоятельная отрасль науки об образовании, целостное и системное знание о человеке, воспитывающем и воспитываемом, как субъекте и объекте образования; интегративная наука, обобщающая различные знания о человеке в аспекте воспитания и обучения (перечислите знания о человеке). В этом значении Педагогическая антропология стремится определить своё место в системе наук и, прежде всего в системе педагогического знания, обрести статус самостоятельной науки, обладающей специфическим объектом, предметом, целями, проблемами и методом их решения.

2. **Педагогическая антропология** – основание педагогической теории и практики, методологическое ядро педагогических наук, которое вбирает в себя научные знания о человеке, полученные в процессе образования. В этом значении Педагогическая антропология ориентирует педагогику на разработку и применение особого антропологического подхода. Антропологический подход предполагает соотнесение любого знания об образовательных явлениях и процессах со знаниями о природе человека, связывает получение педагогического знания методом, обеспечивающим интеграцию человека в педагогику, опирается на антропологическую аксиоматику, на основе которой строятся теория и методология проблем становления и развития личности. Педагогическая антропология в первом и втором значениях часто присутствует в работах одних и тех же авторов в различных исследовательских контекстах.

3. **Педагогическая антропология** – направление в гуманитарных исследованиях, оформившееся в Западной Европе в середине 20 в., на основе синтеза теоретико-педагогического, философско-антропологического и человековедческого знания. Это направление получило развитие преимущественно в ФРГ, Австрии и Швейцарии (О.Ф. Больнов, Й. Дерболав, Г. Рот, А. Флитнер, Г. Цдарцил).

Будучи изначально обращённой к человеку, к целям, путям, способам и условиям организации его развития, педагогика как область гуманитарного знания и сфера социальной практики в принципе не может существовать вне контекста антропологической проблематики. П.а. как самостоятельная отрасль знания стала разрабатываться К. Шмидтом в Германии и К.Д. Ушинским в

России в 60-х гг. 19 в. Ушинский в своём фундаментальном труде «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии» (Избр. пед. соч., в 6 тт., М., 1990, т. 5, 6) исходил из того, что «воспитать человека во всех отношениях» можно, лишь «узнав его во всех отношениях». Он предлагал педагогам «извлечь из массы фактов каждой науки те, которые могут иметь приложение в деле воспитания, ...свести эти избранные факты лицом к лицу и, осветив один факт другим, составить из всех удобообозреваемую систему». По его мнению, «воспитатель должен знать человека в семействе, в обществе, во всех возрастах, во всех классах, во всех положениях, в радости и горе, в величии и унижении, в избытке сил и в болезни, среди неограниченных надежд и на одре смерти, когда слово человеческого утешения уже бессильно. Он должен знать побудительные причины самых грязных и самых великих деяний, историю зарождения всякой страсти и всякого характера. Только тогда будет он в состоянии почерпнуть в самой природе человека средства воспитательного влияния – а средства эти громадны». Во 2-й половине 19 в. – 1-й четверти 20 в. в России развивалась школа педагогов-антропологов (Н.И. Пирогов, Ушинский, К.К. Сент-Илер, М.И. Демков, П.Ф. Лесгафт, П.Ф. Каптерев, В.А. Вагнер, Ю.И. Айхенвальд).

После установления в 1917 советского режима были закрыты все педагогические исследования, которые стремились органически слить человековедение с образованием. В 1-й половине 30-х гг. в стране утвердилась т.н. «бездетная педагогика». Эта педагогическая система на несколько десятилетий стала господствующей в отечественной теории образования, несмотря на стремление ряда учёных (Б.Г. Ананьева, Л.С. Выготского, Э.В. Ильенкова, В.А. Сухомлинского, Д.Б. Эльконина и др.) последовательно опираться при решении проблем образования на природу человека и синтез знания о нём.

Со 2-й половины 1980-х гг. в России начался интенсивный процесс возрождения П.а. как особого направления научно-педагогических исследований (Б.М. Бим-Бад, Б.В. Емельянов, В.Б. Куликов, Л.К. Рахлевская, В.Д. Семёнов, Г.Е. Соловьёв). В 90-х гг. П.а. как отдельная дисциплина вошла в программу высших педагогических учебных заведений Рос. Федерации.

(Бим-Бад Б.М. Педагогический энциклопедический словарь. – М., 2002. – С. 189-190)

2. МЕСТО ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Педагогическая антропология входит в педагогику как ее составная часть. Поэтому для ответа на вопрос, что такое педагогическая антропология, необходимо понять, что такое педагогика.

Педагогика – наука и искусство совершенствования человека и групп людей с помощью образования, воспитания и обучения.

В педагогическое знание включаются три главные области.

1. *Педагогика как наука и искусство.* Область знания о педагогике как теории и практике называется философией педагогики, или общей педагогикой. Философия педагогики отвечает на следующие главные вопросы. Необходима ли педагогика как научное знание о воспитании? Если необходима, то, как она возможна? Какова природа педагогики в отличие от других наук и искусств?

Природа педагогики как науки и искусства воспитания производна от природы воспитания, от понимания его сущности. Поэтому в основе философии педагогики лежит теория образования, воспитания и обучения.

2. *Теория образования, воспитания и обучения.* Эта теория отвечает на вопросы о природе образования, воспитания и обучения, об их необходимости и возможности. Ее предметом являются процесс воспитания и учебный процесс.

Образование, воспитание и обучение человека зависят от понимания природы человека, от знания возможностей и границ его развития. Поэтому в фундаменте теории воспитания лежит знание о человеке как воспитуемом (обучаемом) и воспитателе (учителе).

3. *Педагогическая антропология как фундамент всего здания педагогики.* Часть педагогики, посвященная познанию человека как воспитателя и воспитуемого, называется педагогической антропологией. Она отвечает на вопросы о природе человека и людского сообщества, о воспитуемости, обучаемости человека и групп людей.

На педагогической антропологии покоится теория образовательно-воспитательных процессов, над которой возвышается теория педагогики.

Графически представить структуру педагогики можно как пирамиду. В ее основании находятся обобщающие положения о человеке как субъекте и объекте воспитания – педагогическая антропология. Первый этаж занимает теория воспитания. Венчают «пирамиду» идеи о педагогике как науке и искусстве – общая педагогика (философия педагогики).

Прочность всего здания в огромной мере зависит от крепости его фундамента. Если предположить, например, что человек никак не воспитуем по своей природе (посылка на фундаментальном этаже «пирамиды»), то и теории воспитания быть не может (посылка на первом этаже). Стало быть, и педагогика как знание о воспитании не нужна, да и невозможна (посылка второго, верхнего этажа).

Решительно все, что может и должно содержаться в педагогике на любых этажах ее структуры, связано с ее фундаментальной частью. С ее понятиями, исходными положениями, гипотезами, теориями и фактами. Всякое положение педагогической антропологии принудительно влечет за собой соответствующий ему тезис теории воспитания. Философия педагогики в свою очередь согласуется с данными теории воспитания.

Педагогическая антропология вырабатывает идеи, которые пронизывают собой все этажи педагогики снизу доверху.

2.1. Педагогико-антропологические основания педагогики

При решении всех проблем целей, сущности и путей воспитания и обучения педагоги исходят из природы ребенка. Поэтому содержание и структура антропологического фундамента педагогики являются важнейшим моментом дифференциации педагогических течений.

Так, например, в основе естественнонаучного течения всегда находилось и находится ныне понимание человека как части природы, как по преимуществу биологического существа.

Опытническое течение берет за основу руссистско-толстовскую трактовку человека как носителя изнутри разворачивающихся спонтанных сущностных сил.

Социологическое течение природу человека считает почти целиком производной от общества. Индивидуальное сознание – от коллективного сознания.

Теологическая педагогика базируется на учении о человеке как образе и подобии Божьем. Или же исходит из других догматов провиденциальной направленности.

Антропологическое течение в педагогике отличается многофакторным подходом к истокам и процессам развития личности. К педагогическому вмешательству в их протекание.

Педагоги-антропологи исследуют взаимодействие и биологических, и социальных, и духовных факторов в структуре личности.

Представители антропологического течения сознательно и преднамеренно базируют свои послышки на данных человековедения.

2.2. Задачи педагогической антропологии

Педагогическая антропология нацелена на то, чтобы узнать и понять человека как воспитателя и воспитуемого. Исходя из этого знания и понимания дать практически ориентированные рекомендации.

Воспитание предполагает проникновение в природу человека, постижение его сущности. Оно обязано исходить из истины человеческой природы в ее реальном историческом бытии. «Если педагогика хочет воспитывать человека во всех отношениях, то она должна прежде узнать его

тоже во всех отношениях», – это положение Константина Дмитриевича Ушинского было и остается аксиомой для всей реалистической отечественной науки о воспитании.

«Воспитатель должен знать человека в семействе, в обществе, во всех возрастах, во всех классах, во всех положениях, в радости и горе, в величии и унижении, в избытке сил и в болезни, среди неограниченных надежд и на одре смерти, когда слово *человеческого* утешения уже бессильно. Он должен знать побудительные причины самых грязных и самых высоких деяний, историю зарождения преступных и великих мыслей, историю развития всякой страсти и всякого характера. Тогда только будет он в состоянии почерпать в самой природе человека средства воспитательного влияния, – а средства эти громадны», – справедливо утверждал К.Д. Ушинский.

Педагогическая антропология стремится понять, как очеловечивается человек и как люди разного возраста влияют друг на друга. Насколько мы воспитуемы на разных этапах жизни? Каковы причины и процессы становления личности? Каков характер различных групп, числом членов от двух до всего рода людского, и как личность взаимодействует с ними?

Факты и закономерности индивидуального и группового развития – знание «обо всей широте человеческой жизни» (К.Д. Ушинский) – призваны дать фундамент для действенного воспитания. Эффективные педагогические технологии возможны только как природо- и культуросообразное построение практики. Все они опираются на законы развития человека и культуры.

Педагогическая антропология снабжает воспитателя, учителя, наставника знанием о них самих и об их питомцах, а также об окружающих их людях, их типах и жизнедеятельности.

Законы индивидуального и группового развития, которые изучает педагогическая антропология, становятся базой педагогической практики – как педагогического совета, если угодно, «рецепта», так и предупреждения об опасностях.

2.3. Проблематика и источники педагогической антропологии

Предмет педагогической антропологии, как и любой науки, составляет единство *проблематики* которую она разрабатывает, *источников* и *методов*, с помощью которых она решает эти проблемы.

Проблематика. В педагогической антропологии различимы как минимум три круга проблем, в свою очередь имеющих внутреннюю структуру разветвляющихся тем и подтем. Это: 1) способы познания человека как воспитателя и воспитуемого; 2) воспитание человека обществом; 3) воспитание человека человеком.

В *первый* круг проблем входят темы объекта и предмета педагогической антропологии. Их разработка включает в себя исследования по истории содержания и методов педагогической антропологии.

Это – ход и результаты антропологических изысканий в рамках наиболее влиятельных течений и направлений педагогики, других отраслей знания о человеке. Это также история педагогической антропологии как специальной области исследований. Здесь особого внимания заслуживают антропологическое обоснование педагогических норм, логика и способы этого обоснования.

Первый круг проблем охватывает также определение места педагогической антропологии среди других педагогических наук.

Главная составная часть **второго круга** проблем в составе педагогической антропологии – осознаваемое и неосознаваемое воспитательное взаимодействие человека и человечества.

Человек здесь рассматривается как член общностей разного масштаба и как участник процессов общественного сознания и познания. Изучается взаимозависимость человека и его истории, социальных установлений, общностей неодинакового типа. Венчает этот раздел тематика образовательной и воспитательной деятельности общества: зависимость общественного бытия от уровня и качества образования и зависимость образования от характера общественного бытия.

В социальных институтах и в материальном производстве воплощены дух, идеи, мышление, все продуктивные психические способности людей. Воспитывающие воздействия на каждого растущего человека оказывают все формы жизни – религия, политика, искусство, наука. Трудовая деятельность, материальные условия. Обычаи, нравы, традиции.

Педагогическая практика и теория неотрывны от образа культурной жизни людей.

Поэтому изучение устройства и функционирования общества есть основание для классификации и типологии личности, для ее феноменологии, для изучения и исторически преходящего в личности, и вечно сохраняющегося, хотя и видоизменяющегося в ней.

Становление, развитие и судьба личности, ее воспитание другими личностями составляют **третий круг** тем и проблем. Движущие силы развития личности и управление ее развитием – наиболее обширные темы педагогической антропологии.

Третий круг проблем охватывает ряд разделов.

1. В первом разделе содержатся ответы на вопрос, *почему мы такие*, какие есть. Движущие силы развития личности изучаются в их взаимодействии. История индивидуальной жизни рассматривается как сложное взаимное отношение телесных, духовных, культурных и социальных программ развития.

Способность воспринимать и транслировать культуру входит в число фундаментальных свойств человека. Она варьируется в весьма широких границах. Эти степени индивидуальных различий представляют для педагогической антропологии первостепенный интерес. Равно как и факторы созревания и колебаний основополагающих способностей, ход их развития.

Источником развития и воспитания чувств является реализация стремлений (мотивов, побуждений, желаний и т. п.) в зависимости от условий, успехов и препятствий в их осуществлении. Чувства выступают в роли «посредника» между познанием и волей, заключающейся в образовании желаний, принятии решений и проведении их в жизнь, в поступках и деяниях, во власти человека над собой, в его пользовании свободой.

Педагогическую антропологию интересует также сложный процесс принятия решений. Он связан, с одной стороны, с жизненными ситуациями, а с другой – со складывающимися потребностями, интересами, склонностями. Этот процесс во многом определяется целями и задачами, которые наполняют смыслом жизнь человека.

С помощью рефлексии – наблюдения субъекта за собственной психической реальностью – человек осознает свой рассудочный процесс, контролирует его логичность, истинность, проверяет его результаты доказанными данными и множеством фактов.

Мышление не сводится к актуализации ранее образованных ассоциаций. Напротив, существует и регрессивное уподобление прежнего опыта новому. Результаты мыслительной работы нередко ведут к перестройке структуры и замене содержания предшествующих элементов тезауруса.

Рефлексия позволяет преодолевать противоречия между старым и новым в нашем опыте, между чувственным и рациональным, воображаемым и реальным, желаемым и действительным.

2. Вопросы, связанные с темой «*какие мы?*», освещаются во втором разделе.

В *экзистенциальной* части изучается переживаемое человеком существование. Описываются представления, переживания и ожидания человека, связанные со смыслом его жизни, содержанием счастья, отношением к смерти и бессмертию.

Здесь же характеризуются экзистенциальные ценности.

Исследуется соотношение детства с последующими эпохами жизни.

Жизнь предстает как воспитатель и школа, воспитание и школа – как компонент жизни.

Феноменологическая часть этого же раздела посвящена проявлениям личности, ее содержанию и направленности. Здесь рассматривается поведение человека без свидетелей и поведение на людях.

В проблематику этой части входит типология личности и групп. Среди множества этих типологий первостепенное значение имеют характерологические.

Большое внимание уделяется здесь типологии педагогов и андрагогов – воспитателей, учителей, наставников, преподавателей и т.д.

3. Управление и самоуправление развитием личности изучаются в соотношении содержательных и процессуальных сторон воспитания. Особенно подробно исследуется воспитывающая и обучающая среда, принципы ее конструирования и оперирования.

Каким же образом осуществляется научная разработка всех этих проблем? Насколько доказательно, достоверно, проверено получаемое педагогической антропологией знание? Из каких источников и какими методами мы его добываем?

2.4. Другие антропологические науки как источники

Источники. Педагогическая антропология черпает свой материал из всех областей человекознания, а также из религии, искусства и практики.

Другие антропологические науки как источники. Человековедение покоится на обширном фундаменте антропологии как науке о роде homo, в свою очередь опирающейся на естественные и гуманитарные области познания. Педагогической антропологии приходится интерпретировать данные как базовых, исходных наук о человеке, так и обобщающих антропологических наук.

Философская антропология выступает как один из главных источников педагогической антропологии, поскольку представляет собой не только системное и целостное, но и всеобъемлющее знание о человеке и мире человека в их единстве.

Философская антропология поставляет педагогический материал и методы, обнимающие собой все существенные для воспитания аспекты личности как микрокосма, изоморфного макрокосму.

Культурная антропология для педагогической важна тем, что занимается, в частности, воспитанием, образованием, обучением, передачей опыта от поколения к поколению у первобытных племен. И у ныне сохранившихся, и тех древних племен, которые мы можем реконструировать по результатам археологических раскопок, лингвистических изысканий и т.д.

Биологическая (естественнонаучная) антропология дает педагогической антропологии материал о биологических аспектах роста детей, о физическом развитии и морфологии человека. Биологическая антропология включает в себя также проблематику антропогенеза и расоведения, также ценную для педагогической антропологии.

В значительной мере педагогическая антропология опирается и на материалы и методы социальной, когнитивной, интерпретативной и других антропологий.

3. ЧЕЛОВЕК КАК ОБЪЕКТ НАУКИ

Человек настолько многообразен, «многоголосен», что разные науки обнаруживают в нем прямо противоположные человеческие свойства и сосредоточиваются на них.

Практикум «Человек с позиции разных наук»

Таблица 1

Человек с позиции разных наук. Приведите свои примеры

Наука	Сущность человека	Примеры
Для экономики	Человек – рационально мыслящее существо	
Для психологии	Человек – иррациональное существо	
Для истории	Человек – «автор», субъект определенных исторических событий	
Для педагогики	Человек – объект заботы, помощи, поддержки	
Для социологии	Человек – существо с инвариантным поведением	
Для генетики	Человек – запрограммированное существо	
Для кибернетики	Человек – универсальный робот	
Для химии	Человек – набор определенных химических соединений.	

Сегодня становится все очевидней: ЧЕЛОВЕК – сверхсложный, неисчерпаемый, во многом загадочный предмет познания; полное постижение его (задача, поставленная на заре существования антропологии) в принципе невозможно.

Антропология. Виды и разделы

Виды и разделы антропологии	Содержание раздела
Философская антропология	Подходит к человеку как целостному, уникальному явлению – один из ведущих принципов современной педагогической антропологии
Российская педагогическая антропология (педагогическое человековедение) Концепция О. Больнова	Трактует человека как существо, изначально имеющее потребность и способность активно включаться в процесс воспитания
«Физическая» антропология	Человек (в том числе ребенок) исследуется как представитель вида Homo sapiens, ей интересен прежде всего его организм
В религиозной антропологии	Человек рассматривается как наиболее драгоценное творение Бога, ее интересует прежде всего духовное бытие человека и ребенка
Культурная антропология	Воспринимает человека в связи с окружающей его культурой, социальными отношениями, традициями, в том числе и воспитательными; ее интересы лежат в области механизмов взаимодействия человека и культуры, человека и группы и пр
Психологическая антропология	Изучает человека как индивида (и тогда ее интерес – нейродинамические особенности психической деятельности людей) и как личность (и тогда она обращается к тем аспектам психики человека, которые позволяют ему жить в обществе).
Педагогическая антропология	Создает целостный образ не только ребенка, но и воспитания, анализирует прецеденты и условия эффективности практического воплощения своих идей в деятельности педагогов, практических психологов, социальных педагогов, родителей

3.1. Высказывания ученых о человеке

Порядочный человек всегда прост.

Марциал

Каждый человек, подобно луне, имеет свою неосвещенную сторону, которую он никому не показывает.

Марк Твен

Лишь мелкие люди вечно взвешивают, что следует уважать, а что – любить. Человек истинно большой души, не задумываясь, любит все, что достойно уважения.

Вовенарг

Высший человек с силою поднимает свой век на более высокую ступень человечества; оно оглядывается назад и удивляется той пропасти, через которую оно перенеслось; десницей великана выхватывает высший человек из летописи рода человеческого все то, что он может схватить.

Фихте И.

Человек – целый мир, было бы только основное побуждение в нем благородно.

Достоевский Ф. М.

Человек – единственное животное на свете, способное смеяться и рыдать, ибо из всех живых существ только человеку дано видеть разницу между тем, что есть, и тем, что могло бы быть.

Хэзлитт У.

Суди о человеке больше по его вопросам, чем по его ответам.

Вольтер

Народу много, а людей немного.

Диоген

Люди рождены друг для друга.

Марк Аврелий

Человек не зверь и не ангел; он должен любить не животное

Платон

Лучший среди людей тот, кто больше приносит пользы другим.

Джами

В каждом человеке есть что-то от всех людей.

Лихтенберг Г.

Человек может подняться на самые высокие вершины, но долго пребывать там он не может.

Шоу Б.

Люди рождены, чтобы помогать друг другу, как рука помогает руке, нога ноге и верхняя челюсть – нижней.

Марк Аврелий

Человек по своей природе – животное чистое и изящное.

Сенека

Стыдно признаться, но ведь из всех живых существ лишь один человек не знает, что для него полезно.

Плиний

Я – связь миров, повсюду сущих.
Я – крайняя степень вещества.
Я – средоточие живущих, Черта начальная Божества.
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю.
Я – царь,
я – раб,
Я – червь,
я – Бог!

Г. Р. Державин

Во времени живя, мы времени не знаем.
Тем самым мы самих себя не понимаем.
В какое время мы, однако, родились? Какое время нам прикажет:
«Удались!»? А как нам распознать, что наше время значит?
И что за будущее наше время прячет?
Весьма различны времена по временам.
То – нечто, то – ничто. Они подобны нам.
Изжив себя в конец, рождает время – время.
Так продолжается и человечесьё племя.
Но время времени нам кажется длинней
Коротким временем нам отведенных дней.

Пауль Флеминг (Германия, XVI в.)

Практикум «Человек – взгляд других...»

Приведите свои примеры цитат и высказывание о Человеке.

3.2. Человек как живое биоэнергетическое существо

Человек – не только существо космическое, природное. Он – общественно-историческое существо.

Практикум «Характеристики человека»

Таблица 3

Характеристики человека как общественно-историческое существо

Характеристики Человека	Содержание характеристики	Докажите, что Вы:
1. Социальность человека	Огромно значение общества для каждого отдельного человека, поскольку оно – не механическое сложение отдельных индивидов, а интеграция людей в единый общественный организм. «Первейшее из первых условий жизни человека – это другой человек. Другие люди – центры, вокруг которых организуется мир человека. Отношение к другому человеку, к людям составляет основную ткань человеческой жизни, ее сердцевину», – писал С. Л. Рубинштейн. Человек развивается только «смотрясь» (К. Маркс) в другого человека.	
2. Разумность человека	Именно общественно-исторический способ бытия сделал прачеловека существом разумным. Под разумностью понимают то, что характерно только для человека – способность осознавать не только мир, но и себя в нем: – свое бытие во времени и пространстве; – способность фиксировать свое осознание мира и себя; – стремление к самоанализу, самокритике, самооценке, целеполаганию и планированию своей жизнедеятельности, т. е. самоосознание, рефлексия. Разумность врожденна у человека.	
3. Духовность человека	Духовность свойственна всем людям как общечеловеческая исходная потребность в ориентации на высшие ценности. Является ли духовность человека следствием его социально-исторического бытия или она свидетельство его божественного происхождения, этот вопрос остается до сих пор дискуссионным. Только человеку свойственны ненасыщаемые потребности в новом знании, в поиске истины, в особой деятельности по созданию нематериальных ценностей, в жизни по совести и справедливости. Только человек способен жить в нематериальном, нереальном мире: в мире искусства, в воображаемом прошлом или будущем. Только человек способен трудиться для удовольствия и получать удовольствие от тяжелой работы, если она свободна,	

Характеристики Человека	Содержание характеристики	Докажите, что Вы:
	имеет личностный или общественно-значимый смысл.	
4. Креативность человека	Креативность человека обнаруживается и в его способности к созданию нового во всех сферах своей жизни, в том числе и в занятиях искусством, и в сензитивности к нему. Она повседневно проявляется и в том, что В. А. Петровский называет «способностью свободно и ответственно выходить за границы предустановленного» (начиная от любознательности и кончая социальными новациями). Она проявляется в непредсказуемости поведения не только отдельных людей, но и социальных групп и целых наций.	
5. Целостность человека	человек – это «живое создание, характеризующееся единством материального, чувственного, духовного и рационально-действенного бытия». Современные исследователи подчеркивают такую особенность целостности человека, как «голографичность»: в любом проявлении человека, каждом его свойстве, органе и системе объемно представлен весь человек. Физическая целостность человеческого организма (любая царапина заставляет реагировать весь организм в целом), но она не исчерпывает целостности человека – сверхсложного существа. Целостность человека проявляется, например, в том, что его физиологические, анатомические, психические свойства не только адекватны друг другу, но взаимосвязаны, взаимоопределяют, взаимообуславливают друг друга.	
6. Противоречивость человека	Можно зафиксировать еще целый ряд интереснейших, чисто человеческих противоречий, неотъемлемых от его природы. Так, будучи существом материальным, человек не может жить только в материальном мире. Принадлежа к объективной действительности, человек во всякий момент своего сознательного бытия способен выйти за пределы всего, что дано ему фактически, дистанцироваться от своего реального бытия, погрузиться во внутреннюю, только ему принадлежащую, «виртуальную» реальность. Мир грез и фантазий, воспоминаний и проектов, мифов и игр, идеалов и ценностей настолько значим для человека, что он готов отдать за них самое дорогое – свою жизнь и жизни других людей.	

3.3. Человек как биоэнергетическое существо

Как все живое, человек активен, т. е. способен избирательно отражать, воспринимать, реагировать на любые раздражения и воздействия, имеет, по выражению Ф.Энгельса, «самостоятельную силу реакции».

Он пластичен, т. е. обладает высокими адаптивными способностями к изменяющимся условиям жизни при сохранении видовых особенностей.

Он – существо динамичное, развивающееся, определенные изменения происходят в органах, системах, мозге человека и на протяжении веков, и в процессе жизни каждого человека. Причем, как считает современная наука, процесс развития Homo Sapiens не является завершенным, возможности человека к изменению не исчерпаны.

Как все живое, человек органично принадлежит природе Земли и Космосу, с которыми у него постоянно происходит обмен веществ и энергий очевидно, что человек является неотъемлемой частью биосферы, растительного и животного мира Земли, выявляет в себе признаки животно-растительной жизни. Например, новейшие открытия палеонтологии и молекулярной биологии свидетельствуют: генетические коды человека и обезьяны отличаются лишь на 1–2 % (в то время как анатомические отличия составляют около 70%). Особенно наглядна близость человека к животному миру. Вот почему человек часто отождествляет себя с теми или иными животными в мифах и в сказках. Вот почему и философы иногда рассматривают человека как животное: поэтическое (Аристотель), смеющееся (Рабле), трагическое (Шопенгауэр), производящее орудия, лживое...

И все же человек – не просто высшее животное, не просто венец развития природы Земли. Он, по определению российского философа И. А. Ильина, – «всеприрода». «Он организовано включает, сосредоточивает и концентрирует все то, что содержится в отдаленнейших туманностях и в ближайших микроорганизмах, объемля все это своим духом в познании и восприятии».

Органическая принадлежность человека к Космосу подтверждается данными таких, казалось бы, далеких от человека наук, как коксохимия, астрофизика и др. В этой связи вспоминается высказывание Н. А. Бердяева: «Человек потому понимает Вселенную, что у них одна природа».

Человек – основной «геолого-образующий фактор биосферы» (по В. И. Вернадскому). Он – не просто один из фрагментов Вселенной, один из рядовых элементов растительно-животного мира. Он – самый значимый элемент этого мира. С его появлением во многом изменилась природа Земли, а сегодня человек определяет и состояние Космоса. В то же время человек всегда – существо, во многом зависящее от космических и природных явлений и условий. Современный человек понимает: изуродованная им природа угрожает существованию человечества, губит его, а понимание природы, установление с ней динамического равновесия – облегчает и украшает жизнь человечества, делает человека более полноценным и продуктивным существом.

3.4. Социальность и разумность человека

Человек – не только существо космическое, природное. Он – общественно-историческое существо. Одной из важнейших его характеристик является социальность. Рассмотрим это утверждение.

Так же органично, как к Космосу и природе Земли, человек принадлежит к социуму, к человеческому сообществу. Само возникновение Homo Sapiens, как утверждает современная наука, обусловлено превращением стада антропоидов, где правила биологические законы, в человеческое общество, где действовали законы нравственные. Специфические особенности человека как вида сложились под влиянием именно социального образа жизни. Важнейшими условиями сохранения и развития как вида Homo Sapiens, так и отдельного индивида было соблюдение нравственных табу и следование социокультурному опыту предшествующих поколений.

Также огромно значение общества для каждого отдельного человека, поскольку оно – не механическое сложение отдельных индивидов, а интеграция людей в единый общественный организм. «Первейшее из первых условий жизни человека – это другой человек. Другие люди – центры, вокруг которых организуется мир человека. Отношение к другому человеку, к людям составляет основную ткань человеческой жизни, ее сердцевину», – писал С. Л. Рубинштейн. Я не может быть раскрыто лишь через отношение к самому себе (неслучайно Нарцисс в древнем мифе – несчастное существо). Человек развивается только «смотрясь» (К. Маркс) в другого человека.

Любой человек невозможен без общества, без совместной с другими людьми деятельности и общения. Каждый человек (и многие поколения людей) идеально представлен в других людях и принимает идеальное участие в них (В. А. Петровский). Даже не имея реальной возможности жить среди людей, человек проявляет себя как член «своего», референтного для него, сообщества. Он ориентируется (не всегда осознанно) на его ценности, верования, нормы и правила. Он использует речь, знания, умения, привычные формы поведения, которые возникли в социуме задолго до его появления в нем и были переданы ему. Его воспоминания и мечты тоже наполнены картинками, имеющими социальный смысл.

Именно в обществе человек смог реализовать потенциальные возможности, данные ему Космосом и земной природой. Так, активность человека как живого существа превратилась в социально значимую способность к продуктивной деятельности, к сохранению и созданию культуры. Динамичность и пластичность – в способность ориентироваться на другого, меняться в его присутствии, испытывать эмпатию. Готовность к восприятию человеческой речи – в общительность, в способность к конструктивному диалогу, к обмену идеями, ценностями, опытом, знаниями и пр.

Именно общественно-исторически и способ бытия сделал человека существом разумным.

Под разумностью педагогическая антропология вслед за К. Д. Ушинским понимает то, что характерно только для человека – способность осознавать не только мир, но и себя в нем:

- свое бытие во времени и пространстве;
- способность фиксировать свое осознание мира и себя;

– стремление к самоанализу, самокритике, самооценке, целеполаганию и планированию своей жизнедеятельности, т. е. самоосознание, рефлексия.

Разумность врожденна у человека. Благодаря ей он способен осуществлять целеполагание, философствовать, искать смысл жизни, стремиться к счастью. Благодаря ей он способен самосовершенствоваться, воспитываться и изменять окружающий мир согласно собственным представлениям о ценном и идеальном (бытии, человеке и пр.). Она во многом обуславливает развитие произвольности психических процессов, совершенствование воли человека.

Разумность помогает человеку действовать вопреки своим органическим потребностям, биологическим ритмам (подавлять голод, активно работать ночью, жить в невесомости и т. п.). Она иногда заставляет человека маскировать свои индивидуальные свойства (проявления темперамента, пола и пр.). Она дает силы преодолевать страх смерти (вспомним, например, врачей-инфекционистов, экспериментировавших на себе). Эта способность справляться с инстинктом, сознательно идти против природного начала в себе, против своего организма – видовая особенность человека.

3.5. Духовность и креативность человека

Специфической особенностью человека является и его духовность. Духовность свойственна всем людям как общечеловеческая исходная потребность в ориентации на высшие ценности. Является ли духовность человека следствием его социально-исторического бытия или она свидетельство его божественного происхождения, этот вопрос остается до сих пор дискуссионным. Однако само наличие названной особенности как чисто человеческого феномена неоспоримо.

Действительно, только человеку свойственны ненасыщаемые потребности в новом знании, в поиске истины, в особой деятельности по созданию нематериальных ценностей, в жизни по совести и справедливости. Только человек способен жить в нематериальном, нереальном мире: в мире искусства, в воображаемом прошлом или будущем. Только человек способен трудиться для удовольствия и получать удовольствие от тяжелой работы, если она свободна, имеет личностный или общественно-значимый смысл. Только человеку свойственно испытывать такие трудно определяемые на рациональном уровне состояния, как стыд, ответственность, чувство собственного достоинства, раскаяние и т. д. Только человек способен верить в идеалы, самого себя, в лучшее будущее, в добро, в Бога. Только человек способен любить, а не ограничиваться лишь сексом. Только человек способен к самопожертвованию и самоограничению.

Будучи разумным и духовным, живя в обществе, человек не мог не стать творческим существом. Креативность человека обнаруживается и в его способности к созданию нового во всех сферах своей жизни, в том числе и в занятиях искусством, и в сензитивности к нему. Она повседневно проявляется и

в том, что В. А. Петровский называет «способностью свободно и ответственно выходить за границы предустановленного» (начиная от любознательности и кончая социальными новациями). Она проявляется в непредсказуемости поведения не только отдельных людей, но и социальных групп и целых наций.

Именно общественно-исторический способ бытия, духовность и креативность делают человека реальной силой, наиболее значимой составляющей не только социума, но и Вселенной.

3.6. Целостность и противоречивость человека

Еще одна глобальная характеристика человека – его целостность. Как отмечал еще Л.Фейербах, человек – это «живое создание, характеризующееся единством материального, чувственного, духовного и рационально-действенного бытия». Современные исследователи подчеркивают такую особенность целостности человека, как «голографичность»: в любом проявлении человека, каждом его свойстве, органе и системе объемно представлен весь человек. Например, во всяком эмоциональном проявлении человека обнаруживаются состояние его физического и психического здоровья, развитость воли и интеллекта, генетические особенности и приверженность определенным ценностям и смыслам и пр.

Наиболее очевидна физическая целостность человеческого организма (любая царапина заставляет реагировать весь организм в Целом), но она не исчерпывает целостности человека – сверхсложного существа. Целостность человека проявляется, например, в том, что его физиологические, анатомические, психические свойства не только адекватны друг другу, но взаимосвязаны, взаимоопределяют, взаимообуславливают друг друга.

Человек – существо, единственное из всех живых существ Неразрывно, органично связывающее в себе свои биологическую и социальную сущности, свою разумность и духовность. И биология человека, и его социальность, и разумность, и духовность историчны: определены историей человечества (как и отдельно го человека). А сама история вида (и любого человека) – социальна и биологична одновременно, поэтому биологическое про является в формах, зависящих во многом от общечеловеческой истории, типа конкретного общества, особенностей культуры определенного сообщества.

Как целостное существо человек всегда находится одновременно в позиции и субъекта и объекта (не только любой ситуации общественной и личной жизни, общения, деятельности, но и культуры, пространства, времени, воспитания).

В человеке взаимосвязаны разум и чувство, эмоции и интеллект, рациональное и иррациональное бытие. Он всегда существует и «здесь и теперь», и «там и тогда», его настоящее неразрывно связано с прошлым и будущим. Его представления о будущем определяются впечатлениями и опытом прошлой и настоящей жизни. А само воображаемое представление о будущем влияет на реальное поведение в настоящем, а иногда и на переоценку

прошлого. Будучи разным в разные периоды своей жизни, человек в то же время – всю жизнь тот же самый представитель человеческого рода. Его сознательное, бессознательное и сверхсознательное (творческая интуиция, по П. Симонову) бытие взаимозависимы, адекватны друг другу.

В жизни человека взаимосвязаны процессы интеграции и дифференциации психики, поведения, самосознания. Например, известно: развитие способности различать все больше оттенков цвета (дифференциация) связано с возрастанием способности по одной увиденной детали воссоздавать образ целого предмета (интеграция).

Во всяком человеке обнаруживается глубокое единство индивидуальных (общих для человечества как вида), типичных (свойственных определенной группе людей) и уникальных (характерных лишь для данного человека) свойств. Каждый человек всегда проявляет себя одновременно и как организм, и как личность, и как индивидуальность. Действительно, существо, обладающее индивидуальностью, но начисто лишённое организма – не только не человек, но – фантом. Весьма распространенное в педагогическом сознании представление о том, что организм, личность, индивидуальность – это понятия, фиксирующие разные уровни развития человека, некорректно. В человеке как целостном существе названные ипостаси рядоположены, взаимосвязаны, взаимоуправляемы.

Каждый отдельный человек как организм является носителем определенного генотипа, хранителем (или разрушителем) генофонда человечества, поэтому здоровье человека – одна из общечеловеческих ценностей.

С точки зрения педагогической антропологии важно понимать, что организм человека принципиально отличается от других живых организмов. И дело не только в анатомо-физиологических особенностях. И не в том, что человеческий организм синергетичен (неравновесен): его деятельность включает в себя и хаотичные, и упорядоченные процессы, и чем организм моложе, тем более хаотичной системой он является, тем более беспорядочно он действует. (Кстати, педагогу важно понимать следующее: хаотичное функционирование детского организма позволяет ему легче адаптироваться к изменениям условий жизни, пластично приспосабливаться к непредсказуемому поведению внешней среды, действовать в более широком диапазоне условий. Наступающая с возрастом упорядоченность физиологических процессов нарушает синергетичность организма, и это приводит его к старению, разрушению, заболеванию.)

Более существенно другое: функционирование человеческого организма целостно связано с духовностью, разумностью, социальностью человека. На самом деле физическое состояние организма человека зависит от человеческого слова, от «силы духа», и в то же время физическое состояние человека влияет на его психологическое, эмоциональное состояние, на функционирование в социуме.

Организм человека с самого рождения (а может быть, задолго до него) нуждается в человеческом образе жизни, в человеческих формах бытия, общении с другими людьми, овладении словом и готов к ним.

На физическом облике человека отражаются социальные процессы, состояние культуры и особенности конкретной системы воспитания.

Каждый отдельный человек как член общества является личностью, т. е.:

1) участником совместного и в то же время разделенного труда и носителем определенной системы отношений;

2) выразителем и одновременно исполнителем общепринятых требований и ограничений;

3) носителем значимых для других и для него самого социальных ролей и статусов;

4) сторонником определенного образа жизни. Быть личностью, т. е. носителем социальности, – это неотъемлемое свойство, естественная прирожденная видовая характеристика человека.

Точно так же врожденно человеку свойство быть индивидуальностью, т. е. существом, непохожим на других. Эта непохожесть обнаруживается как на физиологическом и психологическом уровнях (индивидуальная индивидуальность), так и на уровне поведения, социального взаимодействия, самореализации (личностная, творческая индивидуальность). Таким образом, индивидуальность интегрирует особенности организма и личности конкретного человека. Если индивидуальная непохожесть (цвет глаз, тип нервной Деятельности и пр.), как правило, достаточно очевидна и мало зависит от самого человека и окружающей его жизни, то личностная непохожесть – всегда результат его сознательных усилий и взаимодействия со средой. И та и другая индивидуальность являются социально значимыми проявлениями человека.

Глубокая, органическая, уникальная целостность человека во многом определяет его сверхсложность и как реального явления, и как предмета научного изучения, о чем уже шла речь выше. Она отражается в произведениях искусства, посвященных человеку, и в научных теориях. В частности, в концепциях, связывающих воедино Я, Оно и сверх-?; эго и альтерэго; внутренние позиции «дитя», «взрослый», «родитель» и др.

Своеобразным выражением целостности человека является его противоречивость. Н. А. Бердяев писал, что человек может познавать себя «сверху и снизу», из божественного начала и из демонического в себе начала. «И он может это делать потому, что он двойственное и противоречивое существо, существо в высшей степени поляризованное, богоподобное и звероподобное. Высокое и низкое, свободное и рабье, способное к подъему и падению, к великой любви и жертве и к великой жестокости и беспредельному эгоизму» (Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии. – Париж, 1939. – С. 19).

Можно зафиксировать еще целый ряд интереснейших, чисто человеческих противоречий, неотъемлемых от его природы. Так, будучи существом материальным, человек не может жить только в материальном мире.

Принадлежа к объективной действительности, человек во всякий момент своего сознательного бытия способен выйти за пределы всего, что дано ему фактически, дистанцироваться от своего реального бытия, погрузиться во внутреннюю, только ему принадлежащую, «виртуальную» реальность. Мир грез и фантазий, воспоминаний и проектов, мифов и игр, идеалов и ценностей настолько значим для человека, что он готов отдать за них самое дорогое – свою жизнь и жизни других людей. Воздействие внешнего мира всегда органично сочетается с полновесным влиянием на человека его внутреннего, созданного воображением и воспринимаемого как реальность, мира. Иногда взаимодействие реального и воображаемого пространств бытия человека гармонично, уравновешенно. Иногда одно преобладает над другим или возникает трагическое ощущение взаимоисключения этих двух сторон его жизни. Но всегда и тот и другой мир необходимы человеку, всегда он живет в них обоих.

Человеку свойственно жить одновременно и по рациональным законам, и по законам совести, добра и красоты, а они зачастую не только не совпадают, но прямо противоречат друг другу. Будучи детерминирован социальными условиями и обстоятельствами, ориентирован на следование общественным стереотипам и установкам даже в полном одиночестве, он в то же время всегда сохраняет свою автономность. В самом деле, никогда ни один человек не поглощается полностью обществом, не «растворяется» в нем. Даже в самых жестких социальных условиях, в замкнутых социумах человек сохраняет хотя бы минимум самостоятельности своих реакций, оценок, поступков, минимум способности к саморегуляции, к автономности своего существования, своего внутреннего мира, минимум непохожести на других. Никакие условия не могут лишить человека внутренней свободы, которую он обретает в воображении, творчестве, мечтах.

Свобода – одна из высших ценностей человека, извечно ассоциирующаяся со счастьем. Ради нее человек способен отказаться даже от своего неотъемлемого права на жизнь. Но достижение полной независимости от других людей, от ответственности перед ними и за них, от обязанностей и делает человека одиноким и несчастным.

Человек осознает свою «ничтожность» перед мирозданием, природными стихиями, социальными катаклизмами, судьбой... И вместе с тем нет людей, которые не имели бы чувства собственного достоинства, унижение этого чувства чрезвычайно болезненно воспринимается всеми людьми: детьми и стариками, слабыми и больными, социально зависимыми и угнетенными.

Человеку жизненно необходимо общение и в то же время он стремится к уединению, и оно оказывается тоже очень важным для его полноценного развития.

Развитие человека подчиняется определенным закономерностям, но не менее велико значение случайностей, поэтому и результат процесса развития никогда не может быть полностью предсказуем.

Человек одновременно существо рутинное и творческое: проявляет креативность и тяготеет к стереотипам, в его жизни большое место занимают привычки.

Он – существо в определенной мере консервативное, стремящееся сохранить традиционный мир, и вместе с тем революционное, разрушающее устои, переделывающее мир под новые идеи, «под себя». Способное адаптироваться к изменяющимся условиям бытия и в то же время проявлять «неадаптивную активность» (Б.А.Петровский).

Этот перечень противоречий, органически присущих человечеству, безусловно, неполон. Но все же он показывает, что человек амбивалентен, что противоречия человека во многом обусловлены его сложной природой: одновременно биосоциальной и духовно-разумной, в них сущность человека. Человек силен своими противоречиями, хотя иногда они доставляют ему немалые Неприятности. Можно предположить, что «гармоническое развитие человека» никогда не приведет к полному сглаживанию сущностных противоречий, к выхолащиванию человеческой сути.

Контрольные вопросы «Характеристики человека»

1. Почему познание человека – сложная научная задача?
2. Охарактеризуйте ребенка как биоэнергетическое существо.
3. Назовите особенности человеческого организма и их проявления в детском возрасте.
4. Как повлияло общественное бытие на видовые характеристики человека?
5. Как проявляется разумность человека?
6. Охарактеризуйте духовность человека.
7. Проанализируйте противоречивые проявления природы человека.
8. Разведите понятия «человек», «личность», «индивидуальность».
9. Обоснуйте «рядоположенность» ребенка и взрослого.

4. РЕБЕНОК КАК КОСМОБИОПСИХОСОЦИОКУЛЬТУРНОЕ СУЩЕСТВО

Ребенок – это космобиопсихосоциокультурное, пластичное существо, находящееся в интенсивном развитии; активно осваивающее и создающее общественно-исторический опыт и культуру; самосовершенствующееся в пространстве и времени; имеющее относительно богатую духовную жизнь; проявляющее себя как органическая, хотя и противоречивая целостность.

Ребенку, как и взрослому, органически присущи и биосоциальность, и разумность, и духовность, и целостность, и противоречивость, и креативность.

4.1. Ребенок как человек

Все перечисленные видовые особенности присущи человеку с самого рождения. Каждый ребенок целостен, каждый связан с Космосом, земной природой и обществом. Он рождается биологическим организмом, индивидуальной индивидуальностью, членом общества, потенциальным носителем культуры, создателем межличностных отношений.

Но дети проявляют свою человеческую природу несколько иначе, чем взрослые.

Дети более чувствительны к космическим и природным явлениям, а возможности их вмешательства в земную и космическую природу минимальны. В то же время дети максимально активны в освоении окружающего и созидании внутреннего мира, себя самого. Поскольку организм ребенка более хаотичен и пластичен, он обладает наивысшим уровнем способности к изменению, т. е. он наиболее динамичен. Преобладание в детстве тех психических процессов, которые связаны не с корой больших полушарий, а с другими структурами мозга, обеспечивает значительно большую впечатлительность, непосредственность эмоциональность, неспособность ребенка к самоанализу в начале жизни и стремительное его развертывание по мере созревания мозга. В силу психических особенностей и отсутствия жизненного опыта, научных знаний ребенок больше, чем взрослый, привержен к воображаемому миру, к игре. Но это не означает, что взрослый умнее ребенка или что внутренний мир взрослого гораздо беднее детского. Оценки в этой ситуации вообще неуместны, так как психика ребенка просто иная, чем психика взрослого.

Духовность ребенка проявляется в способности получать удовольствие от человеческого (нравственного) поведения, любить близких людей, верить в добро и справедливость, ориентироваться на идеал и следовать ему более или менее продуктивно; в сензитивности к искусству; в любознательности и познавательной активности.

Креативность ребенка так многообразна, ее проявления у каждого настолько очевидны, сила воображения над рациональностью так велика, что иногда способность к творчеству ошибочно приписывают только детству и поэтому не принимают творческие проявления ребенка всерьез.

Ребенок гораздо наглядней демонстрирует и социальность, и органическую взаимосвязь разных ипостасей человека. Действительно, поведение, личностные характеристики и даже физический облик и здоровье ребенка оказываются зависимы не только и не столько от особенностей его внутреннего, врожденного потенциала, сколько от внешних условий: от востребованности окружающими тех или иных качеств и способностей; от признания взрослых; от благоприятного положения в системе отношений со значимыми людьми; от насыщенности пространства его жизнью общением, впечатлениями, творческой деятельностью.

Ребенок, как и взрослый, может сказать о себе словами Г. Р. Державина:

Я – связь миров, повсюду сущих. Я – крайняя степень вещества. Я –

средоточие живущих, Черта начальная Божества. Я телом в прахе истлеваю, Умом громам повелеваю. Я – царь, я – раб, Я – червь, я – Бог!

Таким образом, можно сказать, что «ребенок» – это синоним к слову человек». Ребенок – это:

- космобиопсихосоциокультурное, пластичное существо, находящееся в интенсивном развитии;
- активно осваивающее и создающее общественно-исторический опыт и культуру;
- самосовершенствующееся в пространстве и времени;
- имеющее относительно богатую духовную жизнь;
- проявляющее себя как органическая, хотя и противоречивая целостность.

Итак, рассмотрев видовые особенности человека, мы можем ответить на вопрос: в чем состоит природа ребенка, на которую призывали ориентироваться великие педагоги прошлого. Она та же, что и природа вида Homo Sapiens. Ребенку, как и взрослому, органически присущи и биосоциальность, и разумность, и духовность, и целостность, и противоречивость, и креативность.

Таким образом, равнозначность и равноправие ребенка и взрослого объективно обоснованны.

Для педагогической антропологии важно не только знание отдельных особенностей детства, но понимание того, что природа ребенка делает его чрезвычайно чувствительным, отзывчивым на воздействия воспитания, окружающей среды.

Такой подход к ребенку позволяет осознанно и системно применять антропологические знания в педагогике, эффективно решать проблемы воспитания и образования ребенка, исходя из его природы.

Практикум «Ребенок как биоэнергетическое существо»

Таблица 4

Характеристики человека как живое биоэнергетическое существо

Характеристики Человека	Описание характеристик	Ребенок как биоэнергетическо е существо
Человек активен	Способен избирательно отражать, воспринимать, реагировать на любые раздражения и воздействия, имеет, по выражению Ф. Энгельса, «самостоятельную силу реакции»	
Человек пластичен	Обладает высокими адаптивными способностями к изменяющимся условиям жизни при сохранении видовых особенностей	
Человек существо динамичное	Развивающееся: определенные изменения происходят в органах, системах, мозге человека и на протяжении веков, и в процессе жизни каждого	

Характеристики Человека	Описание характеристик	Ребенок как биоэнергетическое существо
	человека. Причем, как считает современная наука, процесс развития Homo sapiens не является завершенным, возможности человека к изменению не исчерпаны.	
Человек органично принадлежит природе Земли и Космосу	У него постоянно происходит обмен веществ и энергий. Очевидно, что человек является неотъемлемой частью биосферы, растительного и животного мира Земли, выявляет в себе признаки животно-растительной жизни	
Человек – всеприрода	Человек не просто высшее животное, не просто венец развития природы Земли. Он, по определению российского философа И. А. Ильина, – «всеприрода».	

5. ОСОБЕННОСТИ ОНТОГЕНЕЗА ЧЕЛОВЕКА

Онтогенез – развитие отдельного человека – во многом повторяет историю вида. В пренатальном периоде своей жизни человек повторяет биологический, а в детстве – социокультурный путь человечества. Не являясь совершенно независимым от филогенеза, онтогенез в то же время – несколько другой процесс (нефилогенез в свернутом виде). Характеристикой его особенностей мы сейчас и займемся.

Разные науки используют разные понятия для описания процесса онтогенеза: созревание, рост, социализация, самоосуществление, индивидуализация, развертывание, становление и пр. Многочисленные термины, характеризующие онтогенез человека, являются частными по отношению к наиболее общему – «индивидуальное развитие». В процессе индивидуального развития созревание, социализация, самоосуществление и пр. тесно связаны между собой. Более того, многочисленные составляющие онтогенеза взаимозависимы, взаимно регулируют друг друга. Социализация начинается уже в пренатальном периоде, рост стимулирует определенные формы самоосуществления, индивидуализация в определенной мере зависит от созревания и т. д.

Поскольку человек – существо целостное и противоречивое, то и онтогенез его – процесс целостный и противоречивый, диалектический. В процессе индивидуального развития человек все время меняется и одновременно остается тождественным самому себе. Не только количественные изменения, происходящие в его организме, вызывают определенные качественные изменения его в целом, но и качественный скачок в развитии (бифуркация) провоцирует количественный рост организма. Динамика одной составляющей человека (организма, например) отражается на ходе развития практически всех остальных. Темпы изменения разных структур человека не одинаковы: достижение человеком организменной зрелости не всегда совпадает с

сформированностью эмоциональной, волевой, интеллектуальной сфер, с социальной зрелостью. (То, что онтогенез происходит не фронтально, особенно наглядно демонстрируют подростки.) Но эта не фронтальность процесса онтогенеза не разрушает его целостности, традиционно признаваемой всеми науками.

Сегодняшнее состояние антропологического знания, интеграции им негуманитарной информации усиливает нетрадиционные подходы к проблеме онтогенеза.

Например, меняются представления о результате развития ребенка и человека. Одно из таких представлений связывает развитие с разрушением организма, потерей различных способностей и возможностей, возвращением к беспомощности и т.д. Результат так понимаемого онтогенеза – регресс, начинающийся чуть ли не с момента рождения и продолжающийся в течение всей жизни. Противоположная позиция более распространена и состоит в том, что развитие ребенка – накопление прогрессивных изменений, совершенствование, расцвет всех сторон человека. Он происходит главным образом в детстве и юности и приводит к тому, что ребенок начинает все больше походить на взрослого и анатомически, и физиологически, и психологически, и по уровню знаний, и по социальному положению.

Современная же наука все больше склоняется к тому, что, во-первых, развитие – это диалектическое единство регрессивных и прогрессивных преобразований. Во-вторых, человек в процессе своего индивидуального развития (впрочем, как и в процессе филогенеза) не становится ни хуже, слабее и пр., ни лучше, совершеннее и пр., – он делается принципиально другим. В-третьих, результатом онтогенеза является все возрастающая индивидуализация каждого человека. И наконец, развитие происходит в течение всей жизни человека, с пренатального периода и до последнего дня.

Закономерен и интерес современной науки к такой особенности онтогенеза, как неравномерность, неравновесность. Действительно период новорожденности равен всего десяти дням, грудного детства – почти году (от десяти дней до года), раннего детства – двум годам (от года до трех лет), первого детства – четырем (от трех до семи лет) и т. д. (А. Г. Асмолов). В онтогенезе наблюдаются и зоны бифуркации, и спокойные периоды. И если в спокойный период развитие подчиняется определенным законам и его результаты и особенности можно предсказать, то в зоне бифуркации развитие зависит прежде всего от случайностей и оказывается непредсказуемым. Существенной особенностью онтогенеза является, таким образом, «рядоположенность», «равнозначность» закономерностей и случайностей в индивидуальной истории каждого человека.

Сегодня становится все более признаваемой и следующая нетрадиционная точка зрения: онтогенез человека не линейный и не спиралевидный процесс с элементами повторяемости, цикличности. Он скорее – волнообразный и колебательный процесс, имеющий отклонения то «в минус», то «в плюс». Это связано с тем, что колебательный характер имеет природа активности Солнца,

определяющего развитие всего живого. Вот почему обменные процессы, происходящие в мозгу и организме человека, как и другие явления, сопровождающие его индивидуальное развитие, характеризуются противоречивыми тенденциями: трата – восстановление, дифференциация – интеграция, хаос – гармония, потери – приобретения. Действительно, возникновение новых свойств и возможностей, совершенствование имевшихся ранее функций, переход способностей и умений в новое качество, изменение антропометрических показателей, упорядочение органических процессов, т. е. любая «новизна», как правило, сопровождается более или менее наглядным свертыванием, превращением в рудимент. Уходом в «буфер» некоторых прежних возможностей, функций, умений и прочих особенностей, ставших в новом периоде жизни, уже не актуальными. Известен целый ряд наглядных примеров этого. В связи с созреванием мозга ребенок научается читать, его связи с информацией, культурой переходят на более высокий уровень – и у него угасают потрясающие лингвистические способности, возникают проблемы с памятью. Расширяется жизненный опыт ребенка, возрастает его «умудренность» – и снижается способность – удивляться, восхищаться, гаснет любопытство. По мере развития произвольности психических процессов на смену детской непосредственности приходит тактичность; яркое, но легковесное детское воображение превращается в целенаправленную творческую Деятельность и т. д.

И хотя продуктивность, осмысленность, целенаправленность деятельности взрослого, как правило, гораздо выше, чем у ребенка, очевидно; то, что теряется по мере развития, не было бесполезным, недостойным человека. Ведь не зря же художники и поэты ищут способы развития у себя непосредственности восприятия мира, яркости воображения. Ученые разрабатывают способы быстрого и легкого (как в детстве) овладения информацией. Бизнесмены учатся играть и т. д. В этом же убеждает анализ особенностей выдающихся личностей, талантливых людей, вундеркиндов. В том случае, когда свертывания особенностей прошлых возрастных этапов не происходит, и они сохраняются в более взрослой жизни, обычно и наблюдается феномен «одаренности» (Н. С. Лей-тес и др.).

Но сохранившиеся «детские» возможности могут не только украсить жизнь взрослого. Они, не соответствуя многим требованиям взрослой жизни, часто и осложняют ее. Можно, видимо, говорить о том, что и приобретения, и потери в процессе онтогенеза не только естественны, но и необходимы.

Традиционно онтогенез рассматривается как процесс непрерывный и последовательно детерминированный. Современная же наука утверждает: развитие человека – процесс дискретный, прерывистый и в определенной мере обратимый. Каждый период жизни человека – ценность, каждый этап жизни важен. В то же время, как писал С.Л.Рубинштейн, он не предопределяет фатально ни судьбу этапа, следующего за ним, ни результатов развития в целом. Более того, известно: переосмысляя свое прошлое, меняя свои

представления о смысле и цели своей жизни, человек может изменить результаты и ход собственного развития.

В настоящее время подчеркивается и то, что онтогенез – процесс, не только детерминированный внешними обстоятельствами и условиями жизни, но и самодетерминирующийся, самоорганизующийся по мере взросления человека. Это обусловлено спецификой человеческой активности. Человеческая активность имеет содержательную и энергетическую стороны. Первая: идеалы, цели, ценности, мотивы, вера – чаще всего относится к будущему времени. Вторая: действия, поступки, общение, отношения, чувства, воля – к настоящему. Они неразрывны. «Человек в процессе своей жизни занимает определенную жизненную позицию, осознает ее, несет за нее ответственность, утверждает ее своими поступками, своей жизнью», – писала Б. В. Зейгарник.

Устремленность человека в будущее, сопровождающаяся реальной активностью его в настоящем, – движущая сила онтогенеза. Она позволяет ему овладевать физическими и социальными условиями своей жизни, психически перерабатывать события, происходящие вокруг него, реализовывать собственные цели, утверждать собственные ценности – и изменяться.

Активность человека (и содержательно, и энергетически) распространяется им не только на себя – на свое самосовершенствование, но и на изменение, совершенствование окружающего мира. Человек всегда (осознанно или бессознательно) стремится переделывать все вокруг себя «по себе», стремится ассимилировать среду – и это в свою очередь способствует его собственному изменению, индивидуальному развитию.

Практикум «Проверка биологического возраста»

Абсолютной системы измерения биологического возраста не существует. Но есть много методик для определения биологического возраста, но многие из них требуют специальной аппаратуры. Однако можно в домашних условиях пройти ряд тестов, которые показывают, насколько изношен наш организм — они дают оценку состояния организма и его реального биологического возраста.

Результаты такого исследования дают возможность понять, какой возрастной группе соответствует тело конкретного человека.

1. ГИБКОСТЬ ПОЗВОНОЧНИКА

Этот тест позволяет определить состояние связок и сухожилий позвоночника.

Стоя, наклонитесь вперед, можно согнуть колени. Куда вы дотянулись ладонями?

- Положили ладони на пол – вашим связкам 20 лет;
- Коснулись пола только пальцами, ладонями не дотянулись – 30 лет;
- Дотянулись ладонями до щиколоток – 40 лет;

- Положили ладони ниже колен – 50 лет;
- Коснулись колен – 60 лет;
- Не дотянулись до колен – 70 и старше.

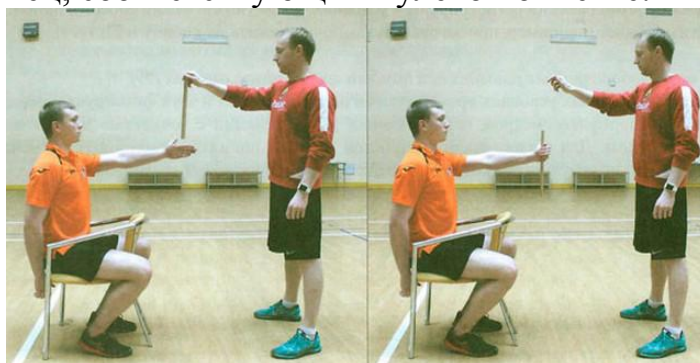
Другой способ состоит в подсчете количества наклонов вперед, которые вы сможете сделать в течение минуты.

- Более 50 движений соответствует возрасту 20 лет;
- от 35 до 49 раз в минуту наклоняется 30-летний,
- от 30 до 34 раз – 40-летний,
- от 25 до 29 – 50-летний человек.
- Возрасту старше 60 лет соответствуют не более 24 наклонов в минуту.

Позвоночник защищает спинной мозг от повреждений. Позвоночный столб как единая анатомо-физиологическая конструкция удерживается с помощью связок и мышц. В спинном мозге находятся многие центры вегетативной нервной системы от которых отходят спинно-мозговые нервы, по каналам которых осуществляются сложные рефлекторные функции. Ухудшение гибкости и подвижности позвоночника может привести к нарушению эффективности нервно-регуляторных процессов и ухудшению работы некоторых органов и систем организма человека.

2. СКОРОСТЬ РЕАКЦИИ

Для проведения теста придется прибегнуть к услугам помощника. Попросите знакомого или родственника взять линейку длиной 50 см и держать ее вертикально за конец, соответствующий нулевой отметке.

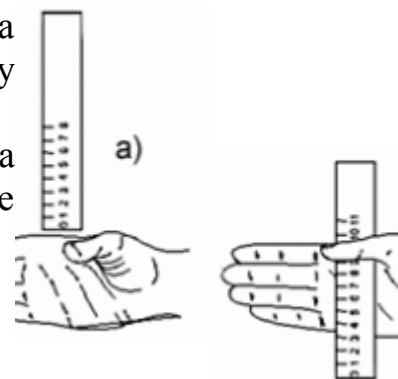

Вам следует поместить руку на 10 см ниже другого конца линейки.

Помощник должен внезапно отпустить линейку, а вы – поймать ее в момент падения, зажав между большим и указательным пальцами.

Скорость реакции измеряется по тем делениям, на которых окажутся ваши пальцы. В данном случае таблица возрастного соответствия выглядит так:

- 20 см – 20 лет;
- 25 см – 30 лет;
- 35 см – 40 лет;
- 45 см – 60 лет.

Данный тест позволяет определить время простой двигательной реакции и длительность проведения нервного возбуждения. Показатель времени этого рефлекса служит важным показателем функционального состояния нервных центров человека.

3. СОСТОЯНИЕ ВЕСТИБУЛЯРНОГО АППАРАТА

Потребуется помощь кого-либо из домашних. Разуйтесь, закройте глаза, встаньте на одну ногу, вторую ступню уприте в голень опорной ноги.

Помощник засекает на часах, сколько вы можете так простоять.

- 30 секунд и больше – вам 20 лет;
- 25 секунд – 30 лет;
- 20 секунд – 40 лет;
- 15 секунд – 50 лет;
- 10 и менее секунд – 60 лет.
- Вообще не можете стоять – 70 и старше.

Далее попробуйте постоять так. Вы должны закрыть глаза и постараться устоять на одной ноге (вторая нога поднята на 10 см от пола).

4. ЗДОРОВЬЕ И СОСТОЯНИЕ ЛЕГКИХ

Сохранность легких можно определить по расстоянию, с которого человек может задуть горящую свечу.

- 1 метр – вашим легким 20 лет;
- 80– 90 см – 30 лет;
- 70– 80 см – 40 лет;
- 60– 70 см – 50 лет;
- 50– 60 см – 60 лет;
- Менее 50 см – 70 лет и старше.

Существует и тест, определяющий биологический возраст по частоте дыхания. Для этого необходимо подсчитать, сколько циклов, состоящих из глубокого вдоха и полного выдоха вы способны сделать в минуту. Возрастное соответствие таково:

- 20 лет – 40-45 циклов;
- 30 лет – 35-39 циклов;
- 40 лет – 30-34 цикла;
- 50 лет – 20-29 циклов;
- 60 лет – 15-19 циклов.

5. СОХРАННОСТЬ СУСТАВОВ

Заведите обе руки за спину: одну снизу, вторую через плечо.

Попытайтесь на уровне лопаток соединить пальцы рук. Что получилось?

- Легко сцепили пальцы в «замок» – вашим суставам 20 лет;
- Пальцы соприкоснулись, но сцепить не вышло – 30 лет;
- Ладони близко, но пальцы не касаются – 40 лет;
- Ладони за спиной, но довольно далеко друг от друга – 50 лет;
- Еле-еле завели ладони за спину – 60 лет;
- Не получается завести за спину обе руки – 70 лет.

6. ОПРЕДЕЛИТЬ СИЛУ МЫШЦ

Ложитесь на твердую поверхности на спину согните ноги в коленях и сделайте такое упражнение: поднимайте плечи и лопатки. Поясница остается прижатой. Руки заложите за голову или скрестите на груди..

Сколько раз вам это удалось сделать?

- 40 раз – судя по силе, вам 20 лет;
- 35 раз – 30 лет;
- 28 раз – 40 лет;
- 23 раза – 50 лет;
- 15 раз – 60 лет.
- Менее 12 раз – старше 65 лет.

7. КОНТРОЛЬ ПУЛЬСА ДО И ПОСЛЕ ФИЗИЧЕСКОЙ НАГРУЗКИ

Сосчитайте свой пульс. Затем присядайте 30 раз в быстром темпе. Опять замерьте пульс.

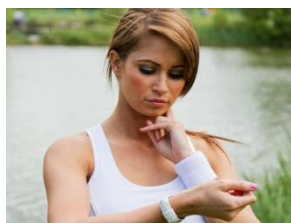
По степени повышения пульса можно судить о своем биологическом возрасте:

Если пульс повысился на:

- 0—10 единиц — возраст соответствует 20 годам;
- 10—20 единиц — возраст соответствует 30 годам;
- 20—30 единиц — возраст соответствует 40 годам;
- 30—40 единиц — возраст соответствует 50 годам;
- более чем 40 единиц или же человек вообще не смог выполнить упражнение до конца — возраст соответствует 60 годам и старше.

Измерить пульс можно путем пальпации сонной или лучевой артерии. Пальпация лучевой артерии осуществляется при надавливании указательного и среднего пальца одной руки на внутреннюю сторону запястья другой.

Сонную артерию находят, приложив указательный палец к шее на середине линии, соединяющей нижнюю челюсть и середину ключицы.

Определяется число ударов сердца в минуту (считая количество ударов за 60 с).

8. СОСТОЯНИЕ КОЖИ И ПЕРИФЕРИЧЕСКИХ СОСУДОВ

Захватите большим и указательным пальцами участок кожи на тыльной стороне ладони, сожмите на 5 секунд и отпустите. На коже появится белое пятно.

Заметьте время, в течение которого оно исчезнет.

- До 5 секунд – вашей коже 20 лет;

- 6– 8 секунд – 30 лет;
- 9– 12 секунд – 40 лет;
- 13– 15 секунд – 50 лет;
- 16– 19 секунд – 60 лет.
- Более 19 секунд – 70 и старше.

9. СОСТОЯНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ НЕРВНОЙ СИСТЕМЫ

Для этого теста потребуется небольшая подготовка. Попросите помощника нарисовать на листе бумаги табличку, состоящую из пяти строк, по пять клеточек в каждой, и вписать в клеточки числа от 1 до 25, располагая их хаотично.

3	17	21	8	4
10	6	15	25	13
24	20	1	9	22
19	12	7	14	16
2	18	23	11	5

Затем возьмите карандаш и постарайтесь быстро, не отвлекаясь, последовательно прикоснуться к клеткам в порядке возрастания чисел (с первой по двадцать пятую).

- Если ваш возраст соответствует 20 годам, на это должно уйти не более 35 секунд.
- Тридцатилетний человек покажет результат от 36 до 40 секунд,
- 40-летний уложится в 41-50 секунд,
- 50-летний потратит около 60 секунд.

6. ФИЛОГЕНЕЗ ЧЕЛОВЕКА

Филогенез человека, т. е. развитие его как вида, как разновидности живого вещества, имеет чрезвычайно долгую историю. Он осуществляется как целостный эволюционный процесс, в результате которого произошло превращение антропоида в человека разумного. Существуют различные теории о первопричине этого процесса. Глобальным его источником признается Солнце, влияющее на ритмы изменений природы, внутренний ритм жизни любого живого существа, на ритм социальных процессов и пр. (Л. Н. Гумилев, В.И.Вернадский, А.Л.Чижевский и др.). При этом в качестве эволюционных механизмов рассматриваются биологическое наследование, социальное наследование, сознательная активность человека во взаимодействии с природой и обществом.

До последнего времени считалось, что эволюция человека завершена, а эволюционные механизмы уже служат не изменению вида, а лишь его

сохранению. Действительно, многочисленные данные подтверждают: организм современного человека в основном таков же, как и 3,5 тыс. лет назад; не меняются его базовые потребности и пр. Однако современная генетика доказывает: в ДНК человека заложена возможность его непрерывной эволюции как вида, т. е. филогенез – процесс продолжающийся.

Современная наука утверждает, что филогенез подчинен законам конвергенции: взаимодействия, взаимопроникновения природных и социокультурных процессов – и возможен, только если человек совершает сознательную перестройку своего эволюционного процесса.

По мнению Н. Н. Моисеева, человечество уже успешно совершило две такие перестройки.

Первая произошла в эпоху палеолита – древнейшего периода каменного века. Вторая – в неолите (VI– II тысячелетие до н. э.). Обе они были связаны с кризисом внешних условий бытия, с экологическими катастрофами, грозившими полным уничтожением предков современного человека. Обе они вызвали их сознательные целенаправленные действия, результатом которых всякий раз оказывалось не только предотвращение истощения природных ресурсов, не просто сохранение вида, но принципиальное изменение эволюционного процесса.

В первом случае антропоиды сумели сформулировать определенные правила совместной жизни, и это привело к некоторым изменениям внешнего облика антропоидов, к прекращению естественного отбора на уровне организмов – он действовал теперь на уровне племен, народов, цивилизаций. Во втором – человек перешел к оседлому образу жизни. Вторая перестройка не только вновь повлияла на антропологический облик человека. Она вызвала к жизни новые способности, реализовала скрытые до той поры созидательные возможности людей, изменила пространство их бытия, усилила влияние культурной среды на человека.

И та и другая перестройка оказались возможны лишь потому, что люди действовали совместно, сознательно изменяли свой образ жизни и самих себя на основе общепризнанных ценностей и табу, т. е. они развивались как существа нравственные, духовные.

В настоящее время, как считает Н. Н. Моисеев, человечество стоит на пороге третьей перестройки своего эволюционного процесса. Действительно, проблема вымирания человечества вновь

стала актуальной. Катастрофическое состояние экологии планеты, истощение возможностей биосферы по удовлетворению все возрастающих потребностей человека всерьез ставят вопрос о выживании не только человека, но и всего живого на Земле.

Люди давно осознали необходимость создания экологических ниш, затем новых, ресурсосберегающих, экологически чистых технологий. Но сегодня этого недостаточно. Человек должен сознательно изменить самого себя. Ему необходимо научиться согласовывать свои потребности с убывающими ресурсами планеты, подчинить свою жизнь новым и жестким ограничениям. Он

должен осознать всесвязанность населения земного шара. Ему предстоит превратить свой духовный мир из «надстройки» в определяющий фактор развития человека как вида, вновь усилить ориентацию на нравственный аспект своего бытия.

Нельзя не признать, что этот процесс уже начался, хотя тенденции его осуществления носят не столько поступательный, сколько колебательный, непоследовательный характер. Зарождается «коллективный общепланетарный мозг», проявляется коллективная воля, создается общепланетарная социальная память, формируется общечеловеческая шкала ценностей и вырабатываются правила ее защиты и сохранения.

Сложность осуществления третьей перестройки эволюционного процесса человека состоит в том, что на нее не отпущены миллионы лет, как в первом и втором случаях. Она должна осуществиться в очень короткие сроки, что повышает значимость осознания человеком своей природы и сущности своего развития.

7. КУЛЬТУРА КАК АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Культура в объятия первого встречного не падает
Б. Пастернак

1. Социальное и персональное пространство, историческое и личное время бытия как взрослого человека, так и ребенка заполнено предметами, отношениями, ценностями, информацией и технологиями, имеющими прямое отношение к материальной и духовной культуре.

2. Культурный опыт ребенка – постоянный фон его жизнедеятельности. Этот опыт во многом предопределяет, с одной стороны, особенности общения и поведения, уровень духовных стремлений, критерии самооценки и другие характеристики ребенка; а с другой стороны – задачи воспитания данного ребенка и способы их осуществления.

3. Воспитание (его содержание, воспитательные традиции, аксеологические акценты, предпочитаемые технологии и пр.), а также формы проявления воспитанности людей – важные составляющие, характерные особенности любой культуры.

«Горизонтальные слои» культуры конкретного человека рассматриваются как взаимно-интегрированный комплекс трех пластов: информационного, технологического, аксеологического. Названные пласты культуры пронизывают друг друга. Они не только не существуют друг без друга, но и невозможны в чистом виде. Действительно, знания тесно взаимосвязаны с умениями и навыками. Успешность овладения и теми и другими обеспечивается мотивацией, ценностными ориентациями человека. Поиск новых знаний, создание новых технологий соответствуют признанию определенных ценностей как актуальных.

Культура как антропологический феномен

Пласт культуры	Содержание
Информационный пласт культуры	Возникает в процессе усвоения ребенком знаний, базовых для человечества, конкретного общества, этноса, группы людей и связан с этим процессом. Системообразующими информационного пласта культуры являются антропологические знания, представления о себе как личности, индивидуальности, субъекте деятельности
Технологический пласт культуры	Возникает в процессе овладения ребенком совокупностью операциональных и интеллектуальных умений и навыков, которые обеспечивают высокое качество его деятельности, высокий уровень соответствия требованиям, предъявляемым обществом, окружающими людьми, самим человеком к результатам его деятельности, и связан с этим процессом.
Аксеологический пласт культуры	Возникает в процессе интериоризации ребенком традиционных и актуальных общечеловеческих и групповых ценностей и связан с этим процессом

Если культура отдельного человека сложна и многосоставная, то **культура общества тем более: ведь в ней сосуществует множество субкультур.** Субкультурами называют этнические, возрастные, региональные, групповые, профессиональные образования, целостные и автономные по своему характеру, существующие внутри господствующей, преобладающей культуры. Субкультура создается чаще всего единомышленниками, которые стремятся выделиться из окружающей среды, более или менее агрессивно обособиться в обществе. Вот почему любая субкультура характеризуется специфическим набором ценностей и традиций, стереотипов и правил поведения, особым языком и внешним видом тех, кто к ней принадлежит.

Специфика сегодняшней ситуации состоит в том, что практически любой человек, в силу развития информационных технологий, оказывается включен в различные субкультуры. Эффект пересечения субкультур, как отмечает Н. Б. Крылова, двойной. С одной стороны, человек оказывается в положении маргинала – существа, находящегося между культурами, поверхностно включенного в каждую из них, не имеющего серьезной базовой культуры. А с другой – человек получает возможность выработать установку на диалог культур, демократические формы общения с людьми, представляющими разные культуры, терпимость к «иным» людям. У него может сложиться более

широкий круг знаний и интересов, сформироваться более гибкое мышление и толерантность.

Детская «вольная» субкультура ближе к нормам общечеловеческой морали и оказывает более поверхностное влияние на детей, чем подростковая. Принадлежность же подростка или старшеклассника к определенной субкультуре может очень быстро изменить его физический облик, повлиять на здоровье, на формирование психических процессов, образа Я, причем, скорее в худшую сторону.

Культура человечества тоже имеет сложную структуру. Так, по мнению М. Мид, ей присущи **три типа культуры: постфигуративный, кофигуративный и префигуративный.**

Таблица 6

Типы культуры

Тип культуры	Сущность
Постфигуративный	<p>Моделью жизни, поведения, непререкаемым авторитетом для более младших поколений являются предки, старшие по возрасту люди. Информация, которой владеют старшие, воспринимается младшими как несомненно достоверная, точная, достаточная. Ценности предков – как само собой разумеющиеся и единственно возможные. Технологии усваиваются автоматически, благодаря неистребимым штампам.</p> <p>Человек в такой культуре чувствует себя, как правило, уверенно, комфортно, так как он защищен в прямом и переносном смысле старшими. Он имеет отчетливый образ будущего, который воспроизводит прошлое; ясную формулу смысла и цели жизни. Настоящее для него – средство сохранения и воспроизводства прошлого, поэтому он не нуждается в каких бы то ни было изменениях жизни.</p>
Кофигуративный	<p>Эта культура менее разнообразна, более поверхностна, чем префигуративная, но более гибкая и открытая. В ней преимущественно взаимодействуют, реально живут рядом друг с другом сверстники. Они задают друг другу модель поведения; живут «здесь и теперь», прошлое их не интересует, а будущее видится лишь «в общем виде». Цель и смысл их жизни прагматичны. Человек, живущий в такой</p>

	<p>культуре, ограничен в своих знаниях, умениях и ценностях, относится как к неизбежности к изменениям жизни в определенных пределах. Общественное бытие для него важнее индивидуального существования. Его коллективистические устремления вытесняют в нем стремление быть индивидуальностью.</p> <p>Сегодня такой тип культуры можно обнаружить в иммиграционных сообществах, юношеских компаниях, детских домах, интернатах для престарелых.</p>
Префигуративный	<p>характеризуется ориентацией общества, старших поколений на более молодых как на образец, авторитет. Более молодые поколения становятся учителями взрослых, а старшие зачастую отказываются от своих ценностей, знаний, технологий. Это может приводить к взрыву открытий, созданию больших материальных ценностей, стимулировать творческие проявления больших масс молодежи, повышать у них чувство собственной значимости. Человек в постфигуративной культуре акцентирован на новаторстве, свободен от традиций, стереотипов и «предрассудков» прошлого. Его модель жизни строится на полном отрицании прошлого, на обесценивании настоящего. Она ориентирована исключительно на будущее, образ которого идеализирован и смутен. Цель и смысл жизни человека – построение такого будущего, которого еще никогда и нигде не существовало, через разрушение привычного, устоявшегося.</p>

Практикум «Культура в жизни человека»

1. Обоснуйте тезис: культура – содержание жизни человека.
2. Назовите основные функции культуры по отношению к человеку.
3. Охарактеризуйте культуру как целостное и противоречивое явление.
4. Каковы подходы различных исследователей к структуре культуры?
5. Каково значение субкультуры для подростка?
6. Раскройте особенности взаимоотношений культуры и человека.
7. Каковы взаимоотношения культуры и ребенка?
8. Назовите основные противоречия воспитания.

8. КУЛЬТУРА И ЧЕЛОВЕК

В каком бы аспекте мы ни анализировали культуру, мы везде обнаружим присутствие человека.

Все культурные процессы проистекают из одного продуктивного источника – из человека и существуют только потому, что значимы для него.

Культура выделяет человека из мира живой природы. Она дает ему, с одной стороны, большие преимущества по сравнению даже самыми высокоорганизованными животными (продуктивные технологии деятельности, глубокая и разнообразная информированность, приспособление к экстремальным условиям жизни и тр.). А с другой стороны, ограничивает его свободу (нравственные табу, чувство ответственности и пр.).

Практикум «Характеристика концепций культуры»

Таблица 7

Характеристика концепций культуры

Концепция культуры	Характеристика	Я и культура (С.р.)
1. Аксеологическая концепция культуры	Явление, отражающее духовную природу человека, выражение духовных ценностей и нравственных норм человечества	
2. Деятельностная концепция культуры	Проявление активной, креативной и разумной природы человека. Совокупность способов человеческой деятельности	
3. Личностная концепция культуры	Культура как актуализация социальной природы человека – способ движения личности в социальном пространстве и времени, система качеств и характеристик, важных для реализации отношений человека.	
4. Семиотическая концепция культуры	Культура как совокупность знаков, как система передающая и хранящая информацию	
5. Социологизаторская концепция культуры	Культура – это определенная историческая эпоха развития человечества, народа, социума	
6. Суммативная концепция культуры	Культура – это сумма продуктов деятельности и общения людей, «склад» технических и социальных достижений. Накопленных человечеством, наследие потомкам	
7. Эвристическая концепция культуры	Культура – это креативная деятельность людей по совершенствованию того, что дается человеку в природе, обществе, в человеке	

Таким образом, культура – это сложное системное образование. Культура это не менее сложное явление, чем сам человек

– Культура отличает человека от других живых существ.

– Через культуру происходит социальное наследование, связь поколений, сохранение этноса и человечества.

– Культура позволяет разным индивидам более или менее одинаково понимать мир, совершать понятные другим поступки

9. ЧЕЛОВЕК КАК ПРЕДМЕТ ВОСПИТАНИЯ

9.1. Цели воспитания и самовоспитания

Проблемы воспитания и обучения неразрывно связаны, поскольку данные процессы направлены на человека как целое. Поэтому на практике трудно выделить сферы исключительного влияния обучающих и воспитательных воздействий на развитие человека. А именно как его эмоций, воли, характера, так и мотиваций, ценностных ориентации и интеллекта. Еще Платон писал: «...самым важным в обучении мы признаем надлежащее воспитание». Однако в научном понимании и организации процессов обучения и воспитания есть свои особенности. Поэтому разделение данных процессов проводится нами с целью объяснения их сущности.

«Недостаточно, чтобы воспитание только не портило нас, – нужно, чтобы оно изменяло нас к лучшему» – М. Монтень.

Теория и методика воспитания являются разделами общей педагогики, в которых уточняется сущность, принципы и методы, цели и содержание процесса воспитания.

«Никто не становится хорошим человеком случайно»

Платон на протяжении исторического развития педагогической мысли вышеозначенный процесс находился в фокусе внимания ученых и практиков. Поэтому и в наше время воспитание остается основной категорией педагогики. Содержание данного явления обновляется по мере развития практического опыта, педагогической науки и ее ведущей доктрины. Общественная практика передачи социального опыта от старшего поколения к младшему сложилась гораздо раньше обозначающего ее термина. Поэтому сущность воспитания трактуется с различных точек зрения. В любом случае в качестве предмета воспитания рассматривается человек, испытывающий соответствующее воздействие.

Сущность воспитания заключается в таком взаимодействии, что воспитатель намеренно стремится повлиять на воспитуемого: «чем человек как человек может и должен быть» (К. Д. Ушинский). То есть воспитание является одним из видов деятельности по преобразованию человека или группы людей. Это практико-преобразующая деятельность, направленная на изменение психического состояния, мировоззрения и сознания, знания и способа деятельности, личности и ценностных ориентации воспитуемого. Свою

специфику воспитания обнаруживает в определении цели и позиции воспитателя по отношению к воспитаннику. При этом воспитатель учитывает единство природной, генетической, психологической и социальной сути воспитуемого, а также его возраст и условия жизни.

Как показывает практика, функция воспитательного воздействия может реализовываться разными способами, на различных уровнях, с множественными целями. Например, сам человек может целенаправленно оказывать на себя воспитательное влияние, управляя своим психологическим состоянием, поведением и активностью. В таком случае можно говорить о самовоспитании. При этом от позиции человека в отношении себя (кем бы он хотел быть в настоящем и стать в будущем) зависит выбор воспитательной цели и способов ее достижения.

Практикум «Ассоциация – человек»

Задание: 1. Напишите 16 ассоциаций – существительных на слово «человек»;

2. Напишите ассоциации на пары 1-2, 3-4, и т.д. – получившихся слов;

3. И т.д. пока у Вас не получится 1 слово – № 31.

Важно! Слова 1-31 не должны повторяться!

1.	17.	25.	29.	31.
2.				
3.	18.			
4.				
5.	19.	26.		
6.				
7.	20.			
8.				
9.	21.	27.	30.	
10.				
11.	22.			
12.				
13.	23.	28.		
14.				
15.	24.			
16.				

9.2. Воспитание как процесс

Структура воспитательного процесса представляет собой взаимосвязь основных элементов: целей и содержания, методов и средств, а также достигнутых результатов.

Воспитание является многофакторным процессом. На него оказывают влияние природная среда, жизненный мир и иерархия общественных ценностей; семья, школа и вуз, детские и молодежные организации; повседневная и профессиональная деятельность, искусство и средства массовой информации.

Среди многообразия воспитательных факторов выделяют две основные группы: объективную и субъективную.

К группе объективных факторов относятся:

- генетическая наследственность и состояние здоровья человека;
- социальная и культурная принадлежность семьи, оказывающая влияние на его непосредственное окружение;
- обстоятельства биографии;
- культурная традиция, профессиональный и социальный статус;
- особенности страны и исторической эпохи.

Группу субъективных факторов составляют:

- • психические особенности, мировоззрение, ценностные ориентации, внутренние потребности и интересы как воспитателя, так и воспитуемого;
- • система отношений с социумом;
- • организованные воспитательные воздействия на человека со стороны отдельных людей, групп, объединений и всего сообщества.

В ходе истории возникла потребность в осмыслении процесса воспитания, определения его специфики. А именно в уточнении целей воспитания и уровней их реализации; специфике средств и видов воспитания.

Цели воспитания – это ожидаемые изменения в человеке (или группе людей), осуществленные под воздействием специально подготовленных и планомерно проведенных воспитательных акций и действий. Процесс формулировки таких целей, как правило, аккумулирует гуманистическое отношение воспитателя (группы или всего общества) к личности воспитуемого.

В качестве критериев оценки воспитанности человека принимают:

- «добро» как поведение на благо другого человека (группы, коллектива, общества в целом);
- «истину» как руководство при оценке действий и поступков;
- «красоту» во всех формах ее проявления и созидания.

Мера воспитанности человека определяется следующими критериями: широтой и высотой восхождения человека к вышеозначенным ценностям; степенью ориентации в правилах, нормах, идеалах и ценностях общества и мерой руководства ими в поступках и действиях, а также уровнем приобретенных на их основе личностных качеств.

О воспитанности человека можно судить по многочисленным показателям: по облику, речи, манере поведения в целом и характерным отдельным поступкам, по ценностным ориентациям, по отношению к деятельности и стилю общения.

Вот что писал о воспитанных людях А. П. Чехов (Собр. соч. В 12-ти т. Т. 11. М., 1956. С. 83-84): «Воспитанные люди, по моему мнению, должны удовлетворять следующим условиям:

1. Они уважают человеческую личность, а потому всегда снисходительны, мягки, вежливы, уступчивы... Они не бунтуют из-за молотка или пропавшей резинки; живя с кем-нибудь, они не делают из этого одолжения, а уходя, не говорят: с вами жить нельзя! Они прощают и шум, и холод, и пережаренное мясо, и остроты, и присутствие в их жилье посторонних...

2. Они сострадательны не к одним только нищим и кошкам. Они болеют душой и от того, чего не увидишь простым глазом...

3. Они уважают чужую собственность, а потому и платят долги.

4. Они чистосердечны и боятся лжи как огня. Не лгут они даже в пустяках. Ложь оскорбительна для слушателя и опошляет в его глазах говорящего. Они не рисуются, держат себя на улице так же, как дома, не пускают пыли в глаза меньшей братии... Они не болтливы и не лезут с откровенностями, когда их не спрашивают... Из уважения к чужим ушам они чаще молчат.

5. Они не уничтожают себя с той целью, чтобы вызвать в другом сочувствие и помощь. Они не играют на струнах чужих душ, чтоб в ответ им вздыхали и нянчились с ними. Они не говорят: меня не понимают!..

6. Они не суетны. Их не занимают такие фальшивые бриллианты, как знакомство со знаменитостями, восторг встречного в Salon'e, известность по портерным...

7. Если они имеют в себе талант, то уважают его. Они жертвуют для него покоем, женщинами, вином, суетой...

8. Они воспитывают в себе эстетику. Они не могут уснуть в одежде, дышать дрянным воздухом, шагать по оплеванному полу...»

Любая воспитательная задача решается через инициирование воспитателем активных действий воспитанника. Таким начинанием может стать, например, выполнение физического упражнения или решение учебной задачи, восприятие художественного произведения или уборка квартиры, преодоление страха или вредной привычки.

Успешность воспитательной акции как единства воспитательной цели-содержания (средств и способов достижения цели) проявляется как повышение степени автономной активности воспитанника. Таким образом, в совместно-распределенной деятельности осуществляется переход от позиции «на равных» к позиции расширения прав воспитанника, передачи ему полномочий и обязанностей. Начиная самостоятельную деятельность, стремясь к самосовершенствованию, воспитанник может рассчитывать на помощь и поддержку воспитателя.

Направление воспитания определяется единством целей и содержания.

По этому признаку выделяют умственное, нравственное, трудовое, физическое и эстетическое воспитание. В наше время формируются новые направления воспитательной работы – гражданское, правовое, экономическое, экологическое.

Умственное воспитание ориентировано на развитие интеллектуальных способностей человека, интереса к познанию окружающего мира и себя.

Оно предполагает:

- развитие силы воли, памяти и мышления как основных условий познавательного и образовательного процессов;
- формирование культуры учебного и интеллектуального труда;
- стимулирование интереса к работе с книгой и новыми информационными технологиями;
- а также развитие личностных качеств – самостоятельности, широты кругозора, способности к творчеству.

Задачи умственного воспитания решаются средствами обучения и образования, специальными психологическими тренингами и упражнениями, беседами об ученых, государственных деятелях разных стран, викторинами и олимпиадами, вовлечением в процесс творческого поиска, исследования и эксперимента. Этика составляет теоретическую основу нравственного воспитания.

Задачи и содержание нравственного воспитания молодого поколения определяются посредством этических требований общества. В письменной традиции человечества основные постулаты нравственного поведения человека были представлены в Библии и Коране.

В качестве основных задач этического воспитания выделяют:

- накопление нравственного опыта и знаний о правилах общественного поведения (в семье, на улице, в школе и других общественных местах);
- разумное использование свободного времени и развитие нравственных качеств личности, таких как внимательного и заботливого отношения к людям; честности, терпимости, скромности и деликатности; организованности, дисциплинированности и ответственности, чувства долга и чести, уважения человеческого достоинства, трудолюбия и культуры труда, бережного отношения к национальному достоянию.

В повседневной жизни можно наблюдать факты отклонения человека от морально-нравственных принципов,

Например, герой «Записок из подполья» Ф. М. Достоевского хочет по своей, по глупой воле пожить; и поэтому, пусть хоть рушится весь мир, а он будет чайком баловаться. В психологии человека «из подполья» Достоевский увидел разрастающееся явление общественного «нигилизма».

Основными критериями нравственного человека являются его нравственные убеждения, моральные принципы, ценностные ориентации, а также поступки по отношению к близким и незнакомым людям.

В данном контексте уместно вспомнить идею Л. Н. Толстого относительно приумножения «зла» в мире.

В рассказе «Фальшивый купон» гимназист обманывает лавочника; тот, в свою очередь, платит крестьянину за дрова фальшивыми деньгами. Из-за дальнейшего стечения обстоятельств крестьянин становится разбойником. Л. Н.

Толстой концентрирует внимание читателя на действенности в повседневной жизни древнего постулата – «не делай другому того, чего себе не желаешь».

В процессе нравственного воспитания широко применяются такие методы, как убеждение и личный пример, совет, пожелание и одобрительный отзыв, положительная оценка действий и поступков, общественное признание достижений и достоинств человека. Также целесообразно проведение этических бесед и диспутов на примерах художественных произведений и практических ситуаций. Одновременно спектр нравственного воспитания предполагает как общественное порицание, так и возможность дисциплинарных и отсроченных наказаний.

Главными задачами трудового воспитания являются: развитие и подготовка, добросовестного, ответственного и творческого отношения к разным видам трудовой деятельности, накопление профессионального опыта как условия выполнения важнейшей обязанности человека.

Для решения вышеозначенных задач используют разные приемы и средства:

- организацию совместного труда воспитателя и воспитанника;
- объяснение значимости определенного вида труда на пользу семьи, коллектива сотрудников и всего предприятия, Отечества;
- материальное и моральное поощрение производительного труда и проявления творчества;
- знакомство с трудовыми традициями семьи, коллектива, страны;
- кружковые формы организации труда по интересам (технического творчества, моделирования, театральной деятельности, кулинарии);
- упражнения по выработке трудовых навыков при выполнении конкретных операций (навыков чтения, счета, письма, пользования компьютером; различных ремонтных работ; изготовления изделий из дерева и металла);
- творческие конкурсы и соревнования, выставки творческих работ и оценка их качества;
- временные и постоянные домашние поручения, дежурства по классу в шко-ле, выполнение возложенных обязанностей в трудовых бригадах;
- систематическое участие в общественно-полезном труде, обучение технологиям и приемам организации профессиональной деятельности;
- контроль за экономией времени и электроэнергии, ресурсами;
- учет и оценка результатов труда (качества, сроков и точности выполнения задачи, рационализации процесса и наличие творческого подхода);
- специальная профессиональная подготовка к трудовой деятельности (инженера, учителя, медика, оператора, библиотекаря, сантехника).

Целью эстетического воспитания является развитие эстетического отношения к действительности.

Эстетическое отношение предполагает способность к эмоциональному восприятию прекрасного. Оно может проявляться не только по отношению к

природе или произведению искусства. Например, И. Кант считал, что созерцая художественное произведение, созданное рукою человеческого гения, мы приобщаемся к «прекрасному». Однако лишь бушующий океан или извержение вулкана мы постигаем как «возвышенное», которое человек сотворить не в силах. (Кант И. Критика способности суждения. М. 1994.)

Благодаря способности к восприятию прекрасного, человек обязан привносить эстетическое в личную жизнь и жизнь окружающих, в быт, в профессиональную деятельность и социальный ландшафт. Одновременно эстетическое воспитание должно уберегать нас от ухода в «чистый эстетизм».

В рассказе «Снежная королева» современного петербургского прозаика В. Шпакова героиня стремится свести жизнь к существованию в прекрасной сфере классической музыки. Стремление к классике – само по себе похвально, но беда в том, что по пути к ней презирается и отбрасывается «грубая» повседневность, в которой все мы живем. И повседневность мстит, сводя героиню с ума. (Шпаков В. Клоун на велосипеде. СПб. 1998.)

В процессе эстетического воспитания используют художественные и литературные произведения: музыку, искусство, кино, театр, народный фольклор. Этот процесс предполагает участие в художественном, музыкальном, литературном творчестве, организацию лекций, бесед, встреч и концертных вечеров с художниками и музыкантами, посещение музеев и художественных выставок, изучение архитектуры города.

Воспитательное значение имеет эстетическая организация труда привлекательное оформление классных комнат, аудиторий и образовательных учреждений, художественный вкус, проявляющийся в стилистике одежды учеников, студентов и преподавателей. Это относится и к социальному ландшафту повседневной жизни. В качестве примеров могут послужить чистота подъездов, озеленение улиц, оригинальный дизайн магазинов и офисов.

Основными задачами физического воспитания являются: правильное физическое развитие, тренировка двигательных навыков и вестибулярного аппарата, различные процедуры закаливания организма, а также воспитание силы воли и характера, направленное на повышение работоспособности человека.

Организация физического воспитания осуществляется посредством занятий физическими упражнениями дома, в школе, вузе, в спортивных секциях. Она предполагает наличие контроля за режимом учебных занятий, труда и отдыха (гимнастики и подвижных игр, туристических походов и спортивных соревнований) и врачебно-медицинской профилактики заболеваний подрастающего поколения.

Для воспитания физически здорового человека чрезвычайно важно соблюдение элементов повседневного режима: продолжительный сон, калорийное питание, продуманное сочетание различных видов деятельности.

Гражданское воспитание предполагает формирование у человека ответственного отношения к семье, к другим людям, к своему народу и Отечеству. Гражданин должен добросовестно выполнять не только

конституционные законы, но и профессиональные обязанности, вносить свой вклад в процветание страны. В тоже время он может чувствовать ответственность за судьбу всей планеты, которой угрожают военные или экологические катастрофы, и становиться гражданином мира.

Экономическое воспитание – это система мер, направленная на развитие экономического мышления современного человека в масштабах своей семьи, производства, всей страны. Данный процесс предполагает не только формирование деловых качеств – бережливости, предприимчивости, расчетливости, но и накопление знаний, касающихся проблем собственности, систем хозяйствования, экономической рентабельности, налогового обложения.

Экологическое воспитание основано на понимании непреходящей ценности природы и всего живого на Земле. Оно ориентирует человека на бережное отношение к природе, ее ресурсам и полезным ископаемым, флоре и фауне. Каждый человек должен принять посильное участие в предотвращении экологической катастрофы.

Правовое воспитание предполагает знание своих прав и обязанностей и ответственность за их несоблюдение. Оно ориентировано на воспитание уважительного отношения к законам и Конституции, правам человека и на критическое отношение к тем, кто преступает последние.

Воспитательный процесс в целом и в рамках отдельного направления можно наблюдать или организовывать на нескольких уровнях (В. И. Гинецинский).

Первый, так называемый социетарный уровень дает представление о воспитании как постоянной функции общества на любой стадии его развития в контексте общезначимой культуры, а именно такой стороны жизни социума, которая связана с трансляцией культуры во всех ее формах и проявлениях молодому поколению. В России воспитательные цели этого уровня определены в законе «Об образовании», в Конституции, в Международной Конвенции о правах человека и других государственно-политических документах, в которых выражена образовательно-воспитательная политика нашей страны и всего международного сообщества.

Второй, институциональный уровень предполагает реализацию воспитательных целей и задач в условиях конкретных социальных институтов. То есть организаций и учреждений, которые специально создаются для этого. Такими организациями являются детские дома и школы-интернаты, детские сады, школы и вузы, дома творчества и центры развития.

Третий, социально-психологический уровень обуславливает воспитание в условиях отдельных социальных групп, ассоциаций, корпораций, коллективов. Например, коллектив предприятия оказывает воспитательное воздействие на своих сотрудников, ассоциация бизнесменов – на своих коллег, ассоциация женщин-матерей погибших воинов, выступая против войны, – на государственные органы, ассоциация педагогов – на развитие творческого потенциала педагогов.

Четвертый, межличностный уровень определяет специфику воспитания как практику взаимодействия между воспитателем и воспитанниками, с учетом индивидуально-психологических и личностных особенностей последних. Примерами такой практики могут послужить: родительское воспитание, работа социального психолога и педагога в работе с детьми, подростками и взрослыми, воспитательное влияние учителя в процессе общения с учениками в условиях образовательной системы.

Пятый, интраперсональный уровень по сути является процессом самовоспитания, который осуществляется как воспитательное воздействие человека на самого себя в разных жизненных обстоятельствах. Например, в ситуациях выбора и конфликта, в процессе выполнения учебных заданий, в период сдачи экзаменов или спортивного соревнования.

10. ВОСПИТАНИЕ КАК АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Воспитатель, который не вдалбливает, а освобождает, не тянет, а поднимает, не угнетает, а способствует формированию личности, не диктует, а учит, не требует, а спрашивает, вместе с ребенком переживает множество вдохновенных минут.

В теории воспитания мы часто забываем о том, что должны учить ребенка не только ценить правду, но и распознавать ложь, не только любить, но и ненавидеть, не только уважать, но и презирать, не только соглашаться, но и возражать, не только слушаться, но и бунтовать.

Я. Корнак

Традиционно воспитание осознается человечеством и педагогической наукой как чрезвычайно сложный процесс. Вслед за классиками современная педагогическая антропология понимает воспитание как процесс, который сохраняет («спасает», по Н.И.Пирогову) человеческую сущность любого общества и создает условия, как для развития общества, так и для продуктивного существования каждого человека. Вот почему оно объективно является большой ценностью, актуальной и для настоящего, и для будущего человечества, любого социума, каждого человека.

Размышления о воспитании сопровождают всю историю человечества. Вместе с тем вопрос о сущности самого воспитания остается до сих пор дискуссионным.

В современном научно-педагогическом и общественном сознании воспитание чаще всего рассматривается как специальная деятельность, направленная в основном на детей или взрослых из так называемых «групп риска», цель и результат которой – формирование или изменение человека в соответствии с социальным заказом.

Для педагогической антропологии, восходящей, как мы уже указывали, к И. Канту, характерно собственное отношение к воспитанию. Конкретизируем его и соотнесем с современной педагогической практикой.

Воспитание – это мастерство, и искусство, оно не просто содержит как творческий, импровизационный, так и рутинный, алгоритмизированный компоненты – эти компоненты взаимосвязаны, взаимно определяют друг друга.

Издавна отмечалось: потенциал воспитания огромен, но в реальности его возможности ограничены. К. Д. Ушинский писал; «Воспитание может многое, но не все».

Целостный и противоречивый характер воспитания проявляется, в частности, в том, что каждый воспитатель является воспитанником и, наоборот, всякий воспитанник – воспитателем, а любой человек одновременно – и объектом и субъектом воспитания. Это обусловлено определенными особенностями человека, который в состоянии не только отражать воспитательные цели и условия, но и ставить, и создавать их, и относиться к себе как к предмету самосовершенствования (С. Д. Поляков).

Воспитательное пространство – «единое синтаксическое поле», внутри которого каждый одновременно выполняет противоречивые роли «подлежащего» (Я) и «сказуемого» (ты). Я и ты в этом пространстве постоянно меняются местами и взаимно влияют друг на друга, предъявляют друг другу свои цели, интересы, ценности. Таким образом, целостность и парадоксальность воспитания состоит в том, что воспитывать другого можно только перевоспитывая себя: «Не я воздействую на тебя, а ты на меня» (С. Вайман).

Противоречивы и целостны предмет, субъект и объект воспитания, его структура и содержание. Все это отразила давняя традиция трактовать понятие «воспитание» в широком и узком смысле слова, к которой в последнее время добавилось употребление данного термина в «среднем» смысле слова (А. В. Мудрик).

В широком смысле слова воспитание понимается как стихийное влияние на человека (воспитанника) природы и социальной среды, как неосознанная трансляция культуры от одного поколения, одного социального слоя к другому. Эти процессы сопровождают любую человеческую деятельность, они – фон для профессиональной педагогической работы, но осуществляют их непрофессиональные воспитатели. Эффективность воспитания как глобального и синкретичного процесса зависит от культур но-экономического состояния социального пространства, от чувствительности конкретного человека к воздействиям природной и социальной среды, от осознанности и меры принятия им позиции «воспитанника» природы и общества.

В среднем смысле слова воспитание – это процесс Целенаправленного создания условий для развития человека. Он осуществляется государством, общественными организациями, отдельными людьми – профессиональными и непрофессиональными воспитателями. Конкретные характеристики этих условий и их эффективность зависят от ценностных приоритетов конкретного общества, признания им определенного типа личности как желательного, осознания социальной значимости воспитательного потенциала среды и воспитательной деятельности.

Воспитание в обоих случаях обращено и к отдельному человеку, и к народу, обществу в целом, и к отдельным его слоям и группам; и ко всем взрослым, и ко всем детям. Можно утверждать, что содержание понятия «воспитание» в широком и среднем смысле слова дифференцируется в настоящее время на семейное, общественное, религиозное, спортивное и пр.

В узком смысле слова воспитание – специальная, совершенно особая по содержанию, методам, технологии деятельность «по "возделыванию"» человеческой целостности» (О. Больнов). Сутью этой деятельности является осознанное, целенаправленное влияние на развитие человека. Воспитание в узком смысле слова осуществляется в основном профессиональными участниками образовательного процесса и составляет основной смысл любой педагогической деятельности. Именно оно направлено прежде всего на детей, молодежь и некоторые группы взрослых людей. Это не только «подготовка» к жизни. Воспитание в узком смысле слова – сама жизнь для тех, кто в него включен. Его эффективность зависит как от профессионализма и человеческой зрелости педагога, так и (а может быть – в первую очередь) от личной активности, осознанности участия в процессе воспитания ребенка, девианта и других участников педагогического процесса. «Ребенок воспитывается в той мере, в какой хочет быть воспитанным», – справедливо отмечал В. А. Сухомлинский. Все смыслы воспитания как сверхсложного явления, все его пласты и грани взаимосвязаны, взаимно влияют друг на друга. Общеизвестно, что воспитание, в каком бы смысле его ни рассматривать, влияет на человека целостно: оно меняет и его тело, и психику, и духовную сферу. Оно поощряет и порицает определенное поведение, вооружая человека информацией, не всегда осознанной глубоко, о социально одобряемых формах, способах и средствах удовлетворения своих потребностей. Оно «совершенствует человеческое в человеке» (Н. И. Пирогов). Воспитание в любом смысле слова связано и с совершенствованием, и с нивелированием индивидуальных особенностей, с компенсацией и с коррекцией как физических, так и психологических, как поведенческих (внешних), так и духовных (внутренних) характеристик человека.

Наиболее подробно и многосторонне исследовано в науке и описано в художественной и публицистической литературе воспитание в узком смысле, воспитание как специальная деятельность людей. Оно представляет особый интерес и для педагогической антропологии.

10.1. Подходы к понятию «воспитательный процесс»

Чтобы понять и разрешить проблемы воспитания, нужно четко понимать, что собой представляет воспитательный процесс.

Он имеет свою структуру, которая состоит из целей, содержания, методов и средств. Туда также относятся результаты, которых удалось достигнуть в процессе воспитательного воздействия.

Так как работа по воспитанию предусматривает множество факторов (жизненные ценности, профессиональная сфера, общественные интересы и другое), то их необходимо учитывать при воздействии на личность.

Мы уже освещали ранее объективные и субъективные факторы, которые влияют на становление человеческой личности. Их воздействие бесспорно, однако не менее важно уточнение целей и уровней их реализации.

Так как человек – единственное создание, подлежащее воспитанию, то и цели, поставленные перед воспитателем, должны содействовать всему спектру возможностей этого направления воздействия.

Формулируя цели воспитания, важно понимать реальность их достижения и гуманистическую направленность.

Воспитательные задачи основываются на инициировании активности личности. То есть задача воспитателя состоит в том, чтобы показать воспитаннику важность и необходимость тех или иных действий, подвести его к принятию самостоятельного решения по их выполнению.

Успех воспитательной деятельности базируется на постепенном переходе из совместной деятельности к самостоятельной. При этом воспитанник всегда может рассчитывать на помощь и поддержку воспитателя. Весь воспитательный процесс базируется на том, что под его воздействием должен «родиться» воспитанный человек.

Что значит быть воспитанным? Существует множество мнений на этот счет. Мы приведем лишь те критерии, которые, на наш взгляд, наиболее точно раскрывают это понятие.

Итак, воспитанные люди развивают в себе такие качества:

- Они способны выслушать, понять и простить, так как с уважением относятся к личности другого человека. Снисходительны к слабостям других людей, так как понимают, что и сами не совершенны.

- Они способны сострадать.

- Они понимают цену материального богатства, поэтому не посягают на чужую собственность и способны вовремя отдавать долги.

- Они не терпят ложь ни в одном из ее проявлений. Предпочитают промолчать, если нечего сказать.

- Они не станут играть на чувствах других, пытаясь вызвать жалость и сострадание к себе.

- Они не станут пренебрегать своими принципами только для того, чтобы познакомиться со знаменитостью или показать свою значимость.

- Они никогда не станут жертвовать своим талантом и возможностями ради житейских утех.

- Они всегда стараются воспитывать в себе чувство прекрасного. Им неприятно видеть неряшливость во всем, что их окружает.

Конечно, перечисленные качества воспитанного человека могут быть дополнены или изменены. Однако они отражают суть человека, который стремится развить в себе лучшие способности и возможности.

10.2. Воспитание гражданина через нравственность

Л.С. Выготский считал, что целью воспитания является создание условий для развития положительных интересов и максимальное устранение негативных. А вот Б. П. Битинас утверждал, что воспитание обязано служить социальному заказу, так как личность должна служить обществу.

Современная педагогика придерживается мнения, что эти цели нужно осуществлять комплексно. То есть обществу нужно воспитание в качестве возрождения гражданина, человека культуры и нравственности.

В современной школе происходят не только изменения в образовании, но и актуализация ценностей морали и нравственности.

Возрождение этих качеств связано с изменением общей ситуации в стране.

С одной стороны, среди детей и подростков часто наблюдается безразличное отношение к учебе, стремление к бунту и анархии. С другой стороны, прогрессивные родители проводят работу с детьми по поводу выживания в условиях современного общества. А условия эти обязывают не только иметь хорошее образование и прочную базу знаний, но и уметь общаться, подчиняясь законам общества.

Такие качества делового человека, как порядочность, умение контролировать свои эмоции, занятия саморазвитием, общая культура поведения смогут помочь достигнуть успеха на любом профессиональном поприще.

Педагог-новатор Е. В. Бондаревская считает, что концептуальная основа воспитания гражданина должна базироваться на таких положениях:

- Социальная обстановка в стране должна быть проанализирована, и через ее призму выстроены цели воспитания;
- Идеологические положения воспитания нужно постоянно менять и совершенствовать с учетом ситуации в стране и мире;
- Воспитание требует выделения базового компонента содержания;
- Методы и технологии воспитания должны быть обоснованы с точки зрения гражданских и моральных норм;
- Критерии воспитанности детей должны опираться на социально-педагогическую обстановку в учреждении образования.

Главная задача педагога состоит в направлении всего педагогического процесса в русло культуры, народных традиций, нравственных идеалов. То есть необходимо внедрение образования в культуру и искусство.

Воспитание ценностного отношения к прекрасному, основы которого были заложены в детстве, способствуют гармоничному развитию личности, ее стремлению к самосовершенствованию.

Таким образом, культура и воспитание человека – понятия, которые должны быть неразрывно связаны.

Образование призвано помочь развивающейся личности стать частью культурных традиций, истории своего народа. Гражданственность не может существовать без нравственности.

Идеология воспитания должна быть направлена на гуманизацию всего процесса.

Следовательно, все отношения между учащимся и педагогом должны быть естественными, «человечными». Время тоталитарного и диктаторского отношения к учащимся прошло. В современных школах педагог направляет свою деятельность на развитие личности ребенка, а также на признание за этой личностью права выбора и собственного мнения.

10.3. Воспитание в гармонии с природой

Воспитание ценностного отношения к природе и окружающей среде является важной частью развития личности, которая находится в гармонии с миром и самим собой.

Современная экологическая обстановка представляет собой плачевную картину. В связи с этим воспитательный процесс должен уделять большое внимание работе с этим направлением.

Выделяют следующие задачи экологического воспитания:

–Привитие любви к природе.

–Формирование базы знаний об экологии, ее специфике.

–Воспитание бережного отношения к природным ресурсам, стремления не только пользоваться ее богатствами, но и увеличивать их.

Осознание ценности природы и ее богатств начинается в семье. Только семья способна привить бережное отношение к окружающему миру, показать, что благодаря природным ресурсам продолжается жизнь на земле.

Вопрос экологического воспитания не менее тщательно должен решаться в учреждениях образования. На специальных занятиях, а также на обычных уроках преподаватель способствует комплексному рассмотрению аспектов экологических проблем.

10.4. Воспитание в семье

Воспитание начинается в семье. Этот бесспорный факт невозможно опровергнуть. Все, что малыш чувствует, видит и слышит, формирует его самосознание, внутренние потребности и желания.

От того, какие основы будут заложены в семье, зависит вся дальнейшая жизнь человека.

Как правило, человек любит место своего рождения и воспитания. Ведь там начинался его жизненный путь, там его учили основам жизнедеятельности.

Жизнь взрослого человека является отображением его детских впечатлений, правил и установок, которые привили ему родители. На примере взрослых происходит становление личности ребенка.

Общение с родителями позволяет развиваться всем качествам ребенка, как отрицательным, так и положительным.

В семье закладываются основы воспитания ценностного отношения к природе и окружающей среде, нормы морали и нравственные идеалы, отношение к трудовой деятельности и физической культуре.

Известный психолог Джон Боулби в своей книге «Теория привязанности и воспитание счастливых людей» рассказывает о том, как влияют на развитие и поведение малыша взаимоотношения со взрослыми. Он детально описывает методы, с помощью которых эта теория помогает сделать детей счастливыми и успешными.

«Теория привязанности и воспитание счастливых людей» – путеводитель в мире взаимоотношений родителей и детей.

Автор дает советы, как правильно разграничивать личное пространство малыша и семейные традиции, как нужно расставаться, на какое время это делать, чем это расставание может быть полезно. Учит безболезненному переходу от одной стадии развития ребенка к другой.

Теория немецкого психолога позволяет использовать родительскую любовь с максимальной пользой для ребенка. Помогает научиться чувствовать счастье каждый день, находя его в обычных бытовых вещах.

10.5. «Двойное» воспитание

Человечество всегда искало пути воспитания совершенного человека. Вряд ли это возможно. Однако стремиться к идеалу необходимо каждому. Достичь этого можно через самостоятельное стремление к совершенству.

Дело в том, что у всякого человека бывает два воспитания. Первое обеспечивают ему родители, педагоги и общество. Второе он дает себе сам.

«Двойное» воспитание не уступает по значимости тому, что давали в детстве взрослые. Более того, именно с его помощью человек может приблизиться к тому идеалу, к которому стремится все человечество.

Только с помощью саморазвития работа, которая проводилась педагогами, сможет приносить плоды.

В чем суть воспитания самого себя?

Представим основные правила работы над собой, с помощью которых возможно приблизиться к идеалу:

- 1) Помните, что вы индивидуальность. Вы строите свою жизнь, несете личную ответственность за свои поступки.
- 2) Учитесь, развивайтесь, читайте. Но помните, что любая информация требует тщательного отбора. Не позволяйте кому-то или чему-то руководить вашей жизнью.
- 3) Тщательно обдумывайте свои решения, а после их принятия не сомневайтесь в их правильности.
- 4) Не перекладывайте ответственность за свои действия на других людей. Ищите ответ в случившихся неприятностях только в себе.
- 5) Материальное должно служить вам, а не вы ему. Деньги и блага не должны управлять вашим сознанием.

6) Общайтесь только с теми людьми, кто вам приятен. Помните, что каждый человек личность, и у него можно чему-либо научиться.

7) Прекращайте отношения, которые приносят в вашу жизнь дискомфорт.

8) Думайте критически. Из обилия информации выбирайте главное, то, что нужно именно вам для достижения цели. Ничего лишнего.

9) Не бойтесь быть непохожими на других. Эта способность дана далеко не каждому. Наслаждайтесь тем, что вы уникальны.

10) Верьте в свои силы. У вас достаточно сил, времени и возможностей, чтобы достигнуть всего, чего вы хотите.

11) Ставьте перед собой цели и добивайтесь их. Каждый день – новая цель.

12) Помните, что идеальных людей нет. Только от ваших усилий зависит, насколько близко вы сможете подойти к идеалу.

Осознанное развитие личности поможет найти свою нишу в этом непростом мире и не потерять индивидуальность.

11. ПОНЯТИЕ ОБРАЗА ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

Образ жизни – одна из важнейших биосоциальных категорий, дающая представление о жизнедеятельности человека. Образ жизни – это «лицо» человека и в то же время один из критериев общественного прогресса. При анализе образа жизни обычно рассматриваются его составные части (виды деятельности): профессиональная, общественная, социально культурная, бытовая и др. В качестве основных видов выделяют социальную, трудовую и физическую активность. Иными словами, главным в образе жизни человека является то, как он живет (или социальная группа), каковы основные способы и формы его жизнедеятельности, ее направленность. При этом следует иметь в виду, что каждая из социальных групп имеет свои отличия в образе жизни, свои ценности, установки, эталоны поведения и т. п. Образ жизни, будучи обусловлен в значительной степени социально-экономическими условиями, находится в зависимости от мотивов деятельности конкретного человека, особенностей его психики, состояния здоровья и функциональных возможностей организма. Этим, в частности, объясняется многообразие вариантов образа жизни различных людей. Образ жизни человека включает три категории: уровень жизни, качество жизни и стиль жизни. Уровень жизни – это степень удовлетворения материальных, культурных, духовных потребностей конкретного человека (категория в большей степени экономическая). Качество жизни характеризует самоощущение человека в обществе (преимущественно социальная категория). Стиль жизни – поведенческая особенность жизни человека, т. е. определенный стандарт, соответствующий психологии и психофизиологии личности (социально-психологическая категория). Отсюда поведение у людей разное, и зависит оно в значительной степени от

воспитания. Концентрированным выражением взаимосвязи образа жизни и здоровья человека является понятие здорового образа жизни. Здоровый образ жизни объединяет все, что способствует выполнению человеком профессиональных, общественных и бытовых функций в наиболее оптимальных для здоровья и развития человека условиях; выражает определенную ориентированность деятельности личности на укрепление и улучшение собственного здоровья и здоровья окружающих. Здоровье по сути своей должно быть первейшей потребностью человека, но удовлетворение этой потребности имеет сложный, своеобразный, часто противоречивый, опосредованный характер и не всегда приводит к необходимому результату. Эта ситуация обусловлена рядом обстоятельств и прежде всего тем, что: 1) государство на сегодняшний день в недостаточной степени воздействует на мотивацию человека вести здоровый образ жизни; 2) отношение общества к здоровью – один из показателей его развития, и то, что в нашем обществе здоровью не стоит на первом месте в иерархии потребностей человека, является следствием его низкой культуры. Здоровый образ жизни связан с личностно-мотивационным воплощением индивидами своих социальных, психологических, физических возможностей и способностей. При этом иметь следует в виду, что для здорового образа жизни недостаточно сосредоточивать усилия лишь на преодолении факторов риска – возникновения различных заболеваний, на борьбе с алкоголизмом, курением, наркоманией, гиподинамией, нерациональным питанием, конфликтными отношениями. Важно поддерживать все то, что «работает» на формирование здорового образа жизни. Научную основу здорового образа жизни составляют основные положения валеологии. Согласно им, образ жизни – это выбор самого человека, касающийся пути и способа того, как ему жить. Этот выбор в значительной степени зависит от конституциональных характеристик индивида. Основным законом валеологии, представляющий собой результат многовекового опыта врачей, педагогов, психологов, гласит: образ жизни человека должен соответствовать его конституции. Как известно, конституция человека – это генетический потенциал организма, продукт наследственности и среды, в которой реализуется наследственный потенциал. Именно конституция человека определяет основные законы его индивидуальной жизни. Конституция всегда индивидуальна, поэтому сколько людей, столько и вариантов образа жизни. Конституция человека включает в себя следующие составные части: – Рефлексивная конституция – генетическая память (наследственность), эпигенетическая память (эмбриональный путь развития), иммунная память (память о перенесенных заболеваниях), нейронная память (память, фиксируемая нейронами). – Генотипическая конституция – «наследственный паспорт» (геномная характеристика, хромосомная система человека), определяющий регенерационные способности нашей морфологии. – Фенотипическая конституция – понятие, связанное с наследственной структурой костно-мышечного и жирового габитуса человека. Под габитусом подразумевается внешний вид человека – особенности телосложения, осанки,

цвета кожи, выражения лица и т. д., – по которому можно судить о состоянии его здоровья, в том числе об имеющихся заболеваниях или о предрасположенности к ним. – Иммунная конституция – система глобулиновой защиты, в основе которой лежит механизм антиген-антительных связей, определяющих характер и интенсивность иммунологических реакций. – Нейронная конституция – состояние неврологической реактивности, определяющее базисные основы обучения, приобретения знаний; это базисная основа эмоций и волевых процессов, определяющих наше здоровье и нашу неврологическую симптоматику. – Психологическая конституция определяет психологический тип личности, ее характер и темперамент. – Лимфогематологическая конституция отвечает за особенности лимфотока и группу крови; эти особенности имеют геномный, конституциональный характер и определяют интенсивность метаболизма и энергетики организма. – Гормонально-половая конституция характеризует существенный момент во всех поведенческих реакциях человека. Половое поведение определяется взаимодействием определенных мозговых структур с половыми гормонами (андрогенами при мужском половом поведении и эстрогенами при женском половом поведении). – Энерго-акупунктурная конституция – это специфика системы так называемых энергоканальных связей в организме. Системное представление о конституции человека дает интегральную характеристику, лежащую в основе всех валеологических представлений. Здоровый образ жизни – это жизнь по законам своей конституции. Потеря здоровья представляет собой своеобразную расплату за жизнь вопреки своей конституции. Совершенно очевидно, что реализация принципов здорового образа жизни сопряжена с социально-экономическими и поведенческими особенностями жизни индивида. К основным принципам здорового образа жизни относятся: – социальный принцип: образ жизни должен сочетать в себе эстетическое, нравственное и волевое начало; – биологический принцип: образ жизни должен соответствовать возрасту, способствовать поддержанию энергообеспеченности и ритма функционирования организма, укреплению сил; здоровый образ жизни не приемлет излишеств. Главные тенденции здорового образа жизни: – стремление к физическому совершенству; – достижение душевной, психической гармонии в жизни; – обеспечение полноценного питания; – исключение саморазрушающих наклонностей (курение, алкоголизм, наркомания и т. д.); – соблюдение правил личной гигиены; – закаливание организма, его очищение и т. д. Главные законы здорового образа жизни весьма просты. 1. Постепенность. Это первый общий закон, относящийся к любым тренировкам организма: к развитию мускулатуры и выносливости, воспитанию прямой осанки и закаливанию, усвоению учебного материала и овладению ремеслом. Пренебрежение этим законом грозит срывами, стрессами и другими печальными последствиями. 2. Систематичность. В старину силачи тренировались своеобразным способом. Они начинали с того, что поднимали и несли новорожденного бычка. Бычок рос, вес его увеличивался; постепенно, день за днем, увеличивалась и нагрузка атлета. 3. Ритмичность. Этот закон

является важнейшей особенностью функционирования всех живых организмов. Ученые установили, что более сорока различных процессов в организме человека подчинено суточным ритмам. Общим правилом является работа в дневное время, а отдых – ночью. Любая работа через определенные промежутки времени (45 минут) должна прерываться отдыхом (10– 15 минут). Для переваривания пищи требуется примерно 3 часа. Поэтому рекомендуется есть через каждые 3– 4 часа, лучше всего 4 раза в день. 4. Индивидуальность. Этот закон здоровья заключается в том, что, добиваясь поставленной цели, нужно одновременно соблюдать постепенность, систематичность и ритмичность, учитывая при этом свои индивидуальные особенности и общие биологические закономерности. Для студента важно не только сказать «нет» наркотикам, алкоголю и табаку, но и выработать умения и навыки здорового образа жизни даже при отсутствии постоянного надзора со стороны бабушки и мамы. Плохо организованный труд на любом рабочем месте может принести только вред физическому или психическому здоровью человека. В студенческие годы важно продумать и разумно спланировать свою учебную деятельность и отдых, это позволит многое успеть, сохранив при этом бодрость и активность. Основные термины (генерируются автоматически): здорового образа жизни, образ жизни, жизни человека, Здоровый образ жизни, формирования здорового образа, Образ жизни, вариантов образа жизни, образа жизни подростков, образа жизни учащихся, изучении курса «Основы, формировании здорового образа, «Основы безопасности жизнедеятельности», умений здорового образа, курса «Основы безопасности, здоровый образ жизни, образ жизни должен, анализе образа жизни, образ жизни человека, образа жизни различных, условий формирования здорового

Практикум «Исследование жизненных задач человека»

Исследование жизненных задач человека

Первая жизненная задача – «Организация образования человека (от дошкольного до высшего профессионального)».

Вопросы, которые следует раскрыть в презентации по теме «Организация образования человека (от дошкольного до высшего профессионального)».

1. Что такое образование как процесс и как результат?
2. Какие виды и уровни образования доступны человеку, живущему в России?
3. Какое участие должен принимать человек в процессе собственного образования?
4. Какие факторы влияют на качество образования человека?
5. Для чего человеку нужно образование?
6. Как образование отражается на качестве жизни человека?
7. Какие рекомендации, наставления, советы можно дать современному человеку по решению жизненной задачи – получения образования?

Вторая жизненная задача – **«Создание семьи и построение отношений между супругами».**

Вопросы, которые следует раскрыть в презентации по теме **«Создание семьи и построение отношений между супругами».**

1. Что такое семья?
2. Зачем человеку нужна семья: зачем семья нужна женщине и зачем семья нужна мужчине?
3. Что мешает некоторым людям создать семью? Почему некоторые мужчины и женщины живут всю жизнь без брака?
4. Что необходимо мужчине и женщине для создания прочной, крепкой счастливой семьи?
5. Какие качества являются в браке определяющими для жены?
6. Какие качества являются в браке определяющими для мужа?
7. Какие трудности переживает семья в разные периоды супружества?
8. Какие условия обеспечивают сохранность брака на долгие годы?
1. Какие рекомендации, наставления, советы можно дать супругам для успешного решения жизненной задачи – создания семьи?

Третья жизненная задача – **«Рождение и воспитание детей в семье».**

Вопросы, которые следует раскрыть в презентации по теме **«Рождение и воспитание детей в семье».**

1. Почему люди хотят иметь детей?
2. Что необходимо знать супругам для рождения здорового ребенка?
3. Какие задачи решают родители в процессе воспитания детей от рождения до окончания детства (то есть от 0 до 24 лет)?
4. Какие трудности возникают при воспитании однополых детей?
5. Какие трудности возникают при воспитании разнополых детей?
6. Какие условия обеспечивают успешность воспитания детей?
7. Какое количество детей является наиболее оптимальным для современной семьи и почему?
8. Какие личностные качества являются необходимыми и достаточными для современного человека?
9. Как следует воспитывать эти качества у детей в семье?
10. Какие трудности является наиболее типичными для современной семьи в процессе воспитания детей?
11. Каковы возможные пути их преодоления?
12. Какие рекомендации, наставления, советы можно дать родителям для успешного решения жизненной задачи – воспитания детей в семье?

Четвертая жизненная задача – **«Духовное развитие человека».**

Вопросы, которые следует раскрыть в презентации по теме **«Духовное развитие человека».**

1. Что вкладывается сегодня в понятие «духовное развитие человека»?
2. Зачем человеку нужно духовное развитие?

3. Каковы источники духовного развития человека?
4. Какие качества отличают духовного развитого человека?
5. Как соотносятся духовность и нравственность личности?
6. От кого и от чего зависит эффективное духовное развитие человека?
7. Как соотносятся образование и духовное развитие человека?
8. Как соотносятся творчество и духовное развитие человека?
9. Как соотносятся досуг и духовное развитие человека?
10. Какие усилия необходимо прикладывать самому человеку для собственного духовного развития?
11. Какие рекомендации, наставления, советы можно дать современному человеку для успешного решения жизненной задачи – собственного духовного развития?

Пятая жизненная задача – «**Трудовая деятельность человека**».

Вопросы, которые следует раскрыть в презентации по теме «**Трудовая деятельность человека**».

1. Какие виды трудовой деятельности выполняет человек на протяжении всей своей жизни?
2. Что такое труд по самообслуживанию? Из чего он складывается для человека по отношению к себе и по отношению к быту семьи?
3. Что такое работа по интересам (хобби, досуг)? Для чего она нужна человеку?
4. Для чего человеку нужна профессиональная деятельность?
5. Какие личностные качества необходимы человеку для успешной трудовой профессиональной деятельности?
6. При каких условиях профессиональная трудовая деятельность человека будет для него успешной?
7. Что может мешать человеку эффективно трудиться?
8. Что такое призвание и как его можно обнаружить в себе?
9. При каких условиях человек может эффективно сочетать работу по интересам и трудовую профессиональную деятельность?
10. Какие рекомендации, наставления, советы можно дать современному человеку для успешного решения жизненной задачи – трудовая деятельность?

12. ПОНЯТИЕ «НОРМА» И «АНОМАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ» ЧЕЛОВЕКА

Не вполне определено и само понятие **нормы**, которое, безусловно, должно быть соотнесено не только с уровнем психологического и социального развития ребенка в конкретные периоды его взросления, но и (в первую очередь) с требованиями, предъявляемыми ребенку социумом, которые также невозможно привести к каким-либо конечным показателям.

Личностно ориентированный подход является в настоящее время в отечественной и мировой системе образования основной стратегией, требует от

педагога владения необходимыми навыками и знаниями, позволяющими обеспечить «индивидуальную траекторию развития» не только среднестатистического ребенка, но и отличающегося яркой неповторимостью и индивидуальностью. В связи с этим «норма» все больше размывается и рассматривается в разных значениях.

Статистическая норма – уровень психосоциального развития человека, которая соответствует количественным показателям, полученным при обследовании предварительной группы популяции людей того же возраста, пола, культуры. Ориентация на статистическую норму развития тех или иных псих. качеств, особенно на этапе первичной диагностики психического состояния ребенка при определении характера основного нарушения, его выраженности. Статистическая норма представляет собой определенный диапазон значений развития какого либо качества (рост, вес, уровень развития интеллекта, отдельных состояний), расположенных около среднего арифметического. Попадание в эту зону означает уровень развития, свойственный не менее чем 68% лиц данной возрастной категории, пола и т.д.) ориентация на статистическую норму важна, прежде всего, на этапе выявления недостатков в развитии и определения меры из патологичности, требующей специальной психолого-педагогической, медицинской помощи.

Функциональная норма – представление о неповторимости пути развития каждого человека, а также, что любое отклонение можно считать отклонением только в сопоставлении с индивидуальным трендом развития каждого человека (направление, путь). Это индивидуальная норма развития, которая является отправной точкой и одновременно целью коррекционной работы, независимо от нарушений.

Ребенок нормальный: 1) когда уровень его развитие соответствует развитию большинства детей его возраста или старшего возраста, с учетом развития общества; 2) когда ребенок развивается в соответствии с его собственным общим трендом, определяющим развитие его индивидуальных свойств, способностей и возможностей; 3) когда ребенок развивается в соотв. с требованиями общества, определяющими как его актуальные формы поведения, перспективы адекватного творческого социального функционирования в период зрелости.

Идеальная норма – некое оптимальное развитие личности в оптимальных для нее социальных условиях. Высший уровень функциональной нормы.

Теория Л.С. Выготского сложной структуры дефекта при аномальном развитии.

Дефект – физ.или псих. недостаток, вызывающий нарушение нормального развития.

Л.С. Выготский установил, что структура дефекта не сводится к симптомам повреждения биологических систем (различных отделов ЦНС, анализаторов и др.), которые. представлены собой первичные симптомы нарушения – *первичные дефекты*. Недоразвитие ВПФ (например, речи и мышления у глухих; опосредованная память у дебилов; восприятия и

пространственная ориентировка у слепых). Со стороны поведения Л.С. Выготский считал *вторичный дефект*, не связанный непосредственно с основными первичными дефектами, но обусловленными им. Соотношение первичного и вторичного дефекта усложняет структуру дефекта.

Если на начальных этапах основным препятствием к обучению и воспитанию является органический дефект, т. е. направление вторичного недоразвития «снизу вверх», то затем, в случае несвоевременно начатой коррекционно-педагогической работы или при ее отсутствии, вторично возникшие явления психического недоразвития, а также неадекватные личностные установки, вызванные неудачами в различных видах деятельности, нередко начинают занимать ведущее место в формировании негативного отношения к себе, социальному окружению и основным видам деятельности. Распространяясь на все более широкий круг психологических проблем, вторичное недоразвитие начинает оказывать негативное влияние на более элементарные психические функции, т.е. направление патогенного влияния начинает идти «сверху вниз».

Адекватное воспитание и обучение способствует преодолению причин, которые порождают вторичные, третичные и т.д. отклонения. Центральная область компенсации дефекта по Л.С. Выготскому – повышение культурного развития и формирование ВПФ. На базе данных специальной психологии строится система обучения и воспитания людей с аномалиями психического развития, профессиональная консультация и профессиональный отбор.

Чем дальше стоит нарушение от поврежденного органа и связанного с ним первичного отклонения, тем легче это нарушение поддается коррекции.

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

Перечень вопросов к зачету

1. История понятия «педагогическая антропология» и его современное толкование
2. Человек как предмет педагогической антропологии
3. Духовность и креативность человека
4. Филогенез человека
5. Концепции онтогенеза
6. Развитие человека как научная проблема
7. Культура как антропологический феномен
8. Воспитание как человеческий способ бытия
9. Воспитание как антропологический процесс
10. Характеристика антропологически безупречных педагогических систем
11. Система антропологических взглядов К. Д. Ушинского
12. Предмет и цель педагогической антропологии
13. Центральные понятия педагогической антропологии

14. Человек и социум
15. Развитие ребенка как процесс его взаимодействия с историей и культурой
16. Социализация человека
17. Культура с точки зрения педагогической антропологии
18. Функции человека в культуре
20. Сущность воспитания для педагогической антропологии
21. Основные идеи и принципы культурно-исторической школы
22. Концепция психологического объяснения культуры
23. Структура педагогической антропологии
24. Функции педагогической антропологии
25. Предпосылки формирования педагогической антропологии
26. Развитие концепций о человеке в истории европейской мысли
27. Становление классического эволюционизма в педагогической антропологии
30. Педагогические выводы из теоретического анализа проблемы развития человека
31. Взаимосвязь этнологии с педагогической антропологией
32. Философская антропология и педагогическая антропология
33. Человек в древнегреческой философии
34. Три основные «сегменты»: знания о человеке, культуре, обществе
35. Предпосылки становления эволюционистских концепций в педагогической антропологии и их общая характеристика
36. Социальность и разумность человека
37. Духовность и креативность человека
38. Ребенок как человек
39. Социальные идеалы каждого народа, моральные нормы социальной регуляции
41. Создание концепции личности
42. Актуальность работы К. Д. Ушинского «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии»
44. Реализация К. Д. Ушинским целостного подхода к человеку и ребенку
46. Пространство и время развития человека
47. Дифференциация антропологического знания
48. Воспитание как специальная деятельность
49. Требования к современному воспитателю
50. Целостность и противоречивость человека

Вопросы для самостоятельного изучения

1. Сформулируйте цели и задачи педагогической антропологии.
2. Определите объект, предмет и цели педагогической антропологии.
3. Дайте современное определение понятия «человек».
4. Рассмотрите философские основы педагогической антропологии.

5. Каковы психологические основы педагогической антропологии ?
6. Система антропологических взглядов К. Д. Ушинского.
7. К. Д. Ушинский о природе человека.
8. Работа К. Д. Ушинского «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии», реализация К. Д. Ушинским целостного подхода к человеку и ребенку.
9. Основные положения культурно-антропологического функционализма Б. К. Малиновского
10. Методологические основания символической антропологии в структуре педагогической антропологии
11. Формирование теории символических форм в педагогической антропологии
12. Развитие человека как научная проблема.

Контрольная работа «Реферативный обзор главы учебника К.Д. Ушинского»

Выполните реферативный обзор двух глав учебника К.Д. Ушинского Человек как предмет воспитания. ТОМ 2

Реферативный обзор выполняется с использованием аналитической информации, публикуемой на специализированных Интернет-сайтах.

Методические указания по выполнению реферативного обзора периодических изданий

Реферативные обзоры периодических изданий представляют собой индивидуальные задания, направленные на развитие навыков самостоятельной работы студентов с периодическими изданиями.

Выполнение реферативных обзоров предполагает широкое использование периодических изданий, а также аналитических статей, опубликованных на интернет-сайтах, освещающих теоретические и практические проблемы, вопросы отечественного и зарубежного опыта в области управления качеством.

В процессе выполнения реферативного обзора раскрываются способности студентов осуществить самостоятельный поиск, анализ и обобщение периодических изданий, делать аргументированные выводы, вносить свои предложения по разрабатываемой теме. В процессе работы студент должен проявить умение пользоваться периодическими источниками, анализировать результаты, обобщать и систематизировать материалы, применяя их к конкретному излагаемому вопросу. Тема реферируемого материала должна быть раскрыта полно.

Выполнение реферативного обзора преследует развитие следующих навыков:

- ✓ самостоятельной работы с периодическими изданиями по управленческой тематике;

✓ самостоятельного подбора, систематизации и анализа конкретного материала;

✓ формулирования соответствующих выводов и предложений по определенной теме; четкого и простого письменного изложения своих мыслей, а также правильного оформления работы.

Выполнение реферативных справок позволит расширить кругозор студента в выбранной теме и более полно подобрать материал к будущей выпускной квалификационной работе.

Осуществляя выбор темы реферативного обзора, студент опирается на рекомендации кафедры по наиболее важным проблемам управления образования. Тематика реферативных справок периодически пересматривается с учетом актуальности и практической значимости исследуемых проблем для управления образовательными системами. Студент может предложить для реферативного обзора свою тему с необходимым обоснованием ее разработки.

При выборе темы реферативного обзора необходимо исходить, прежде всего, из возможности собрать необходимый для ее написания конкретный материал в периодической печати. Выбранная студентом тема согласовывается с преподавателем, ведущим семинарские занятия по предмету.

Структура и содержание реферативного обзора

Реферативный обзор на выбранную тему выполняется, как правило, по периодическим изданиям за последние 2–3 года, а также с использованием аналитической информации, публикуемой на специализированных Интернет-сайтах.

Во введении студент обосновывает актуальность выбранной темы, свое отношение к данной проблемной тематике.

По каждой статье оформляется реферативная справка по следующему плану:

1. Проблема, которую рассмотрел автор в главе.
2. Актуальность и содержание рассматриваемой проблемы.
3. Решение проблемы, предлагаемое автором главы.
4. Собственный взгляд на излагаемую проблему и возможные пути ее решения.

Объем справки по одной статье с точным указанием названия статьи и источника составляет 3 – 5 страниц. В заключительной части обзора студент дает короткое (0,5–1 страница) резюме обо всех отреферированных статьях. В приложении к обзору размещаются статьи отобранные студентов для анализа. Образец оформления титульного листа реферативного обзора представлен в ниже

В реферативном обзоре на второй странице приводится содержание работы с указанием отреферированных статей: фамилии и инициалов автора, названия работы, наименования, года и номера периодического издания.

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

а) Основная литература:

1. Антропология: Учебное пособие / И.Е. Лукьянова, В.А. Овчаренко; Под ред. Е.А. Сигиды [Электронный ресурс]. – М.: НИЦ Инфра-М, 2015. – 240 с.: 60x90 1/16. – (Высшее образование: Бакалавриат). – ISBN 978-5-16-002893-4. – Режим доступа: <http://znanium.com/catalog.php>.
2. Антропоориентированные технологии в образовательном процессе школы и вуза [Электронный ресурс]. СПб, 2002. – Режим доступа: <http://referat-lib.ru/view/referat-pedagogics/136/135303.htm>
3. Максакова В. И. Педагогическая антропология: учеб. пособие для вузов / В.И. Максакова. – М.: Академия, 2012. – 207 с. – (Высшее профессиональное образование). – Доп. Мин. обр. РФ *Кол-во экземпляров: 20*

б) Дополнительная литература:

1. Аханьев Б.Г. Человек как предмет познания. СПб., 2002.
2. Москатова А. К. Развивающее обучение: антропологические аспекты. М., 2001.
3. Профессионализм современного педагога: методика оценки уровня квалификации педагогических работников [Электронный ресурс]: монография / Под науч. ред. В. Д. Шадрикова. – М. : Логос, 2014. – 168 с. – ISBN 978-5-98704-597-8. – Режим доступа: <http://znanium.com>.
4. Тейяр де Шарден Л. Феномен человека. М.,;1987.
5. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.
6. Человек: Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. Древний мир – эпоха Просвещения. М., 1991.
7. Человек: Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии., XIX век. М., 1995.
8. Чистяхов В.В. Антрополого-методологические основы педагогики. Ярославль, 1999.

в) Программное обеспечение и Интернет-ресурсы:

1. http://pedagogical_dictionary.academic.ru
2. www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pedagog/BimBad/index.php
3. impisr.edunsk.ru/images/d/d4/Maksakov.doc

ПРИЛОЖЕНИЕ
К. Д. Ушинский «Человек как предмет воспитания».
Опыт педагогической антропологии

Том II

Содержание:

Предисловие ко второму тому

Б. Чувствования

Глава I. О чувствованиях вообще. Вступление

Глава II. Физиологическая теория чувствований

Глава III. Механическая, или математическая, теория чувствований

Глава IV. Философская теория чувствований

Глава V. Гипотеза стремлений

Глава VI. Врожденные стремления

Глава VII. Инстинктивные стремления к общественному и родовому существованию

Глава VIII. Стремление к сознательной деятельности

Глава IX. Происхождение чувствований из органических причин

Глава X. Происхождение чувствований из сознательных представлений

Глава XI. Практическое значение сердечных чувствований

Глава XII. Взаимные отношения чувствований органических и душевных

Глава XIII. Воплощение чувствований

Глава XIV. Воплощение чувствований как органическая основа нервного сочувствия

Глава XV. Воплощение чувствований и нервное сочувствие как органические основы речи

Глава XVI. Отделение чувствований от желаний и душевных чувственных состояний

Глава XVII. Переход чувствований в чувственные состояния души

Глава XVIII. Выделение душевных чувствований и их разделение

Глава XIX. Виды душевно-сердечных чувствований:

1) удовольствие и неудовольствие

Глава XX. Виды душевно-сердечных чувствований:

2) чувство влечения и отвращения

Глава XXI. Виды душевно-сердечных чувствований:

3) гнев и доброта

Глава XXII. Виды душевно-сердечных чувствований:

4) страх и смелость

Глава XXIII. Виды душевно-сердечных чувствований:

5) чувство стыда и чувство самодовольства

Глава XXIV. Виды душевных чувствований: умственно-сердечное чувство отсутствия деятельности

Глава XXV. Душевно-умственные чувствования. Виды их: 1) чувство сходства и различия

Глава XXVI. Виды душевно-умственных чувствований: 2) чувство умственного напряжения, 3) чувство ожидания

Глава XXVII. Виды умственных чувствований: 4) чувство неожиданности:

а) чувство обмана и

б) чувство удивления

Глава XXVIII. Виды душевно-умственных чувствований: 5) чувство сомнения и чувство уверенности, 6) чувство непримиримого контраста, 7) чувство успеха

Глава XXIX. Общий обзор чувствований, система их и их отношение к сознанию

В. Воля

Глава XXX. Воля. Вступление. Различные теории воли

Глава XXXI. Физическая теория телесных движений

Глава XXXII. Физиологическое объяснение произвола движений

Глава XXXIII. Механическая теория воли

Глава XXXIV. Философские теории воли как явления объективного

Глава XXXV. Объективная воля по фактам естественных наук: учение Дарвина

Глава XXXVI. Психологические выводы из теории Дарвина

Глава XXXVII. Результаты критического обзора теорий воли

Глава XXXVIII. Воля как власть души над телом

Глава XXXIX. Воля как желание: элементы желания – реальные и формальные

Глава XL. Воля как желание: выработка желаний в убеждения и решения

Глава XLI. Воля как желание; переход желаний в склонности и страсти

Глава XLII. Образование характера; состояние вопроса: четыре темперамента

Глава XLIII. Факторы в образовании характера:

а) влияние врожденного темперамента

Глава XLIV. Второй фактор в образовании характера:

б) влияние впечатлений жизни

Глава XLV. Воля как противоположность неволе: стремление к свободе

Глава XLVI. Стремление к наслаждению и стремление к счастью: классическая теория эвдемонизма

Глава XLVII. Учение эвдемонизма новое время

Глава XLVIII. Стремление к счастью: значение цели в жизни

Глава XLIX. Уклонения человеческой воли вообще

Глава L. Слабость воли и склонности, из нее происходящие

Глава LI. Заключение

Предисловие ко второму тому

В предисловии к первому тому «Антропологии» я выразил надежду поместить во втором не только анализ процессов чувствования и воли, но анализ и тех духовных особенностей, которые составляют отличительную черту психической жизни человека. Однако же эта надежда, как видит

читатель, не вполне осуществилась, и во втором томе исполнена только первая половина задачи. Это произошло отчасти от нездоровья, а отчасти оттого, что изложение явлений чувствования и воли заняло более места, чем я ожидал. Я, конечно, мог бы и не издавать в свет этого тома, пока не окончил бы всего труда, но, зная, что некоторые из педагогов уже начали пользоваться моею книгою при преподавании педагогики, я желал выдать поскорее хоть то, что готово.

Читатели, познакомившиеся уже с первым томом «Антропологии», найдут, может быть, что изложение второго не вполне соответствует первому, что в нем менее точности и определенности, но это уже зависит от самого свойства предметов и их предварительной обработки. Явления чувствования и воли, как известно всякому, кто знаком с психологической литературой, разработаны гораздо менее, чем явления сознания. Неопределенность, неясность, шаткость наблюдений, противоречие в мнениях составляют отличительную черту этих глав во всех психологических курсах. Может быть, читатель, знакомый с литературой этого отдела психологии, найдет даже, что в нашем труде он сделал некоторые успехи.

Самый способ исследования явлений и во втором томе остался прежний, ибо я признаю его единственно рациональным. Но из критических разборов, вызванных первым томом, можно было убедиться, что способ этот не вполне понят, и в этом нет ничего удивительного. В психологии так все привыкли строить теории, а не изучать факты и, отправляясь от какого-нибудь прежде установившегося мирозерцания, выдвигать вперед те психические явления, которые подходят под такое мирозерцание, упрямо отворачиваясь от других, которые могли бы его смутить, что я нисколько не удивился, что одни причисляют мои воззрения к идеалистическим, другие – к материалистическим, а третьи упрекают в противоречии самому себе. Это я предвидел и в предисловии к первому тому. Никто не захотел критиковать мой труд только на основании выставленных в нем фактов, т.е. единственном основании, на котором он может быть критикован. Видя в духе точно такую же необходимую гипотезу, сосредоточивающую мир психических явлений, как и в материи другую гипотезу, сосредоточивающую мир явлений физических, я не придаю никакого значения тому, назовут ли меня материалистом, или идеалистом. Я просто беру психические явления, всем знакомые, как результаты самонаблюдений и внутреннего опыта человека, анализирую их, группирую и если где ставлю гипотезу, то нигде не прикрываю ее.

Психология так долго находилась в зависимости от философии, что нельзя ожидать, чтобы взгляд на нее как на науку, не имеющую ничего общего с философскими умозрениями, как на науку наблюдения и опыта, установился скоро, установился не только в заглавии психологических теорий, где он давно уже заявляет себя, но и на самом деле. Я, может быть, поступил дурно, не выяснив прежде отношений моей психологии к философии, которая в настоящее время, после погрома гегелевской системы, представляет одни развалины. Но этим выяснением отношения психологии к философии мне

будет всего удобнее заняться в предисловии к третьему тому, так как в третьем томе отношение это уже само собою установится.

Теперь же скажу только мимоходом, для удаления дальнейших недоразумений, что, по моему убеждению, в настоящее время и сама философия может явиться только посредницею между психологией и науками природы. В настоящее время возможна только такая философия, которая основывала бы постройку научного мирозерцания, с одной стороны, на фактах, добытых психическим самонаблюдением, а с другой – на фактах, добытых наблюдением над внешнею для человека природою. Другой философии в настоящее время я не понимаю. Если основать философию на одних психических фактах, то выйдет самый туманный и неопределенный идеализм; если основать ее на одних известных нам фактах внешней природы, как это делает так называемая позитивная философия, то выйдет как раз столько же туманный столько же неопределенный материализм, но в обоих случаях откроется обширное поле человеческой фантазии, оценка которой возможна уже на основании правил поэзии или риторики, а не основаниях науки. Отправляясь от идеального воззрения Гегеля и от позитивной философии Конта, как бы забывшей самое существование психических явлений, мыслитель одинаково удаляется от действительного знания и попадает уже в мир фантастических построек, где величественнейшие дворцы выстраиваются очень легко и скоро именно потому, что это дворцы карточные.

Сохраняя за собою право в третьем томе выяснить отношение моей книги к различным физическим и психическим теориям, я предоставляю этот второй том здравому смыслу читателя и прошу его, не навязывая мне никаких предвзятых мирозерцаний, критиковать меня единственно с фактической стороны: верны ли те факты, из которых я делаю вывод, и соответствует ли вывод факту. Если при анализе фактов я наталкиваюсь на противоречия, которых нельзя объяснить, то стараюсь сам указать на них читателю. Я считаю это лучшим, чем прикрывать их какою-нибудь туманною гипотезою и выдавать эту гипотезу за глубокомысленный вывод. Неужели игра в гипотезы (эта игра в философские жмурки) не надоела, наконец, человеку? Не гораздо ли лучше сказать себе простое «не знаю», чем обманывать и себя, и других?

Об одном только я прошу читателя: я прошу его помнить, что психический факт, который он сознает совершающимся в самом себе, точно такой же несомненный факт, как и факт какой бы то ни было точной науки. Замечая в себе такой факт, всякий из нас может быть уверен, что он одинаково повторяется в миллионах подобных нам существ и что потому он и может быть изучаем и достоин самого внимательного изучения. Неразумное забвение самого существования огромной сферы психологических фактов влечет теперь в крайность, противоположную той, в которую еще, недавно увлекалось мышление, остановившееся на одних психических явлениях и смотревшее сквозь призму их на весь внешний мир.

В третьем томе я надеюсь поместить окончание «Антропологии» и педагогические приложения, из нее выведенные. Эти педагогические

приложения должны, по моему плану, составить сжатый учебник педагогики, но такой учебник, которого никак нельзя было бы заучивать.

Этого в особенности я хочу потому, что считаю заучивание всяких педагогических учебников не только бесполезною, но даже вредною тратой времени. Если воспитатель хорошо познакомится с законами человеческой природы, насколько они нам известны, то для него достаточно здравого рассудка, чтобы оценить ту или другую педагогическую меру, тот или другой педагогический прием, а этих мер и приемов бесчисленное множество, ибо каждый данный действительный случай непременно видоизменяет всякий прием и всякую меру.

20 марта 1869 г. К. Ушинский

К. Ушинский

Б. Чувствования

Глава I. О чувствах вообще. Вступление

Самостоятельность этого психического явления (1 – 2). – Установление термина "чувствование" (3). – Малая обработка этого отдела душевных явлений (4). – Три главные теории чувствований (5 – 6)

1. В первом томе нашей "Антропологии" мы окончили описание явлений сознательного процесса и, начав с простейших явлений ощущения, дошли последовательно до образования понятий. Но всякий из нас испытывает, что душа наша не остается равнодушною ко всем этим, ее же собственным актам, что на одни ощущения и сочетания ощущений она отвечает очень часто (если не всегда) удовольствием, радостью, любовью, желанием, а на другие – неудовольствием, печалью, гневом или отвращением. Таким образом, в душевном мире открываются нам новые, доселе нами еще не тронутые явления.

2. Что эти *внутренние волнения души* (назовем их покуда хоть так) не одно и то же с теми ощущениями, которыми они вызываются, в этом нетрудно убедиться самым простым наблюдением. Если какое-нибудь приятное ощущение прекратилось против нашей воли, то мы испытываем неудовольствие, а иногда и желание, чтобы ощущение это опять продолжалось. Ощущать нам более нечего, ибо ощущение прекратилось, и мы именно испытываем неудовольствие, потому что ощущения этого нет. Следовательно, между ощущением и тем чувством, которое вызвано в нас его прекращением, есть существенная разница. Точно так же по прекращении какого-нибудь неприятного или болезненного ощущения мы чувствуем приятное облегчение, тогда как ощущения уже собственно нет. "Мы можем легко, – как говорит Фрис, – вообразить себе существо, представления которого о вещах даже вообще не сопровождаются никаким чувством удовольствия или неудовольствия, в котором нет никакой оценки достоинства или недостатка вещей"*.

3. Несоизмеримость ощущения с сопровождающими его душевными волнениями подмечается ясно при слиянии различных волнений этого рода и тем же ощущением. Так, например, ощущение одного и того же вкуса может быть для меня сегодня приятным, а завтра неприятным, хотя при этом я ясно

сознаю, что мною испытывается один и тот же вкус. Одно и то же представление может утром меня рассмешить, вечером рассердить, сегодня возбудить во мне приятные надежды, а завтра страх или гнев. Следовательно, в обоих этих случаях ощущения и сочетание ощущений, т. е. представления, остаются неизменными, и эту их тождественность я ясно сознаю, но душа моя отзывается в разное время различно на эти тождественные ощущения и представления. Из этого мы логически можем вывести, что подобные разнообразные отзвывы души на ее же собственные ощущения и представления должны составить для нас особый класс явлений, известных под общим именем *чувств и желаний*.

4. К сожалению, слово "чувство" употребляется в нашем языке (да и не в одном нашем) безразлично как для чувств слуха, зрения, обоняния и т. д., так и для тех внутренних чувств души, которыми она отзывается на эти внешние ощущения и сочетания, из них составляемые*. Эта общность названия для психических явлений совершенно различного рода имеет только то основание, что как те, так и другие могут быть названы актами души, но тем не менее каждый из нас слишком ясно сознает различие между этими актами для того, чтобы смешать их под одним общим названием. Одни из этих актов суть прямые отзвывы души на внешние впечатления, и эти отзвывы души мы назвали ощущениями, а вторые суть уже отзвывы души на самые ощущения, и мы предлагаем, в отличие от чувств, назвать их *чувствованиями*. Слово это старинное, книжное, но для нашей цели оно уже тем хорошо, что неудобно сказать – *чувствование слуха, чувствование зрения* и т.д.**. Таким образом, слово "чувство" будет для нас общим генерическим названием как для *ощущений*, которыми душа наша отзывается на внешние впечатления, так и для *чувствований*, которыми она отзывается на собственные же ощущения. Если же чувствования мы будем иногда называть *чувствами внутренними* или *душевыми*, то не потому, чтобы мы признавали ощущение чем-то внешним для души. Мы видели, что и ощущения суть собственные акты души***. Но чувствования, если можно так выразиться, будут еще родственнее для души, чем ощущения****. В чувствованиях выражается субъективное отношение души к ощущениям, причиною которых является внешний мир, действующий на нас чрез посредство органов внешних чувств. Это отзвывы души на ее же собственные ощущения, по выражению Милля. Чувствования неотделимы от души, чем ощущения, и их-то именно человек не может сообщить другому человеку. Еще Кант заметил, что человек может сойтись с другим человеком в том, что сахар сладок, а щавель кисел, но не сойдется в том, что кислое может одному нравиться, а другому быть противно, и латинская поговорка *de gustibus non disputandum* относится именно к чувствованиям, а не к ощущениям.

** На путаницу психических терминов в подобном случае жалуются почти все психологи. Так, например, Вайтц (*Lehrbuch der Psychologie*. S. 287) сваливает на эту путаницу даже темноту психологических теорий. Это обвинение кажется нам несправедливым, ибо теория должна вносить научную систему в язык, как это делают, например, естественные науки, и не язык

виноват, если многие психологи при определении чувствований довольствуются еще темною фразою Гегеля: "Das dumpfe Weben des Geistes in sich". Определяя так психические явления, нельзя сваливать на язык темноту наших психических понятий.

**** "Говоря философски, – говорит Дж. Милль, – все ощущения суть состояния души, а не состояния тела (и потому нельзя разделять чувств на телесные и душевные). Если же ощущения (sensations) называются телесными чувствованиями, то только как такой разряд чувств, который производится непосредственно состояниями тела, тогда как другого рода чувства, мысли, например, и душевные движения (emotions) возбуждаются не непосредственно какими-либо действиями на телесные органы, но уже ощущениями или прежними мыслями" (Mill's "Logic". В. I. Ch. III. P. 51). Очень здравый взгляд, жаль только, что Милль тут же не отделил чувствований от мыслей.

5. Такая особенная *задушевность* или субъективность чувствований не допускает их полного и ясного выражения в представлениях, так что между нашими представлениями и нашими чувствованиями существует, по замечанию Гербарта, некоторая несоизмеримость и мы "в наших представлениях не можем выразить всего, что в нас происходит"*. Это отношение чувствований к нашим представлениям было, без сомнения, одною из причин того, что мы и до сих пор не имеем даже сколько-нибудь полного и систематического перечисления этих важных и характеристических душевных явлений, имеющих такое громадное значение для эстетика, юриста, политика и педагога. Даже в отношении *интеллектуальных*, или *формальных*, чувств, каковы удивление, недоумение, сомнение и т. п., наиболее удавшихся гербартовской теории, Вайтц находится вынужденным сказать, что "психология не так далеко ушла, чтобы даже перечислить их вполне"**. Декарт свою книгу "О страстях", под которыми он наиболее разумел чувствования, начинает жалобой на классических писателей древности, что они ничего не сделали для изучения столь интересного, важного и *не особенно трудного* предмета, "так как всякий может наблюдать чувствования (les passions) в самом себе"***. Но под конец своей книги сам Декарт, кажется, убедился, что это изучение не так легко, каким оно показалось ему с первого взгляда. Замечательно, что Спиноза свое изложение теории чувствований и желаний начинает такую же жалобу на Декарта****. Лучшим же доказательством трудности этого отдела психологии служит то, что, несмотря на последовательные труды многих психологов Англии и Германии, отдел чувствований и доселе остается гораздо темнее того, в котором излагается процесс сознания. Последний английский психолог Бэн приходит также в большое затруднение по поводу перечисления чувствований и вынужден даже предположить возможность чувствований до того индивидуальных, что "они никогда не могут сделаться известными всему человечеству"*****.

6. Мы не будем вдаваться здесь в подробную историю этого отдела психологии, но не можем, однако же, не указать на *три главные теории*, старающиеся, каждая с своей точки зрения, объяснить появление чувствований

в душе. Из критического разбора этих теорий возник и тот взгляд, который мы сами хотим предложить читателю, а потому этот взгляд будет понятнее, когда мы объясним его историю*. Первую из этих трех теорий мы можем назвать *физиологической*, вторую – *механической*, а третью, пожалуй, хоть *философской*. Представителями первой, *физиологической*, будут для нас Декарт, Мальбранш, с одной стороны, и Бэн – с другой. Представителями второй, т.е. *механической*, теории – Гербарт и его более или менее верные и сознательные последователи: Дробиш, Вайтц, Бенеке. Представителями *философской* теории – Спиноза, Гегель, Эрдман, Розенкранц, Шопенгауэр, в новейшее время: Фортлаге, Браубах, Фихте (младший).

* Критика уже успела упрекнуть нас в том, что мы разбираем критически различные психологические теории ("Журнал Министерства народного просвещения" за 1868 г., май, статья г. Владиславлева). Этих теорий будто бы не знают наши педагоги, а потому и не могут ими интересоваться. Мы же думаем, что не имеем права не показать нашим читателям, почему берем ту, а не другую теорию и почему, признавая во взятой нами теории одно, изменяем или отвергаем другое. К этому обязываемся мы требованиями науки и требованиями литературной честности.

Глава II. Физиологическая теория чувствований

Теория Декарта (1 – 4). – Теория Бэна (5 – 7). – Главная ошибка этой теории (8)

1. Станным может показаться, что именно Декарт, признаваемый обыкновенно родоначальником нового идеализма, совпадает в объяснении чувствований и желаний с писателями материалистического направления. Но эта странность объясняется тем, что Декарт как философ по преимуществу, как человек, привыкший жить более головою, чем сердцем, ставит идею и вообще сознательный процесс везде на первый план: видит в способности познания единственную духовную способность и назначает чувствованиям и желаниям (или, по его выражению, вообще страстям) самую подчиненную роль. Страсти, по убеждению Декарта, служат для укрепления в душе представлений, которые без этого скоро бы исчезли. Замечательно, что и Кант, этот человек, почти превратившийся в одно мышление, смотрит еще презрительнее на чувствование и страсти и видит в них почти что врагов независимости человеческой мысли*.

2. Без сомнения, замечание Декарта не лишено справедливости, и представления наши, пропитанные чувствованиями, или, по выражению Бенеке, "аффективные образы", оставляют по самой своей эффектности прочнейший след в душе, чем те, к которым мы относимся безразлично. Но мы полагаем, что человек, не увлеченный односторонностью умственной работы и знающий сам по себе, что такое *жизнь сердца*, согласится с нами, что видеть в наших горестях и радостях, в наших наслаждениях и страданиях, в гневе, любви и отчаянии только дидактические приемы для укрепления в нашей памяти тех или других представлений и идей, значит, превращать человека в

какую-то думающую машину. Если мы думаем не для того только, чтобы любить и ненавидеть, то, без сомнения, не для того же любим и ненавидим, чтобы думать. Этот сухой, бесчувственный взгляд на человека отзывается нестерпимую гордостью философа, воображающего, что он один только живет, как следует, т. е. головою. При этом случае мы должны отдать справедливость Гегелю, что он гораздо лучше, чем Кант, оценил важное значение страстей в человеческой жизни и признал, что без страсти ничего великого сделано быть не может*. Да разве сам Кант не может служить лучшим примером безграничной страсти увлечения?

3. При таком философско-аскетическом взгляде на чувствования не удивительно, что идеалист Декарт, обеспечив за идеей и разумом право духовности, не затрудняется приписать причину чувствований, желаний и страстей особенного рода невидимым *животным газам* (les esprits animaux)*, совершенно материального происхождения, так как, по мнению Декарта, они вырабатываются из пищи**, а последователь Декарта – Мальбранш прямо говорит о их выделении из крови***. По мнению Декарта, газы эти, или "некоторого рода воздух" (un certain air du vent), заключаются в полости мозга и проходят в нервах, и движениями этих-то газов производятся, поддерживаются и укрепляются страсти****. Движение нервных газов сообщается маленькой железе, находящейся внутри мозга, которая и есть местопребывание души. Таким образом, любовь, например, есть душевное движение (emotion), производимое движениями газов, возбуждающих душу стремиться к соединению с предметом, который ей кажется соответствующим, а желание есть "волнение души, производимое газами, которые располагают ее хотеть в будущем вещей, кажущихся ей приятными"*****.

***** Ошибочно было бы думать, однако, что Декарт положил основание физиологическому взгляду на чувствования и страсти. Этот взгляд существовал уже до Аристотеля. Разбирая предшествовавшие ему психологические теории, Аристотель говорит: "Одни говорят о гневе, что это есть желание прекращения страданий, а другие, что это есть кипение крови, обливающей сердце" (De anima. L. I. P. I.). Следовательно, Декарт только развил подобное же воззрение на чувствования и страсти.

4. Эти животные газы и мозговая железа как местопребывание души звучат теперь для нас несколько странно. Мы нуждаемся в более тонких выражениях. Нам трудно помириться даже с нервными токами Бэна и психофизическими движениями Фехнера, мы требуем еще более неуловимых и туманных фраз, вроде функций нервного организма и т.п. Но ведь в сущности это все одно и то же – одно и то же незнание. Декарт так же произвольно изобретает свои животные газы, как Бэн свои токи, Фехнер – свои психофизические движения, а Фогт – свои мыслительные функции мозга. Не будем же очень строги к Декарту за то, что он обманывал себя не теми фразами, которыми мы теперь себя обманываем. Древние, по свидетельству Аристотеля,

обманывали себя еще более грубыми физиологическими объяснениями чувств. Всякий век имеет свою собственную моду в пополнении пробелов в своих знаниях. Мы увидим даже, что декартовская гипотеза имеет отчасти верное основание и что если бы Гербарт и его последователи взглянули на чувствования также и с точки зрения Декарта, то избежали бы другой крайности.

5. Что для Декарта его *животные газы*, то для Бэна его *нервные токи*, разнообразными движениями которых по нервной системе он старается разъяснить различного рода душевные движения (emotions – то же, что мы называли чувствованиями) и даже прямо называет эти токи *эмоциональными токами**. Но не даром для психологии прошло два столетия после Декарта, не даром трудились над нею такие лица, как Локк, Рид, Броун и другие. Бэн видит уже невозможность объяснять движениями токов все явления чувствований; он только ставит последние в зависимость от первых, но и при этом ограничении идет гораздо далее того, чем допускают факты. Так, например, он говорит, что "органические аффекты, производимые душевными волнениями, или, по-нашему, чувствованиями и желаниями (например, сокращение и растяжение мускулов, бледность или краска в лице, отделение слюнных, потовых и других желез и т. п.), столь существенны для развития известных душевных волнений (по-нашему, чувствований и желаний), что если бы эти органические аффекты были остановлены в своем течении, то самые душевные движения непременно были бы другие"**.

6. В этом замечании Бэна есть также своя доля правды. Уже Декарт указал на то свойство душевных чувствований и желаний, что они, действуя на наш телесный организм, вызывают в нем особенное состояние, которое, в свою очередь, действуя обратно на душу, поддерживает в ней страсти, его вызвавшие. Правда и то, что, останавливая *нашею волею* отражение душевного волнения в нервах, мы уменьшаем самое волнение и не даем ему усилиться, как это заметил наблюдательный Кант. "Попросите, – говорит он, – рассердившегося человека сесть, и он уже будет менее сердиться, потому что сидя сердиться неудобно"*. Но, во-первых, это уже обратное действие чувствования, зародившегося в душе и отразившегося в особенном состоянии нервного организма, а во-вторых, есть ли хотя малейшее сомнение в том, что человек, потерявший способность плакать, не потеряет способности горевать и что паралич личного нерва (nervus facialis), после чего лицо человека делается совершенно неспособным выражать гнев, радость, презрительную насмешку или страдания, не лишит человека возможности по-прежнему же гневаться, радоваться, презирать и страдать?

7. Впрочем, что сам Бэн не придает того значения своим "токам нервной энергии", какое придает Декарт своим "животным газам", ясно уже из следующих слов. "В удовольствии, – говорит Бэн, – действуют мускулы, поднимающие бровь и расширяющие рот, – в неудовольствии сокращаются противоположные мускулы, но ничего неизвестно о том мозговом процессе, которым определяется это предпочтение. Стимулы удовольствий и страданий

идут по одним и тем же каналам чувствования, ход их распространения по сложной мозговой системе одинаково открыт для обоих, но *есть нечто*, что в одном случае определяет течение к одной специальной части, а не ко всем частям безразлично"* . Однако же это не мешает Бэну с особенною силою налегать везде на телесные проявления чувствований и часто даже указывать на них как на причину самих чувствований.

Впрочем, вообще надобно заметить о Бэне, что в первом своем сочинении (*The Senses and the Intellect*) он гораздо более материалист, чем во втором (*The Emotion and the Will*), где, например, на первой же странице встречается у него следующее выражение: "Факт или свойство, называемое чувством, совершенно отличается от всякого физического свойства материи" – или несколько далее: "Мы замечаем в живом существе большое собрание материальных качеств, но свойство, называемое чувством или сознанием, отличается от свойств материи и составляет последнее неразлагаемое проявление основу великого организма, называемого душою".

Ниже, при критике *механической* теории чувствований, мы оценим все действительное значение этих попыток объяснить душевные волнения физиологическими явлениями, но здесь укажем только на слабые стороны этого проявления.

8. Главный недостаток физиологической теории состоит в том, что, изучая чувствования как физиологические процессы, мы будем бродить в совершенной темноте, ибо если психология, по верному замечанию Д.С. Милля, мало знает о душевных явлениях, то физиология знает о них и того менее*. Что пользы в том, что мы будем разводить по нервам наши "нервные токи" или "животные газы" или опускать и подымать наши "психофизические движения", как делает Фехнер, когда мы ровно ничего не знаем ни об этих газах, ни об этих токах и движениях и когда все эти газы, токи, психофизические движения чистейшее произведение нашей фантазии? Кроме того, что бы ни открыла физиология в жизни нервов, она, как и всякая другая наука внешней для нас природы, не может открыть ничего, кроме движений, как мы показали это в первой части нашей "Антропологии"** , а между движением и психическим явлением нет ничего общего: они вполне несоизмеримы. Наконец, теория, стремящаяся объяснить чувствования и желания физиологическими процессами в организме, всегда встретит непреодолимое препятствие в тех психических фактах, которые указывают на такую зависимость наших чувствований от наших представлений, что одно и то же ощущение, идущее из внешнего мира, может в разное время породить в нас самые различные чувствования и желания. На эту-то именно зависимость наших чувствований от наших представлений весьма удачно и плодотворно для науки обратила внимание гербартовская теория чувствований, которой по ее отличительному характеру, составляющему ее силу и ее односторонность, мы придали название механической.

Глава III. Механическая, или математическая, теория чувствований

Теория Гербарта (1 – 3). – Верная сторона этой теории (4). – Ее ошибки (5 – 10). – Бенековское видоизменение теории Гербарта (11 – 14). – Объяснение происхождения желаний по Гербарту и Бенеке (15 – 17)

1. Душа, по теории Гербарта, есть только "представляющее существо", или, вернее, совершенно бесхарактерная арена, в которой борются между собою представления. Из этой борьбы представлений возникают как сознаваемость их, так и сопровождающие их чувствования и желания*. Чувствования, по теории Гербарта, не составляют чего-нибудь отдельного от представлений, и особенная способность души чувствовать и желать есть выдумка психологов. Но чувствование не есть представление, а, напротив, до того несоизмеримо с представлением, что его и выразить нельзя в форме представления, потому-то чувствования неясны**. "Так как в нас находится множество представлений в самых разнообразных соединениях, то каждое *новое восприятие* действует как возбуждение (Reiz), которым одни представления затрудняются, другие вызываются и усиливаются, текущие вереницы нарушаются или приводятся в движение, и возбуждаются различные душевные состояния. Явление это будет еще сложнее, если, как бывает обыкновенно, новое представление само по себе разнообразно, так что оно разом входит в разнообразные вереницы и дает им толчок, который приводит их в новые соотношения, затруднения или слияния"***.

2. Ту же мысль развивает еще более последователь Гербарта Вайтц, говоря: "Чувствования не могут быть отделены от представлений: где нет представлений, там нет и чувствований, и без хода представлений чувствования невозможны, а возможны только ощущения. Чувствования порождаются в нас самым ходом представлений и выражают собою характер этого хода. Одно представление вытесняет из души другое и, в свою очередь, вытесняется третьим. Это вытеснение и затруднение (сопротивление вытесняемого представления) *происходит с большею или меньшею силою*. Вот это-то взаимное давление представлений, обуславливаемое их относительною силою, а не содержанием, и выражается в чувствованиях. Представлениям, следовательно, принадлежит самое содержание, а в чувствованиях выражается только форма взаимных отношений одного представления к другим и напряженность их взаимного гнета".

3. Чтобы яснее понять гербартовскую теорию чувствований, представим себе вместе с Вайтцем*, что два представления, совершенно *равносильные*, встретились в душе: случай, по мнению Вайтца, *почти невозможный*. При такой равносильности встретившихся в душе представлений они будут взаимно парализовать силу друг друга, и ни одно из них не возникнет в сознании, или, другими словами, от такой встречи двух равносильных представлений в душе не образуется сознательного представления. (Спрашивается, между прочим, кто же будет сознавать эти несознаваемые представления и равенство их сил и что такое представление вне сознания, как метко спрашивает гербартианцев гегелист Розенкранц?) Но при этом столкновении равносильных представлений, хотя ни одно из них не возникнет к сознанию, состояние души

будет уже иное, чем то, какое было бы в ней вовсе без борьбы представлений. Так, тело, поддерживаемое другим телом, остается в покое: оно не падает, но стремление его упасть выражается в его весе. Эта-то относительная стремительность и взаимный гнет представлений, так сказать, относительный вес их выражается в различных чувствованиях. Чем сильнее будут два парализирующих друг друга представления, тем и степень чувства будет сильнее. "Ясно, – говорит Вайтц, – что в таком случае состояние души будет зависеть вовсе не от *качественного содержания* представлений, взаимно противодействующих (парализирующих друг друга) и потому несознаваемых, но от степени силы, которою обладают эти парализирующие друг друга представления". Но такая равносильность представлений – случай *почти невозможный***, так как, по теории Гербарта, представления находятся в состоянии беспрестанного понижения и возникновения (ослабления и усиления), и, кроме того, всегда возможно появление в сознании новых представлений, которые нарушат равновесие борющихся представлений или заменят их собою. Гораздо обыкновеннее то явление, что одно представление оказывается сильнее другого и, следовательно, вытесняет его из сознания. Но если при этом в душе удерживается представление, положим, с силою A , без всякого противодействия другого представления, то состояние души будет уже иное, чем то, какое она испытает, если предположить в ней представление, положим, с силою $A+d$, которое, для того чтобы удержаться в сознании, должно теснить другое представление, стремящееся войти в сознание с силою d . В обоих случаях за сознаваемым представлением останется только сила A , но состояние души в обоих случаях будет различно, и вот это-то различие и выражается в нас чувствованием (Gefuhl).

* Однако любопытно было бы знать те исключения, которые заставили сказать Вайтца *почти*. Такие исключения объяснили бы нам многое, как многое объясняют в физиологии уродливые, по-видимому, произведения природы. Мы думаем, однако, что Вайтц не мог оправдать своего *почти* психическими фактами, иначе он должен был бы признать возможность чувствования без представления, что именно отвергается гербартовской теорией.

Каждый гнет одного представления другим, – говорит Вайтц, – должен сопровождаться определенным чувствованием, сила которого измеряется силою вытесняемого представления. Так, чем более будет сила d в приведенном примере, тем заметнее будет чувствование, которым сопровождается первое представление, удерживающееся в сознании еще с силою A . Таким образом, качественное содержание того, что представляется, несколько при этом не изменится, и чувствование, совершенно независимо от качественного содержания представления, основывается только на образе и способе (Art und Weise) вступления представления в сознание и тех обстоятельствах, при которых представление действительно вступает в сознание"*.

4. В этом наблюдении над появлением чувствований в душе чрезвычайно много верного, и Гербарту первому принадлежит честь глубоко, хотя односторонне, анализировать *такое* именно появление чувствований в душе, на

которое, впрочем, обратил внимание еще Спиноза. "Различные люди, – говорит Спиноза, – могут быть различно аффектированы одним и тем же предметом, и один и тот же человек может быть различно аффектирован одним и тем же предметом в различное время"*.

В самом деле, наблюдая в себе зарождение чувства гнева, радости, печали и т.п., мы скоро убедимся, что в этих чувствованиях именно выражается отношение уже готового содержания нашей души к представлению, которое вновь вступает в наше сознание или, почему бы то ни было, вновь возникает в нашей памяти, переходя из бессознательного состояния в сознательное. Не само по себе содержание представления, а его отношение к другим, уже находящимся в нас представлениям обуславливает появление чувствования и его характер. Впоследствии мы оценим все психологическое и педагогическое значение этого зоркого наблюдения, которое вместе с наблюдением над ассоциацией представлений положило основу опытной психологии. Но теперь нам следует указать на его односторонность и на то, что Герbart и его последователи, увлекаясь этим верным, но односторонним воззрением, сделали из него выводы, каких нельзя было сделать.

5. Прежде всего мы видим, что Герbart дает душе слишком механический характер, представляя ее в виде какой-то борьбы представлений, причем степень их взаимного давления и сопротивления выражается различными чувствованиями. Все это делается как-то само собою, без участия тела, с одной стороны, и без участия души, с другой. Положим, однако, что такое представление души, как ни трудно примириться с ним живому чувству человека, возможно, но, спрашивается, имел ли право Герbart, даже при таком механическом или математическом представлении души, отрицать в ней особенную способность к чувствованиям, как это он делает? Положим, что чувствования происходят от разнообразия в силе давления одного представления другим, но все же, чтобы чувствовать это различие сил, душе нужна особенная способность. Душа должна иметь способность не только сознавать восторжествовавшее представление, но и почувствовать ту степень усилия, в которую обходится представлению эта возможность удержаться в сознании. Влагая эту способность в самое представление вместо того, чтобы вложить его в душу, мы собственно не изменяем дела и не подвигаемся ни на шаг к разъяснению происхождения этих психических явлений. Что же объяснится нам в этом происхождении, если мы примем, что не душа, а каждое представление само по себе сознает в одно и то же время свое содержание и свое механическое отношение к другим представлениям, усиливающимся войти в сознание? Самая сила давления одного представления другим зависит, конечно, не от чего-либо иного, а от того же содержания представлений. Что же выиграет наука, если вместо одной души с двумя способностями – сознания и чувствования – она поставит столько же душ, сколько представлений, и признает за представлением также две способности – способность сознавать свое собственное содержание и способность чувствовать отношение этого содержания к содержанию других представлений? Разъяснение фактов не

подвинется от этого ни на шаг вперед, и мы только вместо одной гипотезы, с которой так сроднилась наша душа, поставим другую, с которой она не может примириться, несмотря на все свои усилия.

6. Но главный недостаток гербартовской теории тот, что она не объясняет самого важного, именно того, для объяснения чего она создана: не объясняет специфического качественного различия в чувствованиях, обратив все внимание только на степень их силы. Однако же степень силы чувствования и его специфическое качество не одно и то же, и каждое из чувствований, не теряя своего специфического характера, может быть сильнее и слабее. Горе ни в каком случае не есть слабая или сильная степень радости, хотя горе и радость одинаково могут быть слабы и сильны. Признав, что душа ощущает всякое замедление или ускорение в ходе своей деятельности, его перерывчатость или его постоянство, взаимное давление представлений друг другом, мы все же не объясним себе, почему одни из этих явлений будут душе приятны, а другие неприятны, – самое *качество* чувствований останется загадкой, неразрешимую по теории Гербарта, которая, как и всякая другая математическая теория, может объяснить в явлениях только то, что есть в них количественного, а не качественного.

7. Всего очевиднее достоинства или недостатки данной гипотезы выказываются, конечно, при самом объяснении ею тех явлений, для объяснения которых она создана. Вот почему мы позволим себе, признавая всю важность гербартовской теории чувствований, анализировать самую приложимость ее к объяснениям психических явлений. Возьмем для этого, например, душевноумственное чувство ожидания – одно из "простейших и важнейших чувств", по выражению Вайтца, из которого гербартианцы выводят многие другие.

Чувство ожидания, по гербартовской теории, возникает из того, что в душе нашей уже установились вереницы каких-нибудь представлений, соответствующие рядам каких-нибудь внешних явлений, например ряду явлений природы или ряду поступков человека. Естественно, что если что-нибудь вызовет в сознании первое звено данной вереницы представлений, то оно повлечет за собою другое, за другим потянется третье и т. д., из чего само собою возникнет *чувство ожидания*. Но положим, что в ряду явлений природы, соответствовавшем вызванной веренице представлений, появится какой-нибудь *новый* член или исчезнет один из прежних, тогда появится *чувство обмана* (Tauschung)*.

Это совершенно верно, но ожидание и обман только формальные чувствования, они одинаково могут быть приятны и неприятны, полны страха или надежды, возбуждать радость или печаль, гнев или злобу. Если мы ожидаем какой-нибудь беды, то может ли быть что-нибудь приятнее обмана в этом ожидании? Вот этого-то механическая теория и не может объяснить. Она говорит: "Чувство удовлетворенного ожидания *необходимо* приятно, так как весь процесс принял такой исход, какого требовало течение представлений"*.

Но, во-первых, это положение противоречит факту: мы никак не думаем, чтобы

человек, получивший прощение под самой виселицей, очень обиделся тем, что исход течения его представлений изменился, а во-вторых, слово "необходимо" ничего само по себе не объясняет: почему же необходимо? Почему душе приятен беспрепятственный ход ее представлений и почему ей неприятны препятствия, мешающие этому ходу? Не значит ли это, другими словами, что в душе кроме представлений следует предположить *стремление* к беспрепятственной психической деятельности, стремление, не зависящее от самих представлений? Но этого-то именно и не хочется механической теории, которая поставила себе задачу "показать, как могут появиться *приятные* и *неприятные* чувства без всякого отношения к чувственным стремлениям и без каких бы то ни было прирожденных склонностей и стремлений"**. Но разве сказать "необходимо приятно" или "необходимо неприятно" значит показать, почему приятно или неприятно?

8. Возьмем другой пример приложения гербартовской теории к частным психическим явлениям. Так, теория эта вынуждена объяснять скуку утомлением*, но это объяснение ясно противоречит общему сознанию, которое готово скорее назвать скуку недостатком утомления, необходимого для спокойствия души, что опять указало бы нам на необходимость признать в душе стремление к деятельности, а этого-то и не могла допустить гербартовская теория. Точно так же мы могли бы указать на бессилие механической теории объяснить вполне чувство удивления, сомнения и т.п., если бы это не завело нас слишком далеко и если бы объяснение этих специфических чувствований не ожидало нас впереди.

9. Но если уже в объяснении таких *формальных* чувствований, каковы *ожидание, нетерпение, чувство обмана, удивление, скука* и т. п., механическая теория оказывается одностороннею, то еще более выражается эта односторонность, когда дело доходит до таких чувств, полных определенного содержания, каковы *горе, радость, страх, гнев, телесные страдания и наслаждения*. Все эти чувствования, которые именно на всех человеческих языках и называются чувствованиями, механическая теория просто вычеркивает не только из своего списка чувствований, дав им особое название *аффектов*. но даже прямо из списка *психических явлений*, отбрасывая все аффекты в область *физиологии**.

У самого Гербарта еще есть попытка психологически объяснить страдания и наслаждения*, но так как эта попытка не могла удалиться и обличала только односторонность теории, то Вайтц прямо отказывается от нее и сваливает все дело на физиологию**. И в этом случае Вайтц последовательнее своего учителя, в самом деле, чувствования телесных страданий или наслаждений нет никакой возможности вывести из борьбы представлений.

Но эта невозможность относится не к одним *телесным чувствованиям*, и напрасно механическая теория старается отделить их от *душевных*: и те и другие одинаково ощущаются душою, и если предметы душевного и телесного наслаждения различны и если этим различием условливается даже самая

прочность наслаждений, то тем не менее удовольствие все же остается одним и тем же чувством удовольствия, чем бы оно ни было вызвано.

Страдание от голода, конечно, не зависит от представлений, а напротив, часто самое течение представлений зависит от чувства пробуждающегося голода. Точно так же нередко и чувство гнева, страха или веселости вовсе не выходит из представлений, а, напротив, самими этими чувствованиями обуславливается характер представлений. Многие патологические явления (о которых подробнее мы скажем ниже) указывают прямо на возможность возбуждения в душе различного рода чувствований: гнева, страха, печали, любви – вовсе независимо от представлений, так что эти чувствования, возбужденные в душе болезненным состоянием организма (бешенством, ипохондрией и т.п.), уже сами подбирают соответствующие им представления, а не выходят из хода представлений.

10. Вот почему сторонники механической теории Гербарта – Дробиш, Вайтц и даже Бенеке (наиболее удалившийся от этой теории) вовсе выбрасывают перечисленные нами *характерные* чувствования из ряда чувствований, делают из них особый род *аффектов** и по большей части обходят их объяснение. В отделе чувствований они оставляют только именно те *умственные* чувствования, которые на общепринятом языке всего реже называются этим именем, каковы, например, чувство ожидания, сомнения, контраста, удивления и т.п. *формальные* чувствования, сопровождающие наш умственный процесс. Правда, эти психологи стараются привлечь в ту же категорию и чувство удовольствия или неудовольствия; но мы уже видели, как не удастся эта попытка Вайтцу, и увидим ниже, как не удастся она и Бенеке, хотя он и сделал уже большую уступку и если не признал стремлений, врожденных душе, то признал стремительность, врожденную его гипотетическим *первичным силам*, вырабатываемым душою.

Кроме этих формальных чувств механическая теория признает еще чувства, принадлежащие только человеку, а именно эстетические и нравственные*, но о них нам еще не время говорить.

Спрашивается: не обличается ли односторонность теории и неверность ее основной гипотезы, если она должна выбрасывать значительнейшую часть явлений, для объяснения которых призвана, а при объяснении других, как мы видели, впадать в противоречие с фактом?

11. Желая уяснить и более приложить к фактам теорию Гербарта, Бенеке должен был уже несколько отступить от нее, но так как все же он настаивал на том, что в душе нет никакой врожденной способности чувствовать и никаких врожденных стремлений, то и его теория *происхождения чувствований* также мало удовлетворительна.

Наши читатели, без сомнения, знакомы с основными понятиями бенековской теории и знают, что, по этой теории, сознание и все его явления выходят из *соединения первичных сил души* (*Urvermogen*) и *возбуждений* или внешних впечатлений (*Reize*). Из этой же гипотезы хочет вывести Бенеке *чувствования* и *желания* как разнообразия в соотношениях между *первичными*

силами и возбуждениями. Эти два необходимых фактора всякого сознательного явления могут находиться в следующих пяти различных отношениях между собой:

1) Если *возбуждение* (впечатление) так слабо, что не наполняет собою *первичной силы*, тогда рождается чувство *неудовлетворенности*, неудовольствия (Unlust). Так, например, мы получаем чувство неудовлетворенности, неудовольствия, если рассматриваем предмет, недостаточно освещенный, или слушаем звуки, слишком тихие для того, чтобы мы могли их ясно расслышать.

2) Если *возбуждение* (впечатление) как раз соответствует воспринимающей *первичной силе*, тогда мы получаем в результате не чувство, а *представление*. Так, когда мы рассматриваем предмет при достаточном освещении, то у нас рождается *ясное* о нем представление.

3) Если *первичная сила* получает обильное наполнение *возбуждением*, более, чем ей нужно, то в результате получается *чувство удовольствия*. Таково впечатление ярко освещенной бальной залы, звуков музыки и движения танцующих пар, таково впечатление, производимое на детей рождественской елкой, и т. п.

4) Если эта полнота *возбуждения* постоянно возрастает, то естественно, что, наконец, *первичная сила* должна быть *перевозбуждена* (überreizt), и мы сознаем это отношение как мало-помалу возникающее чувство пресыщения и отвращения (Überdruss, Ekel).

Так, по свидетельству Рау, пьяниц отучают от водки, подмешивая ее во все кушанья и напитки. Так, говорят, наши торговцы лакомств до рвоты кормят сладким своих маленьких приказчиков и после того считают свои лакомые товары безопасными.

5) Наконец, если случается, что чересчур обильное возбуждение внезапно наполняет *первичную силу*, то получается ощущение боли и страдания*.

12. Уже само собою видно, что это та же гербартовская теория, но менее глубокая и развитая, и настолько мельче, насколько легче для понимания, но главный недостаток ее тот же самый, как и теории Гербарта. Мы все же никак не выведем чувства из представления, а должны приписать *первичным силам* кроме способности сознания возбуждений еще способность чувствования разнообразных отношений к ним этих *возбуждений*. Хотя Бенеке не утомляется повторять, что нет никакой врожденной *способности чувствования**, но в сущности он признает ее, только приписывает не душе, а своим гипотетическим *первичным силам*, но так как эти силы вырабатываются душою же, то мы и не видим никакого выигрыша для науки признать гипотезу Бенеке. Вся разница ее с теорией Гербарта состоит только в том, что ту же способность чувствования, которую Гербарт приписывает представлениям, Бенеке приписывает *первичным силам*, главному душевному фактору представлений**.

** Первичная сила могла бы остаться совершенно равнодушною к силе или слабости возбуждения. Притом же мы ощущаем не силу или слабость

возбуждения относительно первичной силы, о которой мы ничего не знали бы без теории Бенеке, а удовольствие, страдание, страх, а в этих чувствах нет ничего общего с тем, что говорит Бенеке.

13. Что же касается до объяснения частных психических явлений, то теория Бенеке еще более гербартовской показывает свою несостоятельность. Так, по теории Бенеке, недостаточность *возбуждения* (впечатления) составляет причину неудовольствия, но разве самый слабый запах розы не приятнее для нас самого сильного запаха жженого пера? Теория говорит, что постепенное и медленное возбуждение до излишка дает нам чувство отвращения, а внезапное усиление – чувство страдания, но разве мы не испытываем страдания, опустив пальцы в холодную воду и нагревая ее медленно до степени кипения? Об этом могли бы сказать кое-что несчастные раки, которых кухарка кидает в холодную воду и ставит на плиту. По теории Бенеке обильно льющиеся возбуждения доставляют удовольствие, но разве обильно льющиеся дисгармонические звуки и дурные запахи могут доставить кому-нибудь удовольствие?

14. *Принцип сравнения*, вводимый Бенеке в процесс чувствования, также имеет много справедливого. "Под именем чувствования, – говорит Бенеке, – мы разумеем непосредственное сознание, присущее нам в каждый момент нашей бодрственной жизни, о свойстве наших психических состояний. Эти свойства (сила, возбужденность, свежесть, крепость и т.д.) мы сознаем, сравнивая между собою два или более состояния наши, одновременные или близко один за другим наступающие". Один из этих факторов процесса сравнения и именно тот, с которым сравнивается, Бенеке называет *основанием* чувствования, а другой, приравниваемый, – *чувствованием**. Действительно, сравнение не только играет важную роль в степени напряженности наших чувствований, но даже может изменить самый характер их: так, например, сравнивая свое состояние с богатством еще большим, мы можем ощущать неприятное чувство, которое изменяется, если мы подумаем о людях беднее нас. Но при этом мы вовсе не ощущаем какой-нибудь крепости, слабости или свежести соединений *первичной силы и возбуждения*, а нечто совершенно иное, специфическое.

15. Несостоятельность механической, или математической, теории выказывается еще яснее, когда она хочет объяснить происхождение желаний, не признавая никаких врожденных человеку стремлений.

Герbart прямо указывает на трудность и даже невозможность провести границы между *желанием* и *чувствованием**. Вайтц, последователь Гербарта, считает желание одним из чувствований, которое происходит вследствие того, что "удовлетворение (чего?) чем-нибудь удалено"**. Но уже из самых слов Вайтца видно, что неудовлетворенности чувствований должно предшествовать *стремление* быть удовлетворенным. Эта очевидная несообразность побудила Бенеке придать своим *первичным силам* особенную *стремительность*, которую будто бы они имеют *по самой природе своей еще до своего соединения с возбуждениями*, т.е. прежде появления сознания. Неужели же и после этого Бенеке мог сказать, что он не признает никаких врожденных стремлений и генетически объясняет все психические явления?

16. По теории Бенеке, прирожденная стремительность остается в первичной силе до тех пор, пока сила эта *досыта* не наполнится *возбуждением*, т.е. впечатлением. Соединение первичной силы и возбуждения (по миновании периода сознательности) остается в душе *следом*, находящимся вне сознания, но который может быть возбужден к сознательности. Если это след *приятного* впечатления, то он способен к двоякому воспроизведению: или как простое *воспоминание* удовольствия, или же как *желание* его повторения*. "Если воспроизводительный акт так близок к первоначальному, от которого остается след в душе, что впечатление удовольствия сохранилось во всей своей полноте, то происходит *воспоминание* удовольствия. Но по мере того как *возбуждение* отделяется и *первичная сила* становится свободною от возбуждения (*reizleer*), свойственная ей первоначальная стремительность опять выступает, но уже в измененном виде: насколько первичная сила была наполнена исчезающим (теперь) возбуждением, настолько делается она уже не *неопределенным* стремлением, готовым принять всякое возбуждение, а *определенным* желанием, стремящимся к тому возбуждению, которым первичная сила была наполнена"**. "Самая напряженность стремления определяется степенью освобождения первичной силы от возбуждения"***.

17. Не говоря уже о том, что самое основание этого происхождения желаний ложно, ибо принимает логическую бессмыслицу – *стремление ко всему*, что равняется отрицанию стремления, мы спросим только следующее: имел ли при этом Бенеке право утверждать, что его теория не нуждается в признании каких бы то ни было природных стремлений и далеко ли бенековское определение желаний отстоит от определения, делаемого Спинозой, который, как известно, всю психическую природу основывал на прирожденных (но, конечно, определенных) стремлениях? "Желание, – говорил Спиноза, – есть природное стремление, сопровождаемое сознанием (*cupiditas est appetitus cum ejusdem conscientia*)".

Но если и есть разница между определениями Бенеке и Спинозы, то все преимущество на стороне Спинозы: его определение не имеет в основании логической бессмыслицы (неопределенное стремление), как бенековское, оно, кроме того, яснее и вернее действительности, хотя и в нем недостает еще одной черты. Желание, как мы подробнее увидим ниже, есть уже произведение не двух, а трех душевных факторов: а) прирожденного определенного стремления, условливающего возможность того или другого чувствования; б) чувствования, условливаемого прирожденным стремлением; в) сознательного представления желаемого, без которого желание невозможно.

Глава IV. Философская теория чувствований

Признание врожденности стремлений (1). – Мнение Спинозы и Гегеля (2). – Необходимость признания этой гипотезы (3). – Крайности новых психологов и философов в этом отношении, в особенности Шопенгауэра (4 – 10). – Крайние мнения Фортлаге (11 – 17)

1. В последнее время многие психологи, вышедшие из школы Гербарта и Бенеке, разладили с теориями своих учителей именно за невозможность объяснить появление чувствований и желаний помимо прирожденных стремлений. И вот понятие *стремления* (Trieb), вновь поддержанное философией Шопенгауэра, стало играть в психологии первенствующую роль. Но, конечно, идея *врожденных стремлений* вовсе идея не новая. Вся философия Платона построена на врожденных человеку стремлениях. Стоическая школа защищала эту мысль в борьбе с эпикурейцами, и последователь стоиков Цицерон весьма справедливо придавал большое нравственное значение тому, выводятся ли чувствования из стремлений или, наоборот, стремления из чувствований*. Но, может быть, ни у кого идея врожденных стремлений не приняла таких обширных размеров, как у Спинозы. Он не только называл желание "сознательным стремлением", но и во всех решениях души видел "не что иное, как одно ее стремление, которое разнообразится, смотря по различию состояний тела", так что стремления тела и решения души у Спинозы одно и то же**, а само стремление есть *сущность* человека, из которой проистекают все изменения, необходимые для самосохранения этой сущности***. Но так как ум, по мнению Спинозы, есть то же самое, что и воля (Voluntas et intellectus unum et idem sunt)****, то из этого уже видно, какую всеобъемлющую и всеобъясняющую роль имело *природное стремление* (appetitus) в психологии Спинозы. Это же самое стремление, только под немецким уже названием (Trieb), легло в основу всей шопенгауэровской философии.

2. Другого взгляда на роль *стремления* нельзя и ожидать от такого философа, каков Спиноза, и от такого мирозерцания, какое выразилось в его великой философской поэме и потом легло в основание другой великой поэмы, хотя не столь художественно обработанной и уже не оригинальной, т. е. философской системы Гегеля. Кто видит в мире только всемогущеразвивающуюся идею, подобную нашим идеям, но только вполне завершенную и потому не знающую пределов и препятствий, тот, конечно, не может видеть в стремлениях, желаниях и актах человеческой воли ничего, кроме выводов из этой всеобнимающей и всевыполняющей абсолютной идеи, необходимых как математические. Психологические воззрения Гегеля были только развитием идей Спинозы, если, конечно, исключить те пошлые компромиссы, которые внушены были Гегелю его личными и практическими расчетами и за которые потому так справедливо упрекает его Гейм. Для Гегеля, как и для Спинозы, душа есть только *идея* тела, одна из ступеней развития абсолютной идеи, а при таком взгляде на душу врожденные стремления, конечно, должны решать все*. Мы уже выше неоднократно указывали на

несостоятельность онтологических попыток в психологии, но тем не менее, отвергая притязания идеализма на тождественность абсолютной идеи во вселенной и в уме философа, мы не видим, однако, надобности отвергать *единственную гипотезу*, которая может сколько-нибудь уяснить нам явления чувствований и желаний и их взаимные соотношения.

3. Однако же, принимая *гипотезу врожденных стремлений*, мы останемся верны нашему главному принципу и никогда не забудем, что это только гипотеза, призванная для объяснения психических явлений, но не могущая лечь в основу каких бы то ни было метафизических построек. Признавая врожденные стремления, мы не должны забывать, что можем узнать о существовании и характере этих стремлений только уже тогда, когда они проявятся в чувствованиях, желаниях и действиях, и не имеем права, не изменяя требованиям науки, строить на этом предположении, как бы естественно оно нам ни казалось, еще другие предположения. Гипотеза не может быть основанием научных соображений, а только ключом в своде научного здания, который придется и переменить, когда при новых материалах явится возможность поднять здание выше; основой же этого здания должны быть факты, и ничего более, кроме фактов. Насколько прирожденные стремления раскрываются нам в чувствованиях, желаниях и действиях человека, настолько мы и вправе говорить о стремлениях в такой *опытной* науке, какою должна быть психология.

4. Но не так думали те новейшие психологи Браубах, Фортлаге, Фихте-младший, которые, чувствуя необходимость воротиться к прежней гипотезе стремлений и подкрепляемые эксцентрическою философиею Шопенгауэра, положили *стремление* (Trieb) в основу целого ряда соображений и выводов, совершенно оторвавшихся от опыта и наблюдения. Мы не будем разбирать здесь теорий всех этих психологов: для этого назначается нами особое сочинение, но не можем и здесь уже не указать на односторонность, в которую может увлечь психолога философская система Шопенгауэра.

5. Главная отличительная мысль шопенгауэровской философии, резко отличающая его систему от всех прежних, состоит в том, что он отделяет *волю* от *познавания* и ставит ее на первый план, тогда как во всех прежних психологических и философских системах воля являлась только как выражение сознания и результат познавания.

Шопенгауэр думает, что "это разделение неделимой прежде личности (Я) или души на две разнородные части должно иметь для философии то же значение, какое для химии имело первое разложение воды на ее составные части". По Шопенгауэру, "вечное и неразрушимое в человеке – жизненный принцип его – есть не душа, но, употребляя опять химический термин, "радикал души", и этот радикал есть *воля*. Так называемая душа есть уже нечто сложное: соединение воли и разума"*.

Разум, по Шопенгауэру, "есть уже второстепенная *простая функция мозга*, произведение организма, и как отправление мозга условливается организмом. Воля, напротив, есть нечто первоначальное, основной принцип организма, и

сама условливает организм". "Воля есть существо само по себе (an sich), и это существо предварительно, в процессе представления (этой функции мозга), представляет себя как органическое тело. Только вследствие формы познания (или деятельности мозга), т. е. только в представлении, является для каждого его собственное тело как нечто пространственное, расчлененное, органическое в представлении, а не вне представления, не непосредственно в самосознании"*.

Таким образом, у Шопенгауэра, во-первых, воля является как нечто вполне первоначальное, как существо само по себе (als Ding an sich), во-вторых, тело является только видимостью, объективированием воли, а познание только функцией мозга.

6. Здесь не место разбирать критически мнение Шопенгауэра*, но мы заметим только, что в этой оригинальной односторонности, которая, как мы думаем, не может выдержать строгой критики, есть чрезвычайно верная и глубокая мысль, есть если не полное исправление промаха прежних германских философских систем, то по крайней мере полное обнаружение этого промаха. В самом деле, германская философия, и даже психология, до Шопенгауэра преимущественно занималась одною познавательною способностью человека, одною *головою* (принимая общенародное выражение), оставляя разбор *сердца* (тоже по общенародному выражению) почти не тронутым. Воля, стремления, внутренние чувства, страсти, инстинкты, вообще вся действующая сторона человека если и находили себе место в философских системах, то только весьма незначительное: рассматривались вскользь, поверхностно, скорее как незначительное добавление к главному предмету, т. е. познавательной способности. Шопенгауэр первый обратил внимание на это важное упущение в изучении человека. Но как всякий пропагандист новой мысли он зашел слишком далеко и не только поставил волю рядом с познавательною способностью, но отбросил последнюю в разряд телесных отправлениях**. Между взглядом Шопенгауэра на стремления и взглядом Спинозы и Гегеля мы видим только ту разницу, что у идеалистов врожденные *стремления* выходят как выводы из абсолютной идеи, отразившейся в душе человека, как необходимое следствие всемогущей разумности этой идеи, а из стремления уже возникают чувствования, желания и решения воли, кажущиеся нам свободными, тогда как Шопенгауэр перерезывает эту нить, связывающую идею и ее необходимые последствия, и кладет в основу всего само *стремление* или какую-то *бессознательную волю*, не принадлежащую никому, не порождающуюся ни из какой идеи, а, напротив, такую, которая сама порождает идеи. Эта бессознательная воля, существующая как-то самостоятельно, творит у Шопенгауэра все, а равно и у его последователей Браубаха и Фортлаге.

7. На такое понятие о воле гербартианцы обыкновенно замечают, что "хотя и есть представления без воли, но, по крайней мере в нашем сознании, нет воли без представления того, чего хочешь, ибо, чтобы хотеть, должно прежде всего знать, чего хочешь"*.

Но каким бы дельным ни казалось нам, однако же, это возражение Дробиша, которое он делает всем психологам, увлекшимся

философией Шопенгауэра, но оно много теряет своей силы, когда мы взглянем на некоторые общеизвестные факты, ясно показывающие, что стремление очень часто предшествует сознанию того, к чему человек стремится. Без сомнения, новорожденный младенец не имеет никаких представлений ни о пище, ни о еде, а между тем хочет есть**. Разве из представления о еде является желание есть? Скорее можно принять наоборот. Разве в животном, никогда не выдавшем животных того же рода, но другого пола, не пробудятся половые инстинкты? Уже Локк, несмотря на свою вражду к идее врожденности, должен был сказать, что воля прежде всего определяется "сильнейшим настоящим неудовольствием (the greatest present uneasiness)". И это была едва ли не единственная из мыслей Локка, которую вполне признали Лейбниц и потом Рид***. Та же самая мысль проводится во всей антропологии Канта. Конечно, не сознание необходимости тепла для организма, которое приходит к человеку очень поздно или вовсе не приходит, делает тепло приятным. Многие ли люди знают и теперь, почему тепло необходимо для организма? Мы прежде хотим есть, чем знаем, что такое еда, и ищем тепла прежде, чем знаем, что такое тепло. "Инстинктивными движениями, – как говорит Мюллер, – и называются именно такие, разумность которых не сознается"****. Вот почему Мюллер, признавая инстинкт столь же необходимым для животного, как и самая его организация, приписывает и самый инстинкт той же творящей силе, которая вырабатывает и организует животное. "Окончательная причина инстинкта, – говорит Мюллер, – не заключается в каком-нибудь органе, но принадлежит вполне силе организующей, действующей по необходимым законам и разумным принципам"*****.

8. Не входя, однако, здесь в разбор того, что такое инстинкт и от чего он зависит, мы видим в нем только факт, доказывающий очень сильно против гербартианцев, что стремление может предшествовать сознанию того, к чему оно направлено, и что во всяком нашем, уже сознаваемом желании лежит в основе такое бессознательное стремление. Конечно, мы привели здесь только так называемые телесные стремления, но и в телесных стремлениях есть душевные элементы. Нет, конечно, сомнения, что приятный запах производит одно движение в наших обонятельных нервах, а неприятный – другое, но здесь вопрос в том, почему одно из этих движений душе приятно, а другое – неприятно. "Причина этого, – по выражению знаменитого физика Эйлера, – лежит в природе самой души и нам неизвестна"*. То же самое, как мы увидим далее, приложимо и к чисто душевным движениям, эстетическим и нравственным.

9. Но, видя несостоятельность возражения гербартианцев, которое они выставляют принятию *стремлений* как основ чувствований и желаний, мы тем не менее не становимся вполне и на сторону шопенгауэровской философии. Принимая *стремление как необходимую гипотезу*, мы не забудем, однако, что это не более как гипотеза и предпочитаем лучше остановиться на ней, чем блуждать бесплодно в туманных сферах, куда переносится мысль, признавая *бессознательную волю* точно так же, как и признавая *абсолютную идею*.

10. Мы уже видели выше, как вредно переносить слово "идея", созданное для обозначения нашего душевного явления, на нечто вне нас лежащее, на внешнюю природу, и объяснять ее идеями, подобными нашим. Точно так же опасно и бесплодно переносить чисто психический термин "воля" во внешнюю для нас природу и объяснять какую-то бессознательную, вне нас лежащую волею даже нашу собственную волю. Мы просто не выходим из области фактов и где замечаем в психических явлениях присутствие сознательной воли, там ее и указываем, а где не замечаем, там указываем на ее отсутствие. Наша роль в этом случае очень легка, мы только описываем явления, не принимая на себя ответственности объяснять их и там, где не хватает фактов.

Чтобы понять вполне необходимость такой осторожности, мы выставим здесь, как пример того, к чему может увлечь психолога принятие шопенгауэровской системы, систему Фортлаге. Но чтобы понять систему Фортлаге, мы должны указать предварительно, как она сложилась.

11. Сам Фортлаге в предисловии в своей психологии указывает с благодарностью на Шопенгауэра, Бенеке, Дюбуа-Реймона как на людей, которым его система обязана основными идеями своими. И действительно, мы можем проследить, как развилась мысль Фортлаге под влиянием этих предшествовавших ему писателей.

Каждому из наших читателей, вероятно, известна давно уже пущенная в ход гипотеза *о силе в скрытом состоянии*. Гипотеза эта имела свое место, имеет его и теперь в естественных науках, но Бенеке первый, если мы не ошибаемся, вздумал перенести эту гипотезу в психические явления. В его *следах* сознание находится точно в таком же скрытом состоянии, в каком находится в физике теплород в воде при известных условиях. Это сознание в скрытом состоянии обнаруживается при возбуждении следа каким-нибудь новым впечатлением. Бенеке не остановила невозможность этой мысли, т. е. невозможность признать сознание в бессознательном состоянии, ибо что же другое может значить сознание в скрытом состоянии, как не *сознание* в *бессознательном* состоянии, т. е. совершенную нелепость? К этой гипотезе Бенеке, которую он проводит везде, нигде не высказывая ее с тою ясностью, которая очевидно обнаружила бы ее невозможность, само собою присоединилось потом знаменитое открытие берлинского физиолога Дюбуа-Реймона, о котором мы уже упоминали выше*. Дюбуа-Реймон показал опытами, что живые нервы в спокойном состоянии обнаруживают электричество на электрометре, а при деятельном перестают обнаруживать, следовательно, поглощают его как силу, необходимую для их работ. Это навело мечтательных психологов на мысль, что сознание есть подобная же живая сила, которая может быть в открытом и скрытом состоянии. Весьма естественно к этой мысли присоединилась и другая, а именно та, что все разнородные силы природы суть только различные формы одной и той же силы, или, лучше сказать, различные формы движения. Мы тоже упоминали об этой мысли выше. Здесь же скажем только вскользь, что мысль эта невольно подталкивала метафизирующих психологов отыскать такой же общий принцип для всех

душевных явлений, какой был отыскан (или предполагается отысканным) для всех физических явлений. И этот принцип они нашли в шопенгауэровской системе: в бессознательной и всемогущей воле, или, одним словом, в *стремлении* (Trieb).

12. Переворачивая мысль Бенеке, видевшего возможность выработки сознания из бессознательных сил природы и существования его в скрытом состоянии, Фортлаге *переносит эту гипотезу в самое сознание* и старается объяснить его как физическую силу, находящуюся в скрытом, задержанном состоянии, в состоянии стремления, напряженности, колебания, сомнения, вопроса (im fragenden Zustande).

Чтобы сделать такую гипотезу вероятной, Фортлаге как психолог начинает наблюдением над сознанием. Он показывает, что первое проявление сознания выражается в сомнении, колебании, в форме вопроса, в форме любопытства, приглядывания и прислушивания, когда оно собственно еще ничего не видит и не слышит, что потом сознание, увидев и услышав, не останавливается на том, что видит и слышит, но все спешит вперед и вперед, беспрестанно спрашивает, ищет, сомневается, и в этом будто бы выражается вся существенная деятельность сознания*.

Присутствие сознания в живом организме, по Фортлаге, мы узнаем по произвольным движениям; но как же мы узнаем произвол самых движений? Как отличаем произвольные движения от непроизвольных? Задавшись этим вопросом, Фортлаге разрешает его очень остроумно. "Произвольное движение от непроизвольного, – говорит он, – отличается возможностью ошибки, а вследствие этого сомнением, нерешительностью, колебанием в выборе. Если магнитная стрелка обращается одним концом всегда к северу, то непроизвольность этого движения мы именно выводим из того, что стрелка всегда и безошибочно обращается к северу. Произвольность же движений животного тем и отличается, что животное может ошибиться, а потому сомневается, колеблется, смотрит, слушает, ощупывает вопросительно. Как только это вопросительное состояние прекращается, так прекращается и сознание. Как только колебание превращается в решение, так и сила, проявляющаяся сознанием в своей вопросительной форме, превращается в бессознательно действующую силу, двигающую животное"*.

13. До сих пор Фортлаге не выходит из области психологии, и мы можем быть только благодарны ему, что он внес в нее новую идею, которая справедлива, если только принять в расчет ее односторонность и то, что она не объясняет всей сущности сознания, а берет одну ее сторону. Если бы мы могли наблюдать сознание только в других живых существах (что, конечно, невозможно), а не в самих себе, то не могли бы ничего прибавить к определению сознания, которое дает нам Фортлаге. Мы и могли бы узнать о сознании только как о сомнении, нерешительности и т.д., но, имея возможность наблюдать сознание в самих себе, мы видим, что оно не всегда выражается в форме вопроса или сомнения, а гораздо чаще в форме непосредственного чувства. Какое же тут сомнение, если мне больно и я чувствую боль? В выборе

средств избавиться от боли проявится уже колебание, но самое чувство боли предшествует этому колебанию.

Следовательно, теория Фортлаге в психологическом отношении односторонняя и- есть вывод из наблюдений, а не самонаблюдений. Но эта теория была ему нужна для другой цели, которая раскрывается вполне только в начале второго тома его психологии.

Там уже он прямо говорит: "Стремление (Trieb), подобно теплоте и электричеству, есть невесомое существо (imponderabiles Wesen), которое, входя в малейшие частицы массы, импульсы которых им заряжены, проявляется преходящим образом в виде определенной силы" *.

Зная же, что вся психология Фортлаге построена на *стремлении* и все психологические явления объясняются как стремления, мы поймем все значение брошенного здесь намека, что стремление, эта основа, или, лучше, сущность души, эта основа всех психических явлений, есть не что иное, как *невесомое вещество*, подобное электричеству или теплоте. Это еще тем яснее, что несколько выше Фортлаге требует в противоположность Гегелю, не признававшему стремлений в бездушной природе, чтобы в физике все невесомые агенты назывались не *силами*, а *стремлениями*.

14. Далее Фортлаге развивает свою мысль так: "Не стремление вообще дает нам знать о свойствах невесомого агента, но только стремление в незадержанном или бессознательном состоянии, тогда как стремление в возвышенном (напряженном) и в само на себя обращенном состоянии, т. е. в состоянии вопроса, есть существо, доступное только внутреннему наблюдению или внутреннему чувству. Внутреннее же наблюдение показывает нам, что стремление не перестает быть стремлением, проявляясь деятельною силою в пространственных движениях, что его специфические свойства, законы его механизма и его переходов существенно одни и те же как в сознательном, так и бессознательном состоянии". (Фортлаге не подумал о том, что это, может быть, происходит оттого, что самые невесомые агенты и теории их проявлений суть только сознания человеческой души и что самое понятие о силе взято нами из психического мира и перенесено на физический*.) "Вот почему, – говорит Фортлаге, – можно бы все невесомые жидкости физики назвать стремлениями, только имея при этом в виду, что стремление есть обширнейшее понятие, а невесомая жидкость – более тесное (т. е. невесомая жидкость есть вид, а стремление – род), или, что хотя все невесомые агенты могут быть названы стремлениями и именно стремлениями на известной специальной ступени их существования, но что не все стремления действуют как невесомые жидкости, а только те, которые находятся в бессознательном состоянии"***.

То есть, выражаясь яснее, Фортлаге хочет сказать: сознание есть невесомая жидкость, но не всякая невесомая жидкость есть сознание, а только та, которая находится в сознательном состоянии. В сознательном же состоянии находится невесомая жидкость тогда, когда она находится в скрытом, задержанном состоянии (gehemten Zustände), как теплород в воде. Следовательно, из этого выходит прямо, что вода со скрытым в ней теплородом есть сознательное

существо. Этого-то вывода и не хотелось Фортлаге. Вот почему, может быть, и он выразился здесь так темно.

15. Говоря далее о том, что импульсы невесомых деятелей переходят с одной массы на другую, не имея, однако, самостоятельного бытия без отношения к массам, Фортлаге вдруг делает такой, ни из чего не вытекающий вывод: "Если мы сделаем один шаг, то натолкнемся на такие жидкости (*fluida*), которые не только имеют способность переходить с массы на массу со своими импульсами, но также могут оставаться в колебании (*in der Schwebe zu stehen*), перейти ли им на массу *a* или на массу *b* или не переходить ни на ту, ни на другую, и в этом нерешительном колебании могут пребывать целые периоды времени, не сообщая своих импульсов ни одной из масс, около которых вертится вопрос. Такие агенты называются *стремлениями*, насколько они сообщают свои импульсы известным массам, а насколько они, не сообщая своих импульсов, остаются сами в себе замкнутыми, называются они *актами сознания и понимания*"*.

Спрашивается: почему такую простую мысль так затемнил Фортлаге? Мы думаем потому, что, обнаженная от своих ученых туманов и переведенная на простой человеческий язык, она является самой невероятной гипотезой, а между тем это любимая мысль Фортлаге.

16. Фортлаге говорит: стоит сделать один шаг, чтобы перейти от невесомой жидкости физики к невесомой жидкости сознания, и делает прыжок, в котором всякая логика сломит себе шею. Невесомые жидкости не только гипотеза, но и устаревшая гипотеза. Но и прежде никто не предполагал невесомых жидкостей существующими отдельно от тел, а только в телах в скрытом состоянии, выходя из которого они производят ощущаемые явления. Фортлаге же признает невесомую жидкость, которая может в продолжительный период времени балансировать между телами, как птица на воздухе, не решаясь, на которое из них спуститься. Кроме того, мы можем еще понять физическую гипотезу о скрытом, задержанном (*gehemten*) теплороде или электричестве именно потому, что они предполагаются скрытыми в каком-нибудь теле или задержанными этим телом, не допускающим их проявиться; но в чем же скрыт такой балансирующий между телами *флюидум*? Уж не в самом ли себе? Но ведь это невозможно. Если мы говорим, что человек может скрыться сам в себе, то это потому, что человек организм, но как же спрячется само в себя тело однообразное, состоящее из однообразных атомов? Как спрятаться железу в самого себя?

Но да не подумает читатель, что в обширном и глубоко обдуманном сочинении Фортлаге только и есть, что эта гипотеза. Правда, она составляет любимую мысль Фортлаге, красную нить его книги, но тем не менее у Фортлаге много совершенно новых и удачных психических анализов, которыми, без сомнения, воспользуется наука.

17. Мы с намерением остановились на мнениях Фортлаге, чтобы показать читателю, как опасно, приняв даже *самую необходимую, самую неизбежную гипотезу*, счесть эту гипотезу за факт и строить на ней целое мирозерцание.

Невозможно не признать в человеке *стремлений*, предшествующих появлению чувствований и желаний и обуславливающих их появление и их характер. На существование таких стремлений указывают факты, ясные, как день, и известные каждому. Разбирая теорию Гербарта и его последователей, мы показали читателю, как невозможно обойтись психологии без признания врожденных стремлений, а разбирая мнения последователей Шопенгауэра, мы показали, как опасно увлечься этою, вполне необходимою гипотезою. Вот почему мы постараемся воспользоваться теорией стремлений для группировки и объяснения душевных явлений и в то же время удержимся от всяких фантазий, в какие нас увлекла бы эта гипотеза, если бы мы придали ей значение факта.

О существовании стремлений мы можем узнать только в их проявлении, т. е. тогда только, когда стремление становится сознаваемым, а сознаваемое стремление есть уже не стремление, а чувство или желание.

Следовательно, стремление есть *гипотеза*, но *гипотеза необходимая*. Такою мы ее и признаем.

Глава V. Гипотеза стремлений

Установление понятия "стремление" (1 – 3). – Стремление на психологической почве (4 – 7). – Отношение стремлений к желаниям (8 – 9)

1. Прежде всего взглянем на то, для означения какого понятия мы употребляем слово "стремление".

Замечая, что магнитная стрелка, как бы ее ни отклоняли, предоставленная себе самой, всегда одним концом своим обращается к северу, и, не зная действительной причины такого явления, мы говорим, что магнитная стрелка имеет *стремление* обращаться одним концом своим к северу, а другим к югу. Мы называем, следовательно, стремлением не самую деятельность стрелки, но *неизвестную нам причину*, которая в данном случае заставляет магнитную стрелку двигаться, и притом двигаться так, а не иначе. Заметим при этом, что если бы мы увидели, что кто-нибудь подвинул один конец стрелки к северу, то мы не назвали бы этого стремлением. Следовательно, мы называем стремлением не только неизвестную нам причину замечаемой нами деятельности, но и притом такую причину, которую мы предполагаем в самом существе, обнаруживающем ту или другую деятельность, а не вне его.

2. Если замечаемую нами деятельность обнаруживает существо живое, то в этом случае вместо слова "стремление" мы часто употребляем другое слово – "инстинкт", но разумеем под словом "инстинкт" как раз то же самое, что разумеем и под словом "стремление", т. е. разумеем неизвестную нам причину замечаемой нами деятельности живого существа и притом причину, лежащую в самом живом существе, а не вне его. И замечательно, что если нам удастся открыть причину деятельности животного, лежащую или в его организме, или в его жизненном опыте и предполагаемом рассудке, то мы не называем уже этой причины инстинктом. Следовательно, под именем инстинкта и животного стремления мы разумеем всегда и непременно *неизвестную нам причину*

деятельности, лежащую в самом существе, обнаруживающем ту или другую деятельность. Замечая, например, что черепаха, только что вышедшая из яйца на песчаной морской отмели, тотчас же устремляется к морю, мы указываем причину такого явления в инстинкте этого животного, именно потому, что не можем предположить, чтобы черепаха, находясь еще в яйце, могла что-нибудь узнать о море и его положении, о том, что это именно тот элемент, где ей назначено жить, и о том, наконец, что на берегу ей очень опасно, так как множество птиц хотят поживиться ее мягким телом. Не имея возможности предположить таких сложных опытных знаний в черепахе, только что вышедшей из яйца, мы указываем причину ее целесообразного движения к морю во врожденном ей инстинкте, т.е., выражаясь проще, говорим, что *причина этого явления нам неизвестна*, но что причина эта, по нашей вере в причинность всех явлений*, непременно должна быть, и притом в самой черепахе, а не вне ее.

3. Это последнее качество стремлений и инстинктов, т. е. что они лежат в самом действующем существе, подало Спинозе повод выводить самое стремление из сущности существа. И действительно, между нашим понятием "сущность" и нашим понятием "стремление" нет большой разницы. Под именем сущности мы разумеем спокойную причину или совокупность спокойных причин характеристической деятельности того или другого существа. Под именем же стремления мы разумеем уже действующую причину деятельности. Так, например, мы говорим: при нагревании таких-то двух тел в них обнаруживается стремление к химическому соединению. Но и здесь мы опять же не знаем, не есть ли сама сущность та же деятельность, только скрытая от нашего наблюдения, следовательно, и не можем логически отделить понятие "сущность" от понятия "стремление". Еще Спиноза сказал, что тела отличаются одно от другого движением или покоем, быстротою или медленностью движения, а "не сущностью"*. Эта мысль гениального философа нашла себе обширное подтверждение в современном естествознании, которое также стремится доказать, что разнообразие явлений зависит от разнообразия в движениях, и успело доказать это вполне, по крайней мере в отношении теплоты и движения**.

Следовательно, стремлением мы называем неизвестную нам причину деятельности, обнаруживаемую тем или другим существом, и притом такую причину, которую мы предполагаем в самой сущности данного существа. Таково логическое происхождение идеи стремления. Эта идея, следовательно, есть субъективная, но вместе с тем логически необходимая идея, столь же необходимая, как идея сущности или идея причины.

4. Если мы перенесем наблюдение стремления в психическую сферу и станем наблюдать его в самих себе, то придем совершенно к тождественным результатам. И в себе самих мы называем стремлением неизвестную нам причину, возбуждающую в нас те или другие психические или психофизические явления. Так, например, мы не назовем стремлением или инстинктом той причины, которая заставляет нас строить дом, шить теплую

одежду, запастись хлеб на будущий год, не назовем именно потому, что мы видим причину этих наших действий в сознательной мысли об их необходимости или об их пользе для нас. Если же мы называем инстинктом или животным стремлением причину, побуждающую только что родившееся дитя искать пищи в сосцах матери и выполнять при этом очень сложный и нелегкий процесс сосания, то именно потому, что мы не можем предположить в только что родившемся ребенке ни сознательной мысли о потребности питания, ни тех знаний из физики, которые нужны для того, чтобы устроить пневматическую машину изо рта. На этом основании мы разделяем действия сознательные от действий инстинктивных.

5. Однако же если мы будем внимательно анализировать наши сознательные действия, т. е. такие, причину которых мы сознаем, то заметим, что в основе каждого такого действия, под целым рядом сознательных причин лежит всегда причина несознаваемая, бессознательное стремление, или инстинкт. Так, например, человек пашет поле и засеивает его по сознательной причине о необходимости пищи и на будущий год. Необходимость пищи он также узнал из многочисленных опытов голода, но никто, конечно, не скажет, чтобы человек испытывал голод вследствие сознания необходимости пищи для продолжения жизни. Следовательно, и в основе целой цепи сознательных причин, обуславливающих сложную деятельность земледельца, лежит причина бессознательная: инстинктивное стремление человека к пище. Наука, показывая нам необходимость возобновления тканей нашего тела для продолжения нашей жизненной деятельности, расширяет цепь сознательных причин, но много ли и теперь есть людей, которые сознают ясно, почему человеку нужно есть и пить? А все тем не менее хотят есть и пить. Точно так же многие ли сознают значение воздуха в пищевом процессе? Но между тем ни к чему, может быть, человек не стремится так жадно, как к воздуху, даже и не зная о его существовании. Стремление к пище пробуждается в младенце прежде, чем он имеет понятие не только о необходимости пищи, но даже вообще понятие о пище. Мы, конечно, не можем припомнить тогдашнего состояния нашей Души*, и в настоящее время побуждение голода немедленно пробуждает в нас представление о пище; но первое стремление не могло выразиться иначе, как, по выражению Локка, "в чувстве недостатка". Точно так же мы садим резеду, потому что она хорошо пахнет, но почему нам нравится запах резеды – это остается для нас неизвестным, и это неизвестное лежит в основе целого ряда сознательных действий наших. Даже эстетические наши наслаждения в конце концов сводятся к бессознательным стремлениям. Все люди более или менее имеют эстетическое чувство, а между тем еще никто до сих пор не определил, что такое красота в музыке, поэзии, живописи. Мы можем изучать условия красоты, т.е. возводить их в Сознание, но почему именно такое, а не другое соединение линий и красок, почему именно такое, а не другое сочетание звуков нравится нам – этого мы не знаем. Да если бы, наконец, наука и открыла нам это, то все же мы должны были бы признать, что *чувствовали* красоту прежде, чем узнали причину этого чувства.

То же самое должны мы признать и в отношении причин нашей Нравственной деятельности. Разве и теперь еще не спорят о причине нравственных стремлений человека, после того как эти нравственные стремления проявляются человечеством в продолжение многих и многих тысячелетий? То же самое относится и к стремлениям религиозным. Разве и теперь еще не появляются ежегодно теории происхождения этих стремлений, создавших тысячеобразные религиозные верования, идущие в глубь древности, далее всяких исторических исследований?

6. Следовательно, не должны ли мы признать, что в основе всякой нашей сознательной деятельности все же лежит *бессознательное стремление*? *Хочется, нравится, не хочется, не нравится* – для нас последняя причина всех наших сознательных действий. Возьмите, какое хотите, действие и, как бы оно ни казалось вам проникнуто сознанием, анализируйте его до последних пределов – и вы найдете в основе его бессознательное стремление. Положим, например, что, вникая в условия гармонического сочетания звуков, мы откроем, что эти сочетания тем более нам нравятся, чем более дают нам деятельности в сфере звуков и чем беспрепятственнее и в то же время обширнее может совершаться эта деятельность*, но и тогда причина, почему душе нравится обширная и беспрепятственная деятельность, останется для нас неизвестною, и мы опять же принуждены будем назвать эту неизвестную причину таинственным именем врожденного стремления к сознательной деятельности, ибо эта причина лежит в нас самих, а не вне нас.

7. Нетрудно убедиться, что причина того, что нам *хочется* и *нравится* и что, следовательно, составляет бессознательную основу нашей сознательной деятельности, лежит не в предмете, возбуждающем в нас приятные ощущения, а в нас самих. Мое желание есть делает мне хлеб приятным, а не хлеб пробуждает во мне чувство голода, хотя, конечно, вид хлеба очень часто может отвлечь мое внимание от других предметов и тем самым дать мне возможность почувствовать то уже существующее состояние моего организма, которое отразится в душе чувством голода. "Мы желаем вещи, – говорит Спиноза, – не потому, что она кажется нам хорошою, но потому вещь кажется нам хорошою, что мы ее желаем"* . Эту мысль следовало бы уяснить так: мы *желаем* вещи не потому, что она кажется нам хорошою, но она кажется нам хорошою вследствие бессознательного к ней *стремления*, в нас существующего. Не должно смешивать этих двух понятий: *желание* и *стремление*. Конечно, в основе каждого желания лежит бессознательное стремление, но здесь к нему присоединяется уже сознательное представление желаемого, извлеченное из многочисленных опытов удовлетворения первоначально бессознательному стремлению.

8. Все разделение нами предметов на *полезные, бесполезные* и *вредные*, на *приятные, неприятные* и *безразличные* делается нами на основании таких бессознательных стремлений нашей природы, т. е. на основании таких возникающих в нас психических состояний, причины которых скрываются вне нашего сознания.

9. Бессознательные стремления превращаются в сознательные желания не иначе, как через посредство чувствований. Бессознательное стремление к пище, называемое голодом, делает нам хлеб приятным, и после этого мы уже сознательно желаем и ищем хлеба. Следовательно, чувствование удовольствия, сопровождающего удовлетворение бессознательного стремления, превратило это бессознательное стремление в сознательное желание. Бессознательно стремимся мы к гармонии звуков и, слыша гармонические звуки, получаем удовольствие, а впоследствии уже сознательно желаем этих звуков, ибо знаем, что они доставляют нам удовольствие. Таков психический акт во всей своей простоте и точности. Стремление, чувствование и представление* – вот три психических явления, которые соединяются в сложном акте желания. Конечно, *первый член* этой цепи мы *только предполагаем*, но тем не менее предположение его для нас логически неизбежно: мы *не можем* иначе объяснить появление в нас тех или других *чувствований*, как предположив те или другие бессознательные стремления в нашей природе, а появлению в нас сознательных желаний мы также необходимо должны предпослать появление в нас чувствований, обуславливающих все наши желания и нежелания**. В *желании* уже соединяется воспоминание испытанных чувствований и представление предмета, возбудившего в нас эти чувствования.

* Незнание сложности желания и истории образования желаний ведет к самым уродливым и практически вредным предположениям. Таково, например, мнение о врожденности желаний преступления, мнение, разделяемое и знаменитым Кетле со многими другими (Sur l'homme, par Quetelet. Т. II. Paris. 1833. Р. 108).

** Придерживаясь Спинозы, Мюллер говорит: "Чувствования суть сознаваемые желания" (Manuel de Physiologie. Т. II. Р. 511). Мы же видим, что чувствование есть самостоятельный акт души, возбуждающийся в ней удовлетворением или неудовлетворением стремлений.

Глава VI. Врожденные стремления

Стремление к единичному существованию

Разделение врожденных стремлений (1 – 3)

1. Путем анализа наших чувствований и желаний мы доходим до сознания полной необходимости признать существование врожденных стремлений, хотя сами эти стремления находятся вне области сознания и мы узнаем о них только в наших чувствованиях и еще более в наших желаниях. Но мы не только узнаем о существовании стремлений вообще, но должны определить их как стремления к чему-нибудь определенному, ибо признание неопределенного стремления, стремления ко всему или, что все равно, ни к чему, вроде шопенгауэровской воли, за которою следует идея, но которой она не предшествует, противоречит самому понятию стремления, – уничтожает это понятие и рисует воображению какое-то существо, уже не понятное человеку. Наука же во всяком случае не должна выходить из области человеческого понимания.

2. Само собою разумеется, что определение стремлений, врожденных человеку, и классификацию их мы можем сделать только на основании анализа тех чувствований и в особенности желаний, в которых стремления обнаруживаются для сознания, доходя всякий раз в нашем анализе до необходимости признания того или другого врожденного стремления, без которого самое чувствование или желание было бы необъяснимо. Перечисляя самые простые и всем людям одинаково свойственные желания и притом такие, следы которых мы находим и у животных (выделяя, следовательно, желания, свойственные только человеку), и соединяя эти животные желания в отдельные группы по принципу сходства, мы найдем несколько обширных стремлений, прирожденных если не каждому одушевленному организму, то всем наиболее развитым из них.

3. К таким врожденным бессознательным стремлениям следует причислить, во-первых, стремление к *индивидуальному существованию*, куда относятся как пищевое стремление, так и все инстинкты индивидуального самосохранения; во-вторых, стремление к *общественному и родовому существованию*, куда относится и половой инстинкт; в-третьих, стремление к *сознательной деятельности*, выражаемое прежде всего тоскою бездействия. Первые два рода стремлений мы можем характеризовать названием *растительных*, ибо они выходят из потребностей растительного организма*, третий же род свойствен только существам, одаренным жизнью и потому стремящимся *жить*. Психология, основанная на началах шопенгауэровской философии, разыскивая стремления, находит их бесчисленное множество. Так Фортлаге находит стремления высшие и низшие, нервныя, кровныя, стремления репульсии, стремления к ассимиляции и многое множество других**. Но вместо того чтобы творить стремления, мы считаем лучшим изучать проявления тех, которые всем известны.

Стремление к индивидуальному существованию

Пищевые стремления (4 – 8). – Ощущение голода и страдание от голода (9). – Вкусовые ощущения (10 – 11). – Отношение чувства голода к психическим работам (12). – Ощущение недостатка сил (13). – Ощущение избытка физических сил (14 – 15). – Частности пищевого стремления (16 – 19)

4. Тело наше, как и всякий другой растительный организм, имеет потребность *питания* для развития своих органов, которое и совершается не иначе, как через уподобление телом элементов внешней для него природы. Процесс питания как в человеке, так и в растении совершается одинаково, видоизменяясь, но не изменяясь существенно*. Но в растении, по отсутствию души, процесс этот совершается, не сопровождаясь сознанием. В одушевленном же существе душа ощущает эти процессы: ощущает сперва появление потребности питания, а потом удовлетворение ее – ощущает, так сказать, начало и конец процесса.

5. Нет сомнения, что ощущение душою растительных потребностей тела и тех или других фазисов из процесса их удовлетворения совершается чрез того же посредника, чрез которого, как мы видели это выше, телесные впечатления

превращаются в душевные отпущения, т.е. через посредство нервного организма*. Это посредство необходимо следует предположить, и на него указывают многие факты анатомии и физиологии, хотя еще наука далеко не раскрыла вполне, какие изменения происходят в нервном организме, под влиянием которых душа испытывает ощущения голода, жажды иди потребности дыхания, относящиеся также к пищевому процессу.

Мы видели также выше, что в животном организме к *растительным пищевым потребностям* тела прибавляется еще одна, обуславливаемая уже особенностью животного. В животном потребность пищи является уже не только вследствие потребности развития органов и размножения, как в растении, но и вследствие того, что ткани животного организма, беспрестанно потребляемые деятельностью жизни, требуют беспрестанного же обновления, так что в животном питательный процесс по окончании роста следовало бы назвать собственно *возобновительным**.

6. Мы ощущаем голод и жажду точно так же, как ощущаем цвет, звук, свет, запах и т.п., т.е. ощущаем особенное состояние нервного организма, и поэтому мы отнесли эти ощущения к особенному разряду *общих ощущений**; здесь же нас занимают не сами эти ощущения, а *чувствования*, которыми они сопровождаются; те страдания, которыми, например, сопровождается долго неудовлетворяемый голод, и то удовольствие, которым сопровождается его удовлетворение. Почему долгое неудовлетворение голода мучительно, а удовлетворение его приятно? На эти столь простые вопросы мы и должны отвечать также просто – *не знаем*. Если бы магнитная стрелка была одарена душою, то ей, вероятно, казалось бы очень естественным стремиться одним концом к северу, а другим к югу, если бы она была одарена способностью чувствования, то весьма вероятно, что ей также казалось бы очень естественным ощущать удовольствие, когда это стремление удовлетворяется, и неудовольствие, когда удовлетворение ее стремления встречает помеху, но тем не менее это естественное было бы совершенно непонятным.

7. Мы можем только *предположить*, что душа в своем стремлении к *жизненной деятельности*, встречая недостаток в телесных силах, необходимых для этой деятельности, испытывает страдания, не сознавая причины этих страданий. Это во всяком случае спасительный голос природы, без которого жизненная деятельность скоро истощила бы силы тела и сама должна была бы остановиться; для растений не нужно этого голоса, так как у них нет жизненной деятельности. Но эта тесная связь души и тела лежит *вне нашего сознания*, и не оно в непосредственной своей форме, а только новейшая наука весьма сложными опытами и наблюдениями открывает, что ткани тела изменяются под влиянием жизненной деятельности. Не только животное, но и человек неминуемо погиб бы, если бы могли продолжать жизненную деятельность до совершенного истощения сил, даже испытывая ощущение голода, но не чувствуя побуждающей силы сопровождающих его страданий, или, если бы, например, не испытывали страданий при недостатке воздуха, который так же необходим для творения крови, как и пища.

8. Пищевое стремление с присоединением к нему и процесса дыхания обставлено множеством *рефлективных процессов*, которые также могут совершаться без всякого участия сознания, таковы: отделение слюнных желез, глотание, движение желудка, биение сердца, дыхание и др. Сложный акт кормления младенца грудью также есть сложный *рефлекс* множества органов, приходящих в движение при пробуждении стремления, для удовлетворения которого этот рефлекс назначен.

9. Ощущение голода само по себе нельзя назвать страданием, в легкой степени аппетита оно может быть даже приятным и возбуждающим чувством, особенно, если ввиду хороший обед; а напротив, отсутствие аппетита есть тяжелое и неприятное чувство. Точно так же и удовлетворение аппетита, независимо от вкуса пищи, начинает доставлять удовольствие только тогда, когда аппетит возрос до степени беспокойного ощущения; так что мы можем принять, что душа испытывает страдания при ощущении голода собственно оттого, что нормальное состояние нервной системы, необходимое для совершения жизненной деятельности, все более и более нарушается. Верно или нет это предположение, однако же несомненно то, что интенсивность чувства наслаждения питанием (независимо от вкуса пищи) находится в прямой зависимости от степени голода, который мы удовлетворяем, в таком-то смысле голод называется лучшим на свете поваром. Мы должны вынести некоторое страдание, чтобы получить наслаждение, и чем интенсивнее было страдание, тем интенсивнее и удовольствие: удовлетворяя же всякий раз только что зарождающемуся аппетиту или даже предупреждая его появление, как это часто бывает, мы вместе с тем не наслаждаемся и удовлетворением голода, хотя можем еще наслаждаться специальным вкусом пищи.

10. Различие во вкусе пищи и наше различное отношение к различным вкусам, вероятно, имеют свое основание также в питательном процессе, но основание это еще не раскрыто химиею и физиологиею. Кажется, должны быть *вкусы и запахи примитивные*, приятные или неприятные вообще для человека, по крайней мере на это намекает производство слов, общее, кажется, всем языкам, по которому понятие сладкого перенесено и на душевные удовольствия, а понятия горечи и на душевные страдания. Но всемирная гастрономия, а может быть, отчасти и человеческие идиосинкразии, часто передающиеся наследственно, так изменили примитивные вкусы, что до них теперь и добраться трудно. Горькое часто нравится гастроному так же, как и кислое, и, что считается противным у одного, народа, то составляет лакомство у другого. Здесь, кажется, присоединяется еще удовольствие чисто психической деятельности сознательного процесса, который, будучи обращен ко вкусовым ощущениям, находит удовольствие в процессе распознавания, сравнении и комбинации – своего рода вкусовой музыке; большую роль, должно быть, играет здесь также тщеславие, свойственное вообще знатокам во всех искусствах. Для нас важно только то, что и в отношении наслаждений вкуса и обоняния большая или меньшая интенсивность наслаждения покупается не иначе, как большею или меньшею интенсивностью лишений: нет такого

приятного вкуса, который не перестал бы быть приятным при постоянном удовлетворении и не приправляемый чувством удовлетворяемого города.

11. Но Аз самой переменчивости вкусовых и обонятельных удовольствий мы видим уже, что их никак нельзя поставить наряду с удовольствиями удовлетворяемого голода. Это несущественные требования природы, а потому они пробуждаются и гложут от удовлетворения и неудовлетворения. Вероятно, что если бы дитя никогда не кормить сладким, то оно не получило бы стремления к сладостям, но вероятно также и то, что сладкая пища, употребляемая постоянно, сначала потеряла бы для него всякую приятность, а потом стала бы отвратительна. Но главное дело здесь не в сладком и не в горьком, а в том, чтобы не обращать усиленной психической деятельности детей в такую узкую и неплодотворную сферу, какую представляют для сознания вкусовые ощущения.

12. Неприятность чувства голода психически объясняется тем, что душа в своем стремлении к деятельности встречает затруднение в истощенном теле. Если нервная система наша чем-нибудь сильно возбуждена, то мы долго не ощущаем самой настоятельной потребности пищи, но, наконец, потребность эта становится так интенсивна, что мы не можем уже думать, не замечая ее. Однако же когда голод достигает высокой степени, то специфические мучения его прекращаются, и появляется не остановка работы нервной системы, как следовало бы ожидать, но ее усиленная деятельность, которая ускоряет смерть организма, быстро поглощая его последние силы. Следовательно, мы никак не можем сказать, как хотят того иные, чтобы на душевную работу шел только избыток органических сил тела: напротив, при недостатке этих сил, они все идут на душевную деятельность, т. е. на ту деятельность нервов, которая, как мы видели, необходима при душевных работах. Если было бы наоборот, то при недостатке питания прежде всего прекращалась бы душевная деятельность, а мы видим, напротив, что она усиливается и мучения голода сопровождаются безумными мечтами, в которых, так сказать, сгорают последние атомы пищи*.

* Вскрытие животных, умерших голодной смертью, показало, что менее всего теряют своего весу *нервы* ("Физиологические письма" Фогта, с. 180). Но не значит ли это, что нервы питаются на счет других элементов тела? Без питания они не могли бы продолжать своей деятельности.

13. *Возобновительный процесс* в животном кроме чувства голода сопровождается еще ощущением усталости и бодрости, а эти органические ощущения сопровождаются *чувствованиями*: страданием, которое может достичь сильной интенсивности, как, например, тогда, когда человеку долго мешают спать, и удовольствием, которое всякий из нас испытывает при бодром состоянии тела. Но это обилие физических сил, если мы не даем ему исхода в деятельности, само может сделаться причиной страдания.

14. Исход этому избытку беспрестанно накаплиющихся физических сил природа прежде всего указывает в *телесных движениях*. Стремление к телесным движениям обнаруживается уже в зародышевом состоянии человека и животных, и мы отчасти согласны с Бэнном*, приписывающим причину этих

движений накоплению мозговой энергии, но думаем, что в иных случаях потребность движения прямо объясняется накоплением массы крови. Мы все испытываем очень ясно потребность движения в членах, когда они долго остаются в одном и том же положении, и при неудовлетворении этому стремлению чувство страдания может достичь высокой степени. Вот на эту-то потребность движений указывает и Гербарт**, замечая ее особенно в детях и молодых животных, или, прямее, в молодых животных организмах, у которых выработка физических сил идет очень быстро, тогда как трата их собственно на душевные процессы еще не велика. Естественно, что вместе с ослаблением процесса выработки физических сил и возрастанием деятельности душевной, все более и более поглощающей эти силы, и самая потребность телесных движений уменьшается.

15. Но это телесное стремление к движениям, выходящее из избытка физических сил, следует строго отделять от стремления к сознательной деятельности, которая может продолжаться и тогда, когда физических сил не хватает даже для правильных, нормальных отправлений растительного организма, так что сознательная деятельность, продолжая совершаться, совершается в ущерб телесному организму, истребляя те силы, которые нужны для его питания*.

16. К этим же пищевым стремлениям, возникающим из потребности растительного и возобновительного процессов, следует, конечно, отнести и потребность влаги, или *жажду*, потребность воздуха, необходимого в кровотоке, равно как и потребность определенной температуры, которая сказывается в удовольствии, ощущаемом нами при тепле и прохладе, и в неудовольствии, которое ощущаем мы при холоде или жаре. Мы стремимся к теплу или прохладе не потому, чтобы (как того хочет Бэн) испытали уже удовольствие того и другого, но потому, что испытываем страдания, когда температура переходит определенный предел.

17. Достаточно ли этих указаний природы для того, чтобы возобновительный процесс мог беспрепятственно совершаться, – этого мы не беремся решить. Гегель считает стремление непогрешимым; но это Антологическое предположение, которого нельзя оправдать фактами. Что называется непогрешимым в отношении внешней для нас природы, этого мы не можем знать, что же касается до непогрешительности этого голоса природы в отношении сохранения и обеспечения нашей жизни, то есть поводы сомневаться в такой непогрешимости. Действительно, у иных животных этот голос природы очень верен, но в человеке мы замечаем иногда такие стремления, удовлетворение которых прямо вредно организму. Так, дети слабогрудые любят чрезмерно усиленные крики и движения, которые для них положительно вредны; так, золотушные любят все мучнистое, а также и все острое, что тоже для них вредно. Стремится ли при этом природа к разрушению собственного своего дела или это есть уже извращение, вносимое в организм болезнью, – для разрешения подобных онтологических вопросов мы не имеем никаких данных. 18. Пищевые стремления иногда обставлены у животных

поразительными инстинктами, которых у человека замечается гораздо менее. Следует ли видеть в этом расчет создания, имеющий в виду умственные способности человека, или, может быть, самое пользование человека своими умственными способностями мало-помалу заглушило в нем природные инстинкты, – этого мы также решить не беремся по недостатку данных. Заметим только, что обоняние, а может быть, у низших животных и осязание играют очень важную роль в пищевых инстинктах. Обоняние, так близко граничащее со вкусом и осязанием, что деятельность их часто и различить невозможно*, есть само по себе уже удовлетворение пищевого стремления, но удовлетворение такое ничтожное, что оно может служить только указанием, что данная пища может утолить голод, уже мучающий животное. Обонянием животное приводится к опытам удовлетворения голода тою или другою пищею, а опыт, сопровождающийся приятным чувством удовлетворения, сделавшись определенным представлением, превращает бессознательное *стремление* к пище в определенное *желание* той или другой пищи.

19. В область этого же стремления, к индивидуальному существованию мы должны отнести и те инстинкты *самосохранения*, или, вернее, *самозащиты*, которых много замечается у разных животных, но которые едва ли есть у человека. По крайней мере, наблюдая над детьми, мы замечаем, что средства самозащиты приобретаются у них опытом: вследствие опытов узнает ребенок, что огонь жжется и что упасть больно. Может быть, при более внимательном наблюдении и можно было бы заметить, что и у дитяти есть некоторые врожденные приемы самозащиты; но это не имеет для нашей цели никакого важного значения.

Глава VII. Инстинктивные стремления к общественному и родовому существованию

Это врожденное стремление, или инстинкт (1). – Стремление к общестоенности в животных и растениях (2 – 4). – Половые стремления – только вид стремлений общественных (5 – 6). – Любовь к детям как вид общественного стремления (7 – 9). – Общественные стремления как стремления органические (10 – 12). – Отличие общественных стремлений у человека (13). – Явления, вытекающие из стремления к общественности (14). – Потребность ласки и любви (15)

1. Как бы ни казалось нам разумным стремление к общественности в человеке и сколько бы потом человек ни вносил в это стремление ясного расчета тех польз, которые извлекает он из общественной жизни, но, взглядевшись внимательно в факты, мы должны признать, что в основе этого стремления к обществу лежит природный инстинкт, действующий в человеке прежде, чем становятся в нем возможными эгоистические расчеты. Это тем более очевидно, что тот же инстинкт общественности действует и в животных, у которых мы не можем предполагать такого обширного развития рассудка, какое нужно было бы, чтобы понять пользу общественной жизни.

2. Аристотель, кажется, первый назвал человека *животным общественным*, а за ним многие писатели повторяли эту фразу. Не отвергая, конечно, стремления к общественности в человеке, мы должны, однако, заметить, что это стремление вовсе не есть исключительная принадлежность человека. Не только человек, но и многие животные живут обществами, а некоторые – такими обществами, обширность и сложное устройство которых невольно поражают самого человека, таковы общества муравьев, пчел и других насекомых, некоторых пород рыб, птиц и, наконец, некоторых четвероногих животных и в особенности из породы грызунов. Следовательно, предполагая в человеке инстинктивное стремление к общественности, мы не можем не видеть такого же стремления и в животных.

3. Уже в первой части нашей антропологии, рассматривая организмы, мы нашли два рода их: организмы *единичные* и организмы *общественные**. Мы нашли также, что организмы общественные такие же самостоятельные явления природы, как и организмы единичные, и что происхождение как тех, так и других одинаково неизвестно и что организмы общественные тем отличаются от организмов единичных, что, тогда как в последних члены организма связаны материально, в первых, т. е. в общественных, они связаны между собою не материальной связью, но условиями жизни и развития. Мы нашли, кроме того, что существование общественных организмов можно уже заметить в царстве растений, в тех *двудомных* растениях, которые, не будучи связаны между собою материально, тем не менее необходимы друг для друга, так что родовое их существование обуславливается соседством двух экземпляров разного пола и тем, что ветер или насекомые переносят плодотворную пыль с *тычинок* одного экземпляра на *плоднички* другого. К этому же разряду явлений мы причислили явления семьи, рода, племен и рас – явления, общие человеку, животным и растениям.

4. Эта *потребность общественности*, существующая и в растениях, и в животных, не чувствуется в первых по отсутствию в них чувствующей души и чувствуется во вторых, точно так же, как потребность пищи и питья, существующая и в растениях, только в животных превращается в голод и жажду, т. е. начинает ощущаться. Следовательно, мы признаем, что инстинкт общественности есть только ощущение душою растительных потребностей тела. К потребностям же растительного организма мы причислили не только существование и развитие организмов единичных, но и их родовое и общественное существование, о чем заботится та же природа.

5. Обыкновенно стремление к родовому существованию видят только в одном, так называемом половом побуждении, но это несправедливо. Конечно, половое побуждение и половые инстинкты самым очевидным образом способствуют к родовому продолжению существования, но не одни они. Соединение животных в обширные и стройные общества никак нельзя приписать одним половым побуждениям, из которых также никак нельзя вывести и забот родителей о своем потомстве. *Бесполая*, рабочая пчела может служить лучшим доказательством этого. Она уничтожает трутня, после того как

оплодотворение матки совершилось, и заботится о черве, т.е. *потомстве*, *вовсе* не из половых побуждений. То же самое замечаем мы у муравьев и многих других насекомых. Половые побуждения развиваются в известный период возраста и проходят вместе с ним, тогда как инстинкт общественности выказывается гораздо прежде появления половых побуждений и переживает их. Домашние животные ищут ласки и ласкаются сами даже к животным другой породы и к человеку гораздо прежде развития половых побуждений, напротив, с развитием этих побуждений многие животные ищут уединения. Птицы перед полетом собираются в стаи *вовсе* не из половых побуждений; напротив, многие из них разлетаются в разные стороны, когда начинают строить гнезда. Эти и многие другие факты того же рода могут убедить всякого, что инстинкт общественности гораздо обширнее полового инстинкта и что половой инстинкт есть только один из видов инстинкта общественности.

6. Вот чем объясняется ошибка тех писателей, которые, как, например, Бэн*, самую нежность отношений между родителями и детьми, а следовательно и между родичами, объясняют половыми инстинктами, что совершенно отвергается фактами. Бэн, например, выводит материнскую любовь из *нежных чувствований* (*tender emotions*) и объясняет их нежностью кожи ребенка, его округленными формами, его светлыми глазками, следовательно, прямо выводит материнскую любовь к дитяти из половых инстинктов: как будто мать менее любит свое больное дитя, худое, покрытое золотухой, слепое и уродливое для всех, кроме матери? Правда, Бэн потом смягчает эту мысль, говоря, что материнское чувство *возрастает* вместе с накоплением забот о дитяти, которое становится тем дороже для матери, чем более забот она к нему приложила. Эта последняя мысль совершенно справедлива, но здесь дело не в том, чтобы объяснить, как и почему *возрастает* и развивается материнское чувство в женщине, но в том, чтобы показать, как оно *зарождается* вообще в живом существе. Прежде чем мать станет заботиться о ребенке, она уже чувствует потребность этих забот, а в том-то и дело, чтобы объяснить появление этой потребности.

7. Многие животные заботятся о своих детях прежде их появления на свет, заботятся даже и тогда, когда никогда их не увидят. Следовательно, выводить материнское чувство из предмета этого чувства невозможно. Оно выходит из состояния самого организма, точно так же, как чувство голода или жажды, и если мы не можем объяснить себе появление первого, то нечего удивляться, что не можем объяснить себе и появление последнего. Наше дело состоит только в том, чтобы заметить факт, отделить в нем посторонние примеси и дать ему надлежащее место в ряду других подобных же фактов. Так, разбирая явление инстинктивной материнской любви в женщине, мы, руководствуясь одними фактами, а не предвзятыми теориями, не смешаем ее, с одной стороны, с половыми инстинктами, а с другой – уже с чисто человеческой любовью, не свойственной животным.

8. В материнской любви есть только одно общее с половыми инстинктами, а именно то, что как материнская любовь, так и половые инстинкты выходят из

органической потребности общности, которая ощущается душою в различных формах: и в форме стремления различных полов друг к другу, и в форме материнской любви, и в форме стремления к товариществу, и в форме сближения существ одного рода без различия пола, и в форме потребности ласк. Что же касается до отличия инстинктивной материнской любви, общей всему живущему, от материнской любви женщины, то это различие заключается в том, что, тогда как инстинктивная любовь прекращается вместе с прекращением тех органических состояний, из которых она вышла, материнская, чисто человеческая любовь не знает себе предела.

Самая ласковая собачка начинает ворчать и огрызаться на своего любимого хозяина в ту минуту, как у нее завелся детеныш. Она еще даже не видала его, а уже любит, ибо в этом случае гнев есть только выражение любви. Но как только окончится период кормления, собака уже не знает своего дитяти. Здесь мы ясно видим возникновение материнской любви из органических состояний, с началом которых привязанность начинается, с окончанием которых она прекращается. Если бы привязанность эта была следствием забот матери о своем детеныше, то тогда такое ее появление и прекращение были бы необъяснимы. У матери человека есть, без сомнения, и эта инстинктивная привязанность; но в ней есть и другая, чисто человеческая основа, основа, чуждая животному миру.

9. Находя, что в материнской любви кроме стороны чисто человеческой, объясняемой только душевными потребностями, есть еще и инстинктивная сторона, выходящая из органической потребности, мы несколько не унижаем этой любви, а, напротив, придаем ей самое обширное, мировое значение. Голос телесной природы есть также голос творца ее, и слепой разве может не видеть, как громко говорит этот божественный голос в природе женщины, как только она станет матерью. "Как часто можно видеть, – говорит Рид, – что молодая женщина в самый веселый период своей жизни, когда она без всяких забот проводила свои дни в удовольствиях, а ночи в глубоком сне, вдруг преобразуется в заботливую, попечительную, бессонную кормилицу своего дорогого дитяти, которая проводит свой день только в том, что смотрит на свое дитя и заботится о малейших его потребностях, а по ночам сама себя лишает сна на целые месяцы, только для того, чтобы оно могло покоиться безопасно на ее руках. Забывая сама себя, она сосредоточивает все свои заботы на этом маленьком существе. Если бы мы не видели ежедневно такого внезапного превращения привычек, занятий и самого направления ума в женщине, то оно показалось бы нам более удивительным, чем любая из метаморфоз, рассказанных Овидием"*. Но невозможно не видеть, что эта удивительная метаморфоза совершается слишком внезапно и быстро, чтобы объяснять ее *заботами* матери о ребенке, и что именно происхождение самих этих забот может найти себе объяснение только в органических переменах, в которых громко заявляет свои требования голос природы. Нельзя же объяснить этой внезапной перемены заботами души, когда именно мы замечаем крутую

перемену в направлении самих этих забот, нисколько не объясняемую заботами предшествующими.

10. Вот причины, побудившие нас, рядом с пищевыми стремлениями, ощущаемыми душою как состояния нервного организма, поставить и стремление к общественности как такое же отражение в душе органических состояний" Первое стремление со всеми своими формами – голодом, жаждою, потребностью дыхания, стремлениями к определенной температуре, к свету, со всеми инстинктами самосохранения, – очевидно, назначено природою к сохранению и развитию *единичного* организма, как растительного, так и животного, с тою только разницею, что в растении эти стремления не чувствуются, а в животном душа ощущает потребность удовлетворить их. Второе стремление – *стремление к общественности*, выходя из тех же органических состояний, из которых выходят все инстинкты, очевидно, назначено природою для сохранения и развития родового и общественного существования организмов. Если половые отношения необходимы для продолжения рода организма, то и те общественные, которые не обуславливаются половыми, необходимы для того же. Пчела не может иначе жить, как в рое, но как начался рой – это нам одинаково неизвестно, как и то, как начался организм. Само собою разумеется, что, говоря здесь о том, что эти стремления *назначены* для продолжения единичного общественного и родового существования организмов, мы только свидетельствуем факт, нисколько не олицетворяя природы, т. е., другими словами, мы говорим *только*, что этими инстинктами действительно обеспечивается родовое и общественное существование организмов.

11. Удовлетворяя пищевым потребностям и потребностям общественности, животное ощущает эти потребности не как потребности природы, для него внешней, но как свои собственные потребности, значения которых в общем хозяйстве природы оно вовсе не понимает. Животное ищет пищи не для того, чтобы продолжать свое существование, а потому, что ему хочется есть, бабочка устраивает судьбу своего будущего потомства, которого она никогда не увидит, конечно, не для того, чтобы сохранить для энтомологии известный вид бабочки, а потому, что чувствует непреодолимую потребность поступать так, а не иначе. Человек как животное и настолько, насколько он животное, также подчиняется голосу природы, не сознавая мирового значения этого голоса. Удовлетворяя своим пищевым и общественным инстинктам, человек как животное просто удовлетворяет им только потому, что чувствует потребность удовлетворить им в их разнообразной форме.

12. Отсюда уже видна вся несостоятельность перед фактами тех теорий, которые видят в обществе только произвольное учреждение человека, устроенное по эгоистическим расчетам рассудка, и которые предполагают в основе общества или какой-то социальный контракт, как предполагает Руссо, или какую-то предварительную войну всех против каждого и каждого противу всех, как предполагает Гоббес. Мы же видим, что если бы человек и не обладал теми духовными особенностями, которые делают его человеком, то все же он

жил бы, как и многие другие животные, в обществах и обществами. Какого рода были бы эти общества, мы не знаем: человеческие особенности немедленно же начинают видоизменять природные инстинкты, и ни путешествия, ни история не представляют нам человека в таком виде, в каком он должен бы быть, если бы руководствовался только своими животными инстинктами, не видоизменяя их своими духовными, чисто человеческими особенностями. Человек везде является для нас уже человеком, а не животным, но это тем не менее не должно нам мешать отличать в человеке то, что общее ему с животным, от того, что составляет его человеческую особенность. Как бы ни был видоизменен и развит животный инстинкт особенностями человеческой природы, но мы имеем всегда возможность доискаться первичных основ этого инстинкта, или, другими словами, как бы ни казалось нам разумно или рассудочно то или другое явление человеческой жизни, мы должны всегда попробовать, не доищемся ли в основании этого разумного явления какого-нибудь неразумного инстинкта. Для таких анализов служат нам превосходным средством факты из жизни животных. В каком бы диком состоянии мы ни брали человека, у нас всегда может оставаться подозрение, что факты, представляемые его жизнью, уже не первичные факты, что в них уже много изменено человеческою особенностью, но, когда мы находим те же самые факты в жизни животных, даже самых низших пород, тогда у нас не остается сомнения, что эти общие факты принадлежат и в человеке его животной природе.

13. Но тогда как животное не сознает мирового значения тех инстинктов, которым оно удовлетворяет, человек мало-помалу достигает до этого сознания и, удовлетворяя своим инстинктивным стремлениям, более или менее понимает, какое значение в жизни мира имеют факты, вытекающие из этого удовлетворения. Человек, руководимый инстинктом, создает общество, но потом, сознавая пользу общества для себя и его необходимость для всех людей, живущих и будущих, видоизменяет это общество сообразно своему пониманию, видоизменяет до того, что с первого раза кажется даже странным приписать основу этой чисто рассудочной работы слепому инстинкту; но тем не менее психолог не должен останавливаться перед этою странностью и должен анализом отличить, что в сложных общественных явлениях принадлежит самознанию человека и что – его животному инстинкту.

14. Из инстинктивного стремления к общественности выходит множество явлений, из которых мы перечислим только самые крупные. Из него выходит: 1) половое стремление, которое, в свою очередь, обставлено у многих животных изумительнейшими инстинктами; 2) из стремления к общественности вытекает и чувство родительской нежности и побудительная причина всех тех забот родителей о детях и дальнейшем потомстве, которые поражают нас, особенно в царстве насекомых, где менее всего можно предполагать рассудочного развития; 3) из стремления же к общественности вытекают те явления товарищества, или, лучше сказать, ассоциаций, которые во множестве представляет нам мир животных; 4) из этого же стремления к

общественности вытекает та потребность ласки, которую мы замечаем не только у человека, где она сильно развита, но и у многих животных и которая иначе не могла быть объяснена.

15. Потребность ласки и любви не вытекает из предмета любви, но есть органическая потребность человека, проявляющаяся и у многих животных. Это едва ли не самое высшее проявление животной жизни, которое, как мы увидим дальше, принимает в человеке совершенно духовную форму. Но как бы ни казалась духовна потребность, чтобы нас любили, она тем не менее в глубочайшей основе своей имеет органический инстинкт. Это великий голос природы, говорящий всякому живому существу, что оно есть только часть мира и что его бытие и благоденствие обуславливаются целым миром. Животное безотчетно повинуетя этому голосу, безотчетно повинуетя ему и человек. Но, изучая мир, изучая собственную историю свою, человек понимает, наконец, все великое и глубокое значение этого голоса природы, сознает себя действительно только органом мировой жизни и, освещая темный инстинкт светом идеи, ищет благоденствия не только других людей, но и целого мира. Конечно, мы можем раскрыть это преобразование только тогда, когда будем излагать явления самосознания и следить за тем, как человеческая особенность преобразовывает в человеке все животные инстинкты, как она превращает в разумную идею все те потребности растительных организмов, которые сказываются в животном инстинктивными стремлениями удовлетворять своим пищевым и общественным потребностям, самой потребности которых оно не знает, но настоятельность которых оно *чувствует*. Человек, как и животное, повинуетя в этом случае только голосу природы, но тогда как для животных этот голос только понудительные звуки, для человека по мере его развития голос этот превращается в понятное слово, а вместе с тем и закон необходимости превращается в закон разумный, выполняемый потому, что он разумен, а не потому только, что ему нельзя не повиноваться.

Глава VIII. Стремление к сознательной деятельности

Стремление к сознательной деятельности (1 – 5). – Его обнаружения у человека (6 – 14). – Отношение к нему психологов (15 – 18). – Стремление к деятельности и стремление к наслаждению, их источники (19 – 22)

1. Все стремления, перечисленные нами в предшествующей главе, составляют в сущности одно стремление – *стремление быть*, стремление к *существованию* и расширению этого существования в пространстве и времени, т.е. к разрождению и продолжению в потомстве. Это, как мы уже видели, есть характеристическая черта *растительного организма**, который общ и растению и животному, ибо и животное прежде всего есть растение, растущее, развивающееся и размножающееся. Но тогда как в растении эти органические потребности не ощущаются, в животном они ощущаются как органические стремления, хотя не в форме стремлений, но в чувствованиях и желаниях, происходящих из органических стремлений растительной природы.

Эти *органические стремления* прежде всего выражаются чувством недостатка или страдания, потом чувством удовлетворения, удовольствия, наконец в форме определенных желаний, в которых уже есть представление желаемого.

2. Наряду с этим органическим стремлением *быть*, принадлежащим бездушной природе, хотя и ощущаемым душою, мы замечаем другое стремление – стремление, идущее как бы вразрез с первым, – *стремление жить*, общее всему *живущему*, т.е. всему чувствующему миру.

Это стремление удовлетворяется на счет сил, добытых растительными процессами, так что силы, заготавливаемые растительными процессами, идут не на один рост и размножение, но поглощаются частью животными процессами, или, просто, процессами жизни, ибо жить значит не что иное, как чувствовать, мыслить и действовать.

Живая душа в этом своем отношении к растительным процессам организма представляется, по выражению Гербарта, "паразитом, живущим на счет тела"*.

3. Стремление растительного организма к развитию единичного существования, к расширению его в пространстве и к продолжению во времени сказывается в душе *общими* ощущениями голода, жажды, потребности отдыха и движения и, наконец, в форме общественных, и в частности половых, стремлений. Значение этого голоса растительной природы недоступно непосредственному сознанию человека, хотя человек и повинуетя этому голосу: человек хочет есть и пить вовсе не для того, чтобы продолжать свое существование, но потому, что ему хочется есть и пить; он отдыхает не потому, чтобы сознавал потребность отдыха для здорового существования тела, но потому, что ощущает страдание от ненормального состояния, в которое впадает нервный организм при чрезмерном истощении; точно так же ищет человек и половых сближений, нисколько не думая о продолжении своего рода, и основывает первые общества, нисколько не рассчитывая пользы общественной жизни, а только повинуюсь голосу своего растительного организма. Душа повинуетя этому голосу не потому, чтобы *понимала* его смысл, – хотя и может понять его впоследствии, – но; потому, что испытывает страдания, сопряженные с неповиновением ему. Мы видим даже, что душа развитая, полная уже *своих* собственных *душевных* интересов, может не повиноваться голосу растительной природы: может заставить тело работать до совершенного истощения сил, может совершенно подавить половые стремления, может даже отказать телу в пище и, увлекаемая какою-нибудь страстной идеею, довести истощение тела до голодной смерти. "Кто может умереть, того нельзя ни к чему принудить", – говорил римлянин, и это выражение справедливо не только в отношении человека к другим людям, но и в отношениях человека к самой природе. Человек может и противиться ее могучему требованию бытия, и разрушить ее расчеты на силу ее телесных стремлений.

4. Стремление *жить* или стремление к сознательной деятельности, т.е. стремление мыслить, чувствовать, действовать, свойственно, кажется, не одному человеку.

Мы видим, что и животное, по удовлетворении всех своих телесных потребностей, не остается спокойным: оно доступно скуке, любит играть, резвиться, петь, проявлять явные признаки любопытства, ищет ласки.

Чем выше порода животного, тем проявления потребности сознательной деятельности заметнее. Собака пренебрегает даже удовлетворением телесных потребностей, потребностями пищи и отдыха ради психических наслаждений или для избежания психических страданий. Потеряв любимого господина, собака, видимо, страдает психически, отказывается от самого лакомого куса и иногда даже умирает от тоски и голода. Лошади способны к такой же привязанности. Лев в Jardin des plantes в Париже тосковал и отказывался от пищи, когда издохла маленькая собачка, с которой он сидел в одной клетке.

5. Если в низших породах животных мы менее замечаем потребностей психической деятельности, то, может быть, потому, что их психический мир слишком замкнут для нас, а может быть, и потому, что им слишком много сознательной работы дают уже одни стремления, возникающие из растительных процессов: бабочка всю свою недолгую жизнь употребляет на то, чтобы обеспечить вывод и развитие своего будущего потомства, которого она никогда не увидит, и обезопасить его от тех случайностей, которых она и знать не может. Даже у человека, как справедливо замечает Бокль*, мы видим прогрессивное возрастание чисто психических интересов, по мере того как удовлетворение его телесных потребностей становится для него легче и поглощает менее его деятельность. Наука и искусства возникают тогда, когда накопление капиталов и изобретение орудий значительно уже облегчают сознательный труд человека к удовлетворению потребностей его телесной жизни. И в индивидуальном человеке мы замечаем то же самое. Человек, который с утра до вечера и всю жизнь свою бьется из-за куса насущного хлеба, плохо развивается, но плохо развивается также и тот человек, чья психическая потребность деятельности найдет себе обильное удовлетворение в телесных наслаждениях и, неразвитая вовремя, привыкнет к узким пределам этой сферы.

Явление это весьма понятно. Душа требует сознательной деятельности безразлично, откуда бы ни шла ее задача. Если задачи этой деятельности даются телом и его естественными или искусственно созданными потребностями и даются в таком обилии, что душа едва успевает удовлетворять им, то психическое стремление удовлетворено, хотя иногда самым жалким образом, но удовлетворено.

6. Но едва ли есть страшнее наказание для человека, как удовлетворив всем его физическим потребностям, в то же время лишить его *по возможности* всякой психической деятельности, полное лишение которой, к счастью, невозможно. Едва ли может быть наказание тяжелее одиночного заключения и без работы, в американской тюрьме, чистой, теплой, при столе, вовсе не

скудном. Вол, поставленный в такое положение, будет еще жиреть, но человек вскоре приходит в совершенное отчаяние и впадает в безумие, если не найдет в самом себе источника душевной деятельности.

7. Еще более мы оценим, какое основное значение имеет для души человека потребность психической деятельности, если взглянем на обыкновенные мотивы наших действий.

Если человек не принадлежит к одной из двух категорий людей, психическая деятельность которых совершенно обеспечена обилием материалов, если каждое утро не спрашивает у человека: "А что ты будешь есть сегодня?" или если он не поглощен какою-нибудь *страстной* работой, для которой всех дней жизни кажется ему мало, то одним из самых обыкновенных мотивов человеческих поступков является отыскивание так называемых развлечений, или, другими словами, материалов для психической деятельности. Книги, употребляемые как средство развлечения и поглощающие такую огромную часть времени у каждого образованного человека, карты, поглощающие почти столь же значительную часть времени у многих, вечеринки, прогулки, игрушки всякого рода для малых и взрослых, вино, сон, наконец, как отчаянное средство от нечего делать – все это и многое множество других *препровождении времени* не имеет в сущности другого значения, как удовлетворение врожденного человеческой душе стремления к непрерывной деятельности.

Страшная и жалкая фраза *убить время*, которая так часто слышится, лучше всего характеризует это *коренное* и *великое* стремление души. Человеку так мало, кажется, отпущено времени, а между тем он ищет всевозможных средств *убивать его*. Почему же человек так сердится на время, которого у него в запасе так немного? Не на время сердится человек, а только выражает этой фразой муку души, ничем не занятой.

8. Кто наблюдал над детьми, тот знает, что дитя счастливо не тогда, когда его забавляют, хотя оно и хохочет, но тогда, когда оно совершенно серьезно занимается увлекающим его делом. Руссо говорит, что дитя или смеется, или плачет* и забывает самое нормальное состояние детской души. К кому дитя больше привяжется: к тому ли, кто его смешит и лакомит, или к тому, кто сумеет давать ему увлекательную работу?

Какую игрушку предпочитает дитя: ту ли, которая тешит его блеском, звоном и яркими красками, или ту, которая дает посильную, но самостоятельную деятельность его душе? И заметьте, что после веселья дети непременно скучают и что за сильным смехом почти всегда следуют слезы, тогда как самостоятельная деятельность оставляет душу в нормальном, здоровом состоянии.

Из этих наблюдений, делаемых всеми педагогами, мы вправе вывести, что в душе дитяти сильнее всего высказывается стремление к самостоятельной деятельности.

9. Если мы будем анализировать страстные (аффективные) состояния человеческой души, то найдем в основе этих состояний опять же врожденное душе стремление к деятельности.

Возьмем, например, чувство глубокого горя, испытываемого нами при потере любимого человека, и мы увидим, что и здесь одна из причин наших страданий заключается в поражении души в ее стремлении к психической деятельности. Чем более душа наша находила деятельности в привязанности к оплакиваемому человеку, чем более насоздавала она из разнообразных отношений к нему различных *сочетаний следов**, чем обширнее и ветвистее была сеть этих сочетаний, тем тяжелее для нас потеря. Почти во всем, что мы делали, думали и чувствовали, почти во всех вереницах наших представлений, проникнутых чувствованиями и желаниями, человек этот был необходимым звеном, красною нитью во всех бесчисленных работах нашей души. И вдруг все это сложное здание, над постройкой которого душа наша столько потрудилась, составлявшее, может быть, все содержание нашей души, рухнуло и лежит в развалинах! Не раз мысль наша пробует кинуться на привычную дорогу, но ей навстречу грозные слова: "Его или ее уже нет, и сюда ходить более незачем". Человек пытается поднять какую-нибудь длинную, давно скованную вереницу представлений, и вся эта вереница разваливается на куски: из нее вырвано главное связующее звено; человек хочет предпринять что-нибудь новое и останавливается: нет уже того, кто входит в каждое его желание и каждое предприятие. Словом, все обширное поле душевной деятельности превратилось в одни развалины, в обширное кладбище, и, порываясь ежеминутно к этому кладбищу, человек ежеминутно поворачивает назад с чувством душевного страдания.

10. Человеку приходится теперь начать новую душевную постройку, но каждая новая душевная постройка, сколоченная на скорую руку, из обыденных материалов, вначале и слишком тесна, и вместе слишком широка, словом, не уютна, в сравнении с тем обширным и в то же время хорошо знакомым жилищем, где душе так легко и в то же время так широко работалось. Но вот новый барак мало-помалу отстраивается, прибавляется покой за покоем и этаж за этажом. С каждым годом работа все расширяется и идет все веселее, человек все больше входит в свою работу и все реже и реже вздыхает о прежнем счастье.

Вот почему люди праздные труднее переносят горе, чем люди, побуждаемые к безустанным труду потребностями материальной жизни. Вот почему молодость горюет, по-видимому, сильнее старости, но скорее ее излечивается от своего горя: молодость гораздо способнее, чем старость, связывать новые сочетания следов, выплетать новые их сети и выстраивать новые здания, у старости же часто не хватает материалов для новых душевных построек.

Гоголь подметил и ярко выразил эту черту старческого горя в своих старосветских помещиках. Образ старушки так вплелся во всю сеть, составлявшую содержание души Афанасия Ивановича, что как только судьба

вырвала эту красную нить, то и все это содержание развалилось, хотя старик продолжал еще двигаться.

11. Много горестей переносит человеческое сердце, но едва ли есть горе безвыходнее того, которое переносит пожилая женщина, потерявшая любимого и уже взрослого сына. Все душевные движения этой женщины, все вереницы ее мыслей, желаний, надежд, предприятий сплелись с идеей об этом утраченном человеке. Она начала жить им еще с тех пор, как почувствовала его жизнь под сердцем, и с тех пор каждую минуту и десятки лет вплетала его образ во всякое душевное свое движение. В душе ее не осталось ни одного уголка, куда бы она не внесла этого дорогого, всеосвещающего образа, и чем больше мысль о сыне вплеталась во все самые затаенные тропы ее души, тем становился он ей дороже. На одной из картин в Ватикане пресвятая дева изображена старухой, лобзающей зияющую рану на руке своего сына, только что снятого со креста. Может быть, следует обвинить художника, что он слишком человечески представил избранный им сюжет, но взгляните в лицо этой женщины, изображенное с необыкновенною силою, и вы поймете сразу, что весь мир – и земля и небо, все жизненные отношения, вся праздничная и будничная обстановка жизни, все желания и надежды, – все, что создавала душа этой женщины в продолжение долгой ее жизни, изорвано, измято, уничтожено и что теперь для нее весь мир в одной этой помертвелой руке, лежащей у нее на коленях, и в одной этой потемнелой, запекшейся язве.

12. Но не одно горе показывает нам в своем основании прирожденное стремление души к деятельности. То же самое заметим мы и во всех других чувствованиях, как это мы увидим ниже. Но и теперь мы не можем не привести нескольких примеров, которые показали бы читателю, почему мы положили в основу всех душевных стремлений *стремление души к деятельности*.

Одно из самых тяжелых для человека чувствований – это, бесспорно, чувство страха, и вот почему также одно из величайших наслаждений, какие только дано человеку испытывать, есть освобождение из-под невыносимого гнета подавляющего страха. Но почему же так тяжел страх и особенно страх бедствия, еще не вполне обозначившегося и размеры которого еще не определились? Наблюдайте над появлением этого чувствования, и вы заметите, что оно тяжело именно потому, что ставит непреодолимую преграду для дальнейшей душевной деятельности. Страх бросает тяжелые камни по всем тем путям, по которым привыкла ходить наша душа, а потому не дает ей возможности действовать свободно. Сильный страх, как тысяченогий полип, вплетается во всю нашу душевную работу и останавливает ее, и заметьте, что чем сильнее, обширнее и долговременнее угнетал нас страх, тем больший восторг обнимает нас, когда мы преодолеваем страх и когда душа, в которой потребность деятельности, сдержанная плотиною страха, накопилась, наконец, прорывает эту плотину. Так, горный поток, заваленный на время лавиною, долго копит свои силы, но когда, наконец, прорвет снега, то несется и разливается с силою, равную тому препятствию, которое он опрокинул.

13. Если мы приложим нашу мысль к привязанностям и ненавистям разного рода, то скоро увидим, что и в них лежит в основе врожденное стремление души к деятельности.

Всего сильнее, конечно, бывают привязанности человека к человеку, именно потому, что ничто так не способно дать душе человека такую обширную деятельность, какую может дать другой человек. Если же скряга привязывается к золоту, то привязывается он, конечно, не к металлу, но к тем мыслям, чувствам, надеждам и мечтам, которые вызываются в нем деньгами, как это ярко выставил Пушкин в своем "Скупом рыцаре". В этом постоянном приковании богатства уже давно открылась для скряги постоянная и притом прогрессивная психическая деятельность, и вот чем объясняются слова Ювенала: "Crescit amor nummi quantum ipsa pecunia crescit".

14. С кем мы дружимся скорее всего? С тем, чьи мысли, чувства, желания открывают больше новых сфер нашей психической деятельности. К кому мы питаем наибольшую ненависть? Именно к тому, кто повсюду является преградой к прогрессивному движению той же нашей психической деятельности, к тому, чей образ или мысль останавливает наши собственные мысли. Тиранизм мысли, которой мы почему бы то ни было не можем ни принять, ни забыть, ни опровергнуть, едва ли не всего сильнее возбуждает нашу ненависть.

15. Приведенных нами общеизвестных явлений психической жизни достаточно, чтобы оправдать, почему мы придаем такое важное значение стремлению души к сознательной деятельности, какого не придают обыкновенно. Это стремление признается, конечно, всеми психологами (нельзя же его не видеть!), но обыкновенно ему отводят место между множеством других стремлений. Так, например, Броун помещает его в число десяти главнейших родов желаний человека и придает ему, конечно, большое значение, но все же не то, на которое оно имеет полное право. Впрочем, мы не можем отказать себе в удовольствии привести здесь слова Бруна, доказывающие приращенность душе стремления к деятельности.

"Начиная деятельность или интересуясь деятельностью других, – говорит Броун, – мы не имеем мысли ни о неудовольствии, которого должны избежать, ни о счастье, которое должны испытать. Мы уже заняты прежде, чем почувствовали удовольствие занятия, мы уже не заняты прежде, чем почувствовали неудовольствие, происходящее оттого, что мы ничем не заняты. Природа не ожидает наших размышлений и расчетов, она, правда, дает нам способность рассуждать и рассчитывать, чтобы мы могли исправлять злоупотребления наших желаний, но желание, необходимое для нашего собственного благоденствия и для благоденствия окружающих нас, природа пробуждает в нас без нашего содействия"*.

Отбросив фаталистический оттенок, проглядывающий в этой мысли Бруна, мы найдем в ней прекрасное доказательство *первобытности* стремления к сознательной деятельности. Душа стремится к деятельности не потому, что испытала удовольствия, происходящие из деятельности, или

страдания от недостатка деятельности, а прямо потому, что это стремление составляет ее сущность, потому что душа неведомо для нее самой и независимо от ее желаний, независимо от каких-либо последующих расчетов и соображений является сама неиссякаемым источником этого стремления.

16. Герbart, не признававший никаких врожденных стремлений, не мог, конечно, признать и врожденного стремления души к деятельности. Но зато отрицание такого ясного психического явления заставило его впасть в противоречие с самим собою. Так, он приписывает это стремление (не отделяя его от физической потребности движений) не духу, а жизни*, и это говорит тот же самый Герbart, который еще прежде физиологов отверг гипотезу *жизненной силы!* Еще яснее выходит это противоречие, когда Герbart, в другом месте, даже самые чувствования (Gefühle) выводит некоторым образом из стремления к деятельности**.

17. Бенек не может отвернуться от признания врожденности стремления к деятельности, но придает ее своим "первичным силам". Но если душа с врожденными стремлениями есть гипотеза, то первичные силы со своею стремительностью тоже гипотеза, и мы предпочитаем всемирную гипотезу человечества ничем не оправданной гипотезе одного теоретика.

18. Таким образом, мы признаем, что душе *врождено* стремление к деятельности и что всякий человек, одаренный самосознанием, найдет непременно это стремление в своей душе. "Монарх, – говорит Броун, – занимающийся теми добровольными трудами, которые он называет забавами, должен почувствовать общность своей природы с природою поденщика"* . Но странно, как Броун, сознававший общность этого стремления и его первобытность, удовольствовался только тем, что поместил его, кажется, *восьмым* в числе своих десяти главных желаний. Не сам ли Броун в другом месте говорит: "Как бы ни был несчастлив человек, но если нам удастся занять его каким-нибудь образом, то он уже счастлив"? Не могла ли эта самая мысль побудить Бруна не только не ставить стремления к деятельности ниже стремления к счастью, но даже не ставить их наравне, так как первое по своей первобытности, несомненно, предшествует второму?

19. Стремление *к счастью* или стремление к удовольствию, которое выставляется многими психологами и философами за основное стремление души, из которого будто бы проистекают все прочие, несомненно, есть уже стремление *производное*, условливаемое представлением того, к чему стремишься, условливаемое, следовательно, опытами удовольствия и неудовольствия, которые должны предшествовать желанию счастья. Кант совершенно справедлив, говоря, что "состояние страданий непременно должно предшествовать всякому удовольствию"* . Эта мысль Канта согласна и с мыслью Локка, который все первые действия наши, а следовательно, и те, которые доставляют нам в результате удовольствие, выводит из "величайшего настоящего неудовольствия (the greatest present uneasiness)**". Замечательно, что в этой мысли своей Локк сходится с великим своим антагонистом Лейбницем и что в первых изданиях своего знаменитого сочинения (Of human

understanding) Локк придерживался общепринятой тогда мысли, что *идея величайшего блага* определяет деятельность человека, но потом, "после строгого исследования", отказался от нее и принял, что стремление выйти из неприятного положения есть первичный источник человеческой деятельности.

20. Мы уже видели, что те неприятные положения, из которых человек стремится выйти, устанавливаются самой природою в тех состояниях нервного организма, которые отзываются в душе неудовольствием и страданием; но источника того неудовольствия, которое испытывает душа при отсутствии сознательной деятельности, должно искать в самой же душе, в ее стремлении к сознательной жизни, которой она еще не знает, но отсутствие которой ее тяготит. Вот почему, вероятно, и Кант самое стремление к жизни называет тяжелым. "Чувствовать жизнь, – говорит он, – есть не что иное, как чувствовать себя вынужденным беспрестанно выходить из настоящего состояния. Это тягостное побуждение оставлять момент, в котором мы находимся, и переходить в другой имеет в себе нечто ускоряющее и может даже довести человека до решимости прекратить свою жизнь, если он уже испытал наслаждения всякого рода и для него не остается никаких новых наслаждений"*.

Но нет ли средства избавиться от такого неприятного подталкивающего стремления души, не прибегая к таким энергическим средствам? На это Кант нам отвечает следующее: "Если мы замечаем в себе недостаток ощущения, то это производит в нас некоторый ужас пустоты (*horror vacui*) и составляет как бы предчувствие смерти, смерти медленной и более тягостной, чем та, когда судьба разом перерезывает нить нашей жизни".

21. Нам кажется, что мысль Канта может быть выражена яснее, если мы заменим его философский язык языком психологическим. Если *нечто* побуждает нас переходить от одной душевной деятельности к другой и даже искать этой другой, еще не зная ее, то ясно, что это нечто не есть удовольствие новой деятельности, которой мы еще не знаем, а чувство неудовлетворения старою, которая начинает нам уже надоедать. Но почему же начинает она надоедать нам? Именно потому, что она *стара*, т.е. потому, что она нам известна, или, наконец, другими словами, потому, что она как известная мало дает деятельности душе нашей; следовательно, главною побудкою души к жизненной деятельности является недостаток этой самой деятельности, т.е. стремление к деятельности, живущее в душе.

22. Таким образом, мы признаем два источника стремлений: один – *телесный*, т.е. наш растительный организм со всеми его органическими потребностями, и другой – *душевный*, т.е. душу с ее неиссякаемым стремлением к сознательной деятельности. Оба эти стремления вместе составляют одно общее, всеобнимающее собою стремление *быть* и *жить*. Для тела важно – *быть*; для души же – *жить*. Существование без жизни не имеет для души никакого значения. Далее мы откроем еще третий источник стремлений: в тех особенностях, которые свойственны только душе человека и совокупность которых мы называем *духом*; но, признав этот третий источник уже теперь, мы затруднили бы наше исследование, а потому, предоставив себе

впоследствии рассмотреть *духовные* стремления человека, мы взглянем теперь на происхождение чувствований из первых двух источников: стремлений, выходящих из потребностей тела, и стремления, вытекающего из единственной потребности души.

Глава IX. Происхождение чувствований из органических причин

Происхождение органического чувствования удовольствия и неудовольствия (1 – 2). – Отношение чувства удовольствия к чувству неудовольствия (3). – Порождение специальных чувств из органических причин (4 – 12). – Почему нельзя признать объяснения чувств из эгоизма и из борьбы представлений (13 – 15)

1. Как ни разнообразны стремления, возникающие из потребности организма, но чувствования, которые в свою очередь возникают из удовлетворения или неудовлетворения этих стремлений, имеют общий характер, если только отделить специальность самих *ощущений*. Так, например, неудовлетворенность пищевого стремления и стремления к телесным движениям возбуждает в душе, независимо от разнообразия самих ощущений, одинаковые чувствования, а именно неудовлетворение этих потребностей, возрастая постепенно в своей напряженности, выражается чувством неудовлетворенности, беспокойства, так называемой физической тоски и, наконец, положительных страданий, которые, в свою очередь, могут возрасти в своей интенсивности до невыносимой степени. Точно так же удовлетворение тех же стремлений, независимо от специфического ощущения, сопровождающего это удовлетворение, отражается в душе, смотря по степени напряженности самого стремления, чувствования удовлетворенности, спокойствия, довольства и, наконец, более или менее напряженных наслаждений. Всем этим чувствованиям, возникающим от удовлетворения или неудовлетворения органических стремлений, какого бы они рода ни были, мы можем придать общее название, а именно *чувствований удовольствия и неудовольствия*.

2. Мы отчасти видели уже выше, в каком взаимном отношении являются в душе чувствования удовольствия и неудовольствия, возникающие от удовлетворения или неудовлетворения телесных потребностей. Удовольствие в этом случае находится в постоянной зависимости от неудовольствия. Без предварительного появления неудовольствия удовольствие не могло бы появиться: если бы, например, пищевая потребность человека удовлетворялась немедленно по мере ее проявления, то человек никогда не испытал бы удовольствия процесса питания. Степень же силы удовольствия находится в прямой зависимости от степени силы предшествующего ему неудовольствия. Чем напряженнее голод, тем напряженнее наслаждение при его удовлетворении.

3. Человек только на печальную монету страданий может покупать наслаждения. Все попытки обмануть природу при этом торге оказываются безуспешными. Человек непрерывно пытается уменьшить страдания,

возникающие из неудовлетворения телесных потребностей, и усилить степень наслаждения при их удовлетворении, но чувство *пресыщения* наказывает его за эти попытки обмана. Если же, не сознавая неизбежности закона природы, человек настойчиво идет по этому пути, то неумолимая природа выполняет над ним то превращение, которому подверглись сластолюбивые путники Улисса во дворце Цирцеи, или он доходит до мрачной апатии ко всему. Эту черту человеческой природы выразил образно Сократ, говоря, что Юпитер бросил на землю двух близнецов, наслаждение и страдание, так связавши их спинами, что никто не может развязать.

4. Гораздо менее было наблюдаемо то явление, что из состояния телесного организма кроме этих *общих чувствований*, удовольствия или неудовольствия, могут порождаться чувствования *специальные*, каковы гнев, страх, печаль, радость, влечение, отвращение. Как порождаются эти чувствования в душе из состояний телесного организма – этого психология не знает, точно так же, как не знает она и того, каким образом вибрация глазного нерва возбуждает в душе ощущение света и различных красок. Физиология, с своей стороны, также не знает, каковы те состояния нервного организма, которыми условливается чувство голода или жажды, а равно и *органическое* появление чувствований гнева или страха, но тем не менее факты такого органического появления различных чувствований несомненны.

5. Общая характеристическая черта всех чувствований, возникающих в душе из состояния организма, та, что все они являются для души *беспричинными*. Душа *испытывает* эти чувствования, но не находит в себе самой причины их. "Беспричинная радость", "беспричинная печаль", "беспричинный гнев", "беспричинный страх" говорим мы именно потому, что, испытывая эти чувствования в нас самих, мы не можем отыскать причины им в нашем сознании. Не находим же мы этой причины потому, что она не в сознании, а в ненормальных состояниях нашего телесного организма, на что ясно указывает множество медицинских наблюдений.

6. Ложное стремление наук к уединению было причиною, что психологи до сих пор так мало обратили внимания на эти органические чувствования, которые тем не менее по *качеству* своему ничем не отличаются от тех душевных чувствований, причину которых мы можем отыскать в нашем сознании. *Беспричинный* гнев, возникающий из органического расстройства, точно такой же гнев, как и тот, причину которого мы ясно сознаем в каком-нибудь рассердившем нас событии. Разница здесь не в качестве, а в источнике: один гнев выходит из области, лежащей вне нашего сознания, а другой – из причин, признаваемых нами, но как тот, так и другой – оба одинаково принадлежат душе, ибо понятие гневающегося фосфора точно так же нелепо, как и фосфора видящего или слышащего*. Чувствования, как и ощущения, принадлежат душе, но причины, их вызывающие, могут лежать и в теле.

7. Из психологов особенное внимание на органические чувствования обратил Карус. "Как все первобытные чувствования, – говорит он, – радость возникает из двоякого корня: иногда из ночи бессознания, а иногда из дня

сознательной жизни представлений. Чем свежее здоровье, чем благоприятнее отношения организма к внешнему миру, чем быстрее и нормальнее действуют все жизненные функции, тем благоприятнее с этой стороны настроение к развитию чувства радости, и все это действует тем могущественнее, чем менее еще развилась душа в самостоятельный дух. Отсюда такое разнообразие радостного возбуждения в различных возрастах и в различных личностях. Младенец, дитя, отрок (но уже менее) могут быть исполнены радости, сами не зная почему: черты лица их освещаются этим чувством, веселая улыбка играет у них на устах, и все вопросы о причине их радости были бы напрасны". "Точно так же и печаль, – говорит Карус далее, – выходит из двух различных областей – сознательной и бессознательной. Печаль (причина которой лежит в бессознательной области) есть частью замедленное биение сердца, бледность, происходящая от удаления крови из волосных сосудов кожи, замедленное дыхание и пр. От особенного отражения этих бессознательных процессов в самосознательном духе образуется в связи с одновременным представлением несчастья то, что мы называем печалью. Конечно, влияния, которые периодически возбуждают печаль в бессознательной стороне, могут быть очень разнообразны. Уже одни перемены атмосферы имеют весьма чувствительное влияние. Туманные дни, холодная сырость производят печальное настроение. Одни климаты более способствуют этому настроению, другие – менее. Прекращение печали так же может выходить из сознательной области, как и бессознательной. Всякому известно, сколько способствуют прекращению печального настроения духа телесное движение и особенно движение на свежем воздухе при солнечном сиянии. Не подлежит сомнению, что характеры целых народностей условливаются климатом"*.

Карус пытается также дать и объяснение этого явления, но, конечно, дает только гипотетическое. "Пытаясь, – говорит он, – по возможности уяснить себе процессы, при которых исчезает печаль, мы должны себе припомнить, как вся жизнь представлений особенным, таинственным образом связана с известными (известны ли они?) неизмеримыми переменами в иннервационном напряжении мозга", т. е., другими словами и откровеннее, разгадка этого явления скрывается в непостижимой связи души и нервного организма.

8. Не вдаваясь вместе с Карусом в туманное объяснение этих явлений, которое дало его психологии много поэтических, но не фактических страниц*, мы, однако, тем не менее полагаем, что психолог не может отвернуться от этих явлений и если не может объяснить их, то все же должен признать их существование и не имеет права строить теории, которая им противоречит. Вот почему мы вменяем в вину Гербарту и его последователям, что они построили Свою теорию возникновения чувствований единственно из борьбы представлений, как бы позабыв те случаи, когда чувствования возникают прямо из состояний организма. Если бы они не заметили влияния организма на наши чувствования и через них и на ход наших представлений в нормальном состоянии, то все же патологические случаи этого рода могли бы раскрыть им глаза. "Предположим себе, – говорит Карус, – что в одной из тропических стран

в жаркий, летний полдень, при солнечном сиянии идет здоровый человек с непокрытой головой. Напряженность солнечных лучей условливает сильное разгорячение головы, и кровь, стремительно приливая к мозгу, приводит его в состояние, которое мы в медицине называем воспалением. И вот этот покойный, еще недавно столь разумный человек чувствует себя духовно расстроенным: его мысли путаются, его обыкновенное мирозерцание извращается, безумнейшие фантазии теснятся в его душу, и он совершает самые яростные действия"**. Можно сознаться в невозможности объяснить подобные явления как психологически, так и физиологически, но отвернуться от них нельзя.

9. Какие изменения происходят в организме под влиянием яда бешеных животных, – этого медицина не знает.

"Водобоязнь не оставляет на субъектах, ей подвергшихся, никаких повреждений, которыми можно было бы объяснить болезненные припадки, наблюдаемые во время жизни субъекта, а кровь, выпускаемая у живых субъектов, подвергшихся водобоязни, тоже не обнаруживает никаких изменений"*. Тем не менее кто же может сомневаться, что причина водобоязни есть чисто физическая? Чем же, однако, яснее всего обнаруживается это последствие укушения бешеного животного? "Первый период бешенства проявляется печалью, беспокойством, бессонницею, головными болями, некоторою живостью и болтливостью, во втором появляется неодолимое отвращение к жидкостям, сопровождаемое ужасом"**. Не должно ли признать, что причина чисто психических явлений, каковы страх, отвращение, печаль, гнев, в припадках водобоязни находится не в душе и ее представлениях, а в болезненном расстройстве телесного организма?

10. Ипохондрия, зависящая часто от физических причин и нередко бывающая недугом наследственным*, не вызывает ли также беспричинного чувства печали, недоверия, страха? Страх – это самое угнетающее из человеческих чувствований – может достичь при ипохондрии такой напряженности, что человек для того только, чтобы не бояться за жизнь свою, решается прекратить ее. Конечно, медики еще не согласны в том, приписать ли в ипохондрии большее влияние причинам душевным или телесным**, но во всяком случае если эта болезнь может быть наследственной, то, кажется, нельзя сомневаться, что причина ее лежит также и в ненормальном состоянии нервного организма.

11. Факты говорят ясно, что даже чувства привязанности или влечения к предмету могут порождаться под влиянием органических причин, лежащих вне нашего сознания. Ласковая собачонка, за минуту лизавшая руку господина, даже и тогда, когда он ее наказывал, тотчас же начинает огрызаться на него, как только произведет на свет щенка. Конечно, мы замечаем здесь только проявление гнева, но нетрудно видеть, что гнев в этом случае есть только обратная сторона привязанности, быстро развившейся под влиянием органических изменений в животном. И привязанность эта продолжается у животного ровно столько времени, сколько организм его находится в

особенном состоянии, а именно весь период кормления, и затем исчезает без следа; тогда как должна была бы усиливаться, если бы эта привязанность зависела от ассоциации представлений, как это делается у человека, у которого органическая привязанность есть только основа привязанности душевной, не имеющей конца. И заметьте, что животное, привязанность которого к человеку растет с годами, не выказывает этого возрастания привязанности в отношении своих собственных детенышей. Не ясно ли, что в обоих случаях причина привязанности различна? В *одном* – это периодическое состояние организма, а в *другом* – все растущая и расширяющаяся ассоциация представлений. Можно ли же не удивляться, что при таких ясных фактах многие философы и психологи продолжают объяснять явления материнской привязанности, общие и человеку и животным, расчетами эгоизма или *одной* ассоциацией представлений?

12. Мы видели, как возникает чувство отвращения в водобоязни, но, по замечанию знатока душевных болезней Эскироля, у безумных чаще всего оказывается изменение душевных привязанностей, так что они или становятся равнодушными к своим родным и друзьям, или выказывают им даже ненависть. Безумные бегут, кричат, предаются бешенству "без всяких других побуждений, как только кричать, бежать, убивать"* . Кто же сомневается, что все эти чувствования и все эти извращения чувствований возникают у безумных из ненормального состояния телесного организма, а не из ассоциаций представлений? Наоборот, самые представления здесь подбираются уже тем чувствованием, которое возникло в душе под влиянием физических страданий. Безумный в своих мечтах подбирает именно те представления, которые дают пищу угнетающему его органическому чувству.

13. Ввиду таких несомненных фактов мы не можем признать ни теории, объясняющей все чувства из эгоизма, ни теории, объясняющей все чувства из борьбы представлений. Мы видим ясно, что чувствования могут порождаться в душе без всякого эгоистического расчета и без всякой борьбы представлений. В эту последнюю ошибку впадают не только Гербарт и его последователи, но даже и Спиноза, когда выдает за аксиому, что "виды мышления, каковы любовь, желание и другие чувствования души, какими бы именами их ни называли, не могут существовать без того, чтобы в индивидууме, в котором они совершаются, не было идеи о вещи любимой, желаемой и пр., тогда как идея может существовать без всякого другого вида мысли"* . Мы же видим, что чувствования могут рождаться вовсе не из идей, а прямо появляться в душе как отзвуки ее на органические изменения, для души не известные: могут рождаться в душе точно так же, как рождаются в ней ощущения звука или света в ответ на вибрацию слуховых или зрительных нервов, о которой душа ничего не знает, и страдания голода или жажды в ответ на специальное состояние организма.

14. Если из всего материального мира душа может ощущать только нервный организм, или, по выражению Каруса, "созерцает мир под формою нервной системы"* , то понятно само собой, какое решительное влияние должны оказывать на психологические явления все патологические или

периодические изменения в этом организме. Если мы приняли, что предполагаемые вибрации нервов выражаются в душе разнообразными ощущениями, то точно так же и ввиду представленных фактов должны принять, что патологические или периодические перемены в нервной системе отражаются в душе различными чувствованиями. В обоих случаях душа одинаково не знает ни о причине своих ощущений, ни о причине своих чувствований, а *просто испытывает их*. Карус, правда, намекает, что душа прямо испытывает различные органические изменения, но мы думаем, что где дело идет о чувстве, там необходимо принять посредствующее участие нервной системы. Изменение в составе крови, например, действует на изменение наших чувств, но, конечно, не иначе, как через посредство нервной системы, подчиняющейся влиянию такого изменения крови.

15. Видя из таких несомненных фактов, что все элементарные чувствования, удовольствие и неудовольствие, гнев, страх, привязанность и отвращение могут рождаться в душе *беспричинно*, т.е. без причин, доступных непосредственному ее сознанию, и только под влиянием патологических и периодических состояний нервного организма, мы должны приписать способность этих чувствований душе совершенно на том же основании, на котором приписали мы ей способность зрительных, слуховых и осязательных ощущений, из которых возникают все наши представления.

Вот почему мы одинаково отвергаем и теорию возникновения чувствований из эгоизма, и теорию возникновения их из столкновения представлений, хотя признаем много справедливого в обеих, как это мы сейчас покажем.

Учебное текстовое электронное издание

Сост. Неретина Татьяна Геннадьевна

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ: ПРАКТИКУМ

Учебное пособие

2,50 Мб

1 электрон. опт. диск

г. Магнитогорск, 2020 год
ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова»
Адрес: 455000, Россия, Челябинская область, г. Магнитогорск,
пр. Ленина 38

ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова»
Кафедра педагогического образования и документоведения
Центр электронных образовательных ресурсов и
дистанционных образовательных технологий
e-mail: ceor_dot@mail.ru